

5798

ХРАМЪ СЛАВЫ
РОССІЙСКИХЪ ИРОЕВЪ.

1831 г.
М

5798

ХРАМЪ СЛАВЫ
РОССІЙСКИХЪ
И Р О Е В Ъ,

ОТЪ

ВРЕМЯ ГОСТОМЫСЛА

ДО

ЦАРСТВОВАНИЯ РОМАНОВЫХЪ.

ВЪ САНКТ ПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ, 1803 года.

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ

ВЕЛИЧЕСТВУ,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМУ ГОСУДАРЮ!

ИМПЕРАТОРУ,

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦУ

ВСЕЯРОССИИ.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Къ ТВОИМЪ столамъ, праравнухъ Великаго ПЕТРА, внука Мудрой ЕКАТЕРИНЫ, къ ТВОИМЪ столамъ, Монархъ и Отецъ доблественнаго народа, повергаю трудъ сей, во славу отечества нагатый. Благоволи принять оный не по изяществу слога, но по важности предмета. Се жертва тистая души, къ ТЕБѢ отверженной, жертва токмо ТЕБѢ, Повелитель полсѣта! принадлежащая, яко потомку тѣхъ достохвалныхъ Скиптродержцевъ, о коихъ возвѣстилъ я здѣсь; Они еще и по днесь сіяютъ изъ нѣдръ вѣчности добродѣтелию своими: — въ ТВОЕЙ благости, въ ТВОЕМЪ милосердіи, — въ любви къ истиннѣ и просвѣщенію.

Храмъ Славы, украшенный безмертнымъ именованіемъ АЛЕКСАНДРА I, пребудетъ негиблемъ, доколѣ продлится основаніе подсолнечной, ибо всесокрушающее Время, зря толь дражайшее многимъ народамъ имя, не дерзнетъ коснуться зданію сему; но соблюдетъ

его въ роды родовъ: сонмъ Россійскихъ прископамятныхъ Ироевъ прославитъ ТЕБЯ въ вѣкахъ грядущихъ, и само позднѣйшее потомство соллететъ ТЕБѢ немлѣныя вѣнцы.

Удостой се приношеніе ТВОИМЪ благопромышляющимъ о насъ взоромъ, Царь сердецъ! — Живо-творящее вселенную солнце изводитъ блистательный лучъ свой и на самую малую калюю росы. — ТВОИ взоръ ополтитъ духъ мой силою на прекожденіе предпринятаго мною полрица и дастъ мнѣ новое бытіе; я преживу время и повѣдаю сынамъ сыновъ моихъ, сколь велико есть щастіе быть

ТВОИМЪ!

АВГУСТѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Вѣрноподданнѣйшимъ

Павелъ Лавровъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ Храму Славы Россійскихъ Героевъ.

Первой рисунокъ представляеиъ внѣшній припворъ Храма. Слава одернувъ завесу ноци, знаменующую мракъ давнобытности, показуеиъ Россію увѣчанную Кіевскими пвердынями, и сѣдущею на профекъ съ лавровою вѣнчиво въ десницѣ, яко добычею побѣдъ, о коихъ Слава трубитъ въ концы вселенныи. Вдали виденъ Царь - Градъ и врата онаго со щитоиъ, носяцииъ имя Слава, во свидѣтельство шоржества Россійскаго Царства надъ Греческою Имперіею.

Второй рисунокъ представляеиъ Славянина, держащаго лавровою вѣнецъ, награду, спяжанную имъ за богатырскіе подвиги, и покоящагося, опершиая на шаръ земли, украшенной имениемъ Россіи; шлемъ на главѣ его и мечъ при бедрѣ доказываюиъ, что онъ во всякое время готовъ защищать отечество свое и всегда на спражъ онаго.

ИЗЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ,

Принадлежащихъ къ картинѣ Славянской Древности.

Первой рисунокъ изображаетъ Россію, увѣчанную Новгородскими башнями, сѣдущею на Руническихъ камняхъ, знаменующихъ ея глубокую древность и пвердое основаніе: она держитъ въ одной рукѣ Московское, отечесивенное знамя, а въ другой знамена, Римское и Греческое, въ доказательство одержанныхъ ею побѣдъ надъ Римлянами и Греками въ прошекшіе вѣки. Близъ нее орелъ съ перуномъ, какъ бы готовый къ паренію, означаетъ быспрошу, силу, неутомимость и превосходство пламеннаго, народнаго духа. Поверженный къ спонямъ Ея щитъ съ гербами: Сибирскимъ, Казанскимъ и Астраханскимъ, показуеиъ при сильномъ Царствѣ, Россіею подъ своею державою покоренныи; а скрижали съ *Русскою правдою*, прислоненныи къ колѣну сѣ Царицы Царствъ, знаменуяиъ, что и въ самыи дре-

внѣ времена нравы Россійи образованы были законами, которые существовали въ Россіи до Рурика; ибо *Русская правда* суть законы старые, Ярославомъ возобновленные или дополненные.

Второй рисунокъ представляеиъ Россійскаго Геркулеса, подающего двухъ змѣй въ колыбели своей (чего ради и гербъ Московской на ней изображенъ), — или въ лицѣ его Россію, во младенчествѣ бывшую; и тогда она преодолевала и покоряла себѣ нападавшихъ на нее иноплеменниковъ; а что и того ближе, Эмблема сія свидѣтельствуетъ мужество Росса, которой, удрученъ бывъ нѣкогда напасъми, изнемогалъ подобно слабому младенцу, но при всемъ помѣ искоренилъ впооргшихся въ опечество его двухъ змѣйшихъ супоснаповъ: Ташаръ и Поляковъ.

Погрѣшности, вкравшіяся въ шипографіи, при напечатаніи сея книги, авторъ вынесъ на особомъ листѣ.

ХРАМЪ СЛАВЫ РОССІЙСКИХЪ ДРОЕВЪ.

Благословляю васъ злачные брега кропкой *Индоманы* (*); вамъ обязанъ я ирѣшнѣйшими часами дней моихъ. Во глубинѣ густыхъ роцей, освѣняющихъ цвѣшистые холмы ваши, царствуетъ безмятежная тишина, кою рой ни въ какое время не нарушалъ буйный гласъ развращенной праздности. Въ нѣдрахъ сего таинственнаго

(*) Рѣка текущая въ Бѣлозерскомъ уездѣ.

убѣжища, гдѣ можешь быть опшывалось когда нибудь единственно шомное воздыханіе робкой любви, важная задумчивость основала свое пребываніе и дерзновенная нога порока никогда слѣдовъ шуда не пролагала. Здѣсь, въ семь мирномъ приспанищѣ, ошъ суешь и коловрашноспи удаленномъ, я предавала поучительнымъ размшшеніямъ, коихъ виною было живое впечатлѣніе шѣхъ радостей и печалей, какія испышала душа моя на попрощѣ жизни. Мой умъ освобожденный ошъ оныхъ рабскихъ узъ, которыми спѣсняли его въ шумномъ многлюдствѣ заблужденіе и предрасудокъ, владычешвуюющіе надъ свѣшомъ; мой умъ, подобно пернашымъ заботъ невѣдущимъ, лешѣлъ ошъ бренной земли къ небеснымъ кругамъ и возкрыленъ бывъ силою воображенія париль по безпредѣльному Царству мѣчанія: шо носился надъ мрачными вѣками давнобышности, шо созидаль чудесные мѣры тадашельнаго блаженшва.

Тихая сѣнь уединенія моего! сколь мило сердцу моему и одно о шобѣ воспоминаніе! Углубясь въ сумракъ, подъ шемнозеленые швомъ своды, мнилъ я, будшо преходиль въ новую жизнь. Хотя и не испышывалъ сего ужаснаго раздѣленія меня со мною, оной вѣчной съ самимъ собою разлуки, что мы называемъ смершю, но я былъ мершвъ для всѣхъ заразь превращаго свѣша: наслаждался шокмо шѣмъ удовольшвіемъ, какое приошшь намъ созерданіе огромной каршины шворенія и

собственнаго бытія нашего, неоправленнаго угрызеніями совѣсти. Смертныя! сердце ваше пучина страстей; оно кипитъ огнемъ желаній и часто влечетъ васъ къ бѣдамъ; но въ уединеніи укрощаетъ и изъ огнедышащаго Вулкана премѣняется въ чистый, зеркаловидный водоемъ, являющей свѣтлое лице Небесъ. Человѣкъ уединясь входитъ въ святилище сердца своего и въ немъ изслѣдуя себя научается превосходнѣйшей изъ всѣхъ наукъ: — бытъ щастливымъ. Въ уединеніи пріобрѣтаешь шайншвенная сила откровенія, которая, отдѣляя человѣка отъ всего вещественнаго и смертнаго, сближаетъ его съ Творцомъ сей прекрасной вселенной, вразумляетъ его къ какому концу стремятся всѣ Начала, чудеснымъ Вышняго промысломъ управляемая: будучи всегда обильна высокими думами, точна въ соображеніи прошедшаго съ настоящимъ и предъидущимъ, провидяща сдѣленіе событий, сія Божественная сила откровенія, знаменуя безсмертныя души, ясно изображаетъ оное великое, неизъяснимое, но испытуемое существо, изъ коего произтекла; существо, которое вина всѣхъ причинъ.

Колико ни щипишься смертный, алчущій богатства изторгаешь многоцѣнные камни и металлы изъ утробы земной; какъ ни усиливается сражаешься съ стихіями и спязуясь даже съ судьбою, для корысти, преплываешь моря, но всѣ сокровища, такъ сказать, жизни ему сплю-

щѣ, сравниться не могушь съ блаженствомъ, какинѣ
 уединеніе надѣляетъ; въ немъ лучшее богатство, — миръ
 съ самимъ собою; въ немъ превосходнѣйшія утѣхи, —
 постепенное сплжаніе вездѣ сущаго добра, являющагося
 въ разнообразныхъ произведеніяхъ щедрой природы.
 Благодарю тебя, любезное убѣжище мое за наслажденія
 мною испытанныя. Подъ мшистымъ кровомъ своимъ
 я вкушалъ покой. Утомленный прогулкою забывался
 въ объятіяхъ любви и невинности. Ахъ! какъ сладко
 засыпалъ я на мягкой муравѣ, покрытой душистымъ
 облакомъ цвѣтущихъ сельныхъ; тогда и самый сонъ мой
 являлъ мнѣ прелѣсныя мечны. Причудливая сласто-
 любцевъ нѣга! Матерь пороковъ! Твое, раздражающее
 оспраши, лоно ничто предъ симъ. Чудо перси тебѣ
 предавшееся никогда не спитъ сладко; различными
 привидѣніями и грѣзами развращъ тревожитъ его пресы-
 щенную довольствомъ душу; утомленный неумѣрен-
 ностію чувства ошьяли силу жизни у его изнуренныхъ
 членовъ.

Въ одинъ ясной вечеръ, каковыми плодощворное
 дѣло украшаетъ землю, сѣдъ подъ вѣтвями много-
 лѣтнихъ елей, нависшихъ надъ прозрачною рѣкою,
 я читалъ книгу бышійя. Вперивъ всю мысль въ произ-
 шествіи міра, въ дѣяніи людей, зрѣлъ начало возвы-
 шенія Царствъ и причины изденія ихъ, ужасные перево-
 роны, гибель цѣлыхъ народовъ, ослабленіе сильныхъ

Монархій и шѣ роковые, часто шаловажные случаи, но
 отъ коихъ зависѣла судьба милліоновъ человекъ! Сіе
 бышописаніе предшавлялося очамъ моимъ какъ нѣкая
 узорчатая шкань; великіе мужи блиспали шумъ подоб-
 но яркимъ цвѣшамъ среди густыхъ шѣней. Я видѣлъ
 то превознесенное состояніе Рима, въ которое Царя
 за честь вмѣняли нарицаться его Гражданами, и напо-
 слѣдокъ то низкое его состояніе, когда разнушвые
 невѣжды содѣлаались его владыками. Сколь много про-
 лито человѣческой крови!! Колико тысящъ невинныхъ
 принесено въ жершву высокомѣрью, алчбѣ, буйшву и
 суесвяшству!! Сколькo предразсудковъ и заблужденій
 вошло въ обычаи!! Сколькo обычаевъ премѣнилось въ
 законы!! сколько законовъ несогласныхъ съ истинною!
 какихъ шрагедій не было на шеапрѣ свѣша? были и кре-
 стовые походы: ухищреніе ими повелѣвало, а безуміе
 повинвалось; изувѣршво снакнувшисъ съ корышолоу-
 биемъ сожигало и людей въ коспрахъ. Были всякаго
 рода предашельства и измѣны!! гремяли Ватиканскіе
 перуны! Нѣ, о!! ужась всѣхъ времянь!! просвѣщенные
 сыны Европы съ крестомъ и мечемъ вступають въ
 четвертую страну міра и открываютъ шамъ новыя
 забавы!! Они шравяють всами человеквъ и шому изъ
 сихъ люшыхъ живонныхъ дають ошличное наимянова-
 ніе, которое болѣе несчастныхъ погубило: они ушѣща-
 ются шраданіемъ непорочности и добродѣтели шомя-

щихся въ разноизобрѣшенныхъ мукахъ. Какихъ пытокъ, какихъ жестокошей не вымышляло тамъ безчеловѣчїе, слѣбнымъ суевѣрїемъ подкрѣпленное, на изстребленїе беззащитныхъ дѣшей природы! Скажемъ не обинуясь, что книга бышїа ничто иное какъ изображенїе всегда торжествовавшихъ золь: коварства, насилїа, невѣжества; но по переменнo, по вкупѣ перзавшихъ челоуѣчество, въ продолженїе всѣхъ вѣковъ.

Я видѣлъ Аристїда въ изгнанїи, Сократа въ пещицѣ, Фокїона въ оковахъ; видѣлъ правду и любовь къ ошечеству на лобномъ мѣстѣ; но строгосудящее потомство благославляетъ ихъ и сооружаетъ имъ негнблемые памятники — въ сердцахъ мудрыхъ. Я видѣлъ Калигулу богочествуема жрецами, Нерона въ Дїадимѣ, Гелїогабала на тронѣ: щасливые чудовища сїи, позоръ челоуѣческаго рода, хоща и вынудили подданныхъ своихъ звѣрствомъ ихъ ушрашенныхъ, дабы воздавалося имъ поклоненїе богамъ принадлежашее, но что же по смерти? — поруганїе и кланва преслѣдуетъ гнусныя имена ихъ изъ рода въ родѣ. Слѣбная богиня чшобъ увѣковѣчить нештовство своихъ нечестивыхъ любимцевъ хоща и нарицала ихъ великими, но Свѣшварная истинна сдернула съ нихъ блистательный покровъ и вмѣшо боговъ показала въ нихъ вѣкамъ грядущимъ — злодѣевъ.

Подобно мореплавателю, окинувшему взоромъ

пространство океана и съ волни на волну спрем-
 яющемуся на вѣхъ вѣтрилахъ къ ошечественному брегу,
 я переходилъ ошъ народа къ народу, ошъ поколенія
 къ поколенію; слѣдоваль за побѣдами шо сихъ, шо
 иѣхъ; спранствоваль изъ древняго Вавилона къ пре-
 словушымъ Оивамъ и въ ученые Аѣнны, изъ браиноно-
 сной Спаршы къ гордымъ сѣбнамъ Ромулова града,
 ошъ падшей Кашишолѣи въ пышную Константишинову
 шишлицу, а ошшуда къ мудрымъ Гиперборейцамъ, къ
 мужественнымъ Риеашамъ; ко оному доблестивенному
 Славянъ племени, кошорое владычествовало надъ спра-
 нами лежащими между льдисныхъ горъ сѣвѣра и подне-
 бесныхъ хребтовъ Кавказа; надъ странами, кои просши-
 рались ошъ волнь Варяжскаго моря до пучинъ Евксин-
 скихъ, ошъ безднъ Хвалыскихъ и до водъ Адриатише-
 скаго Понна. Здѣсь пошомки Мосоховы Кій, Щехъ и
 Хоревъ созидають первопреснольный градъ у быспро-
 шечнаго Днепра; тамъ другое колено Славянъ возлюбя
 мѣста покоющагося Илменя и шихія спруи Волхова
 зиждеть Славенскъ, изъ развалинь коего возникъ вели-
 кій Новградъ. Ешши вѣришь Ишорѣи, шо сія знамени-
 шая полношного края эпоха была въ началѣ шестой
 эпохи мѣра, въ шѣ едва памятные годы, когда еще
 дымилась остатки сокрушеннаго Илѣона, когда бли-
 спаль на поверхности земной новосооруженный Соло-
 мономъ Храмъ, и когда еще ни власшвовавшій надъ вселен-

ною Римъ, ни храбрая соперница его Кароленга даже и причинъ къ произхожденію своему не имѣла (*). Разсѣвася шракъ времянь; уже начинаютъ являться на поприщѣ славы Россійскіе Ирои; подобно дневному свѣтлу изъ облакъ викапившемуся они сіяють въ вѣкахъ прешедшихъ. Но кто во кто воспѣлъ дѣла ихъ? Гдѣ твои пѣсни Скальда давныхъ лѣтъ Россіи, славный въ преданіяхъ Бояръ? гдѣ памятники сихъ безсмертныхъ основателей ошечества? ужели Ирои сїи, равно древамъ пустыннымъ, бросающимъ шѣнь свою на одни лишь хладныя камни? ужели должны пребыть они на всегда сокрытыми въ листахъ дѣписаній? и пылае око юноши не пленится ихъ благороднымъ изрядствомъ? и рыный духъ его не возпламенился огнемъ ихъ доблести? О! Слава! кумиръ великихъ сердець! И ты о нихъ безиолсвуешь! между шѣмъ какъ любосластный и запальчивый юноша превознесенъ богами вдохновеннымъ Омромъ, а недосшойному бѣгледу бряцала въ честь Маншванская громкая лира! Ты проповѣдуешь токмо о дерзостныхъ сынахъ щасія, истинное же достоинство оставаяеть безвѣстнымъ.

Такъ я сѣшоваалъ, и предавшись сему размышленію не примѣшила какъ черная шѣнь лѣсовъ разпростерлась

(*) Славенскъ построень въ 3099 году отъ сотворенія Мїра, за 2401 годъ до Рождества Христова. Смотр: подробную лѣшенись ошѣ начала Россіи до Полтавской лѣбѣды, изданную въ 1798 году, Н. А.

по долинѣ и какъ погасъ алый лучъ зари на стеклянчатомъ окнѣ дома моего. Уже серебряный свѣтъ блѣдной луны сверкалъ въ мелькающихъ струяхъ рѣки; ушей и западный вѣтръ; умолкли птицы; ночь приближалась въ черной порфирѣ своей, съ важною мишиною; одинъ лишь соловей, шамъ, за рѣкою, въ березовой чащѣ, рассыпалъ звонкія прели по окрестности и пѣснями своими сугубилъ величавость природы на сонъ грядущей. Волшебный голосъ ночного сладкопѣвца очаровывалъ душу мою, наполняя ее пріятною поминущею, и ввергалъ меня въ влѣдшую задумчивость. Тонкая влага благовонныхъ испареній опагошила мои вѣжды; — я воздремалъ.

Но дремалъ ли я, или бодрствовалъ? . . . Какъ нареку тебя, о! крашкое время неизреченнаго возмищенія? . . . Не дремошю, не сномъ, но духовнымъ существованіемъ. Внезапный восторгъ облялъ меня всего; какая шо животворная шедлоша согрѣла грудь мою: я млѣлъ въ тихой радости, которая чужда шумной радости земной, а подобна бальзамическому дыханію цвѣтловъ, носящемуся по зарямъ ушреннымъ и освѣжающему чувству; она ободряла духъ. Миѣ представились виды чудной красоты.

Какая кисть удобна изобразить велелѣніе небесное, плѣннвшее и очи и умъ мой? какое перо опишетъ изящество горныхъ зданій, мною виданныхъ? О бесеме-

ршій Гений! Честь Россіянъ! Ты, коего добродетельная лира изумляла весь севѣръ своими торжественными звуками, неподражаемый Ломоносовъ! Дай мнѣ даръ слова своего: да возвѣщу о дивномъ царствѣ Славы; да гласъ мой, подобно своему сладкословію пронесется въ вѣки и возпламенитъ духъ позднѣйшихъ попомковъ.

Казалось мнѣ что я стоялъ на прѣвысокайшей горѣ, какъ бы посреди земли, морей и небесъ; вся вселенная отверста была моему взору (). Океанъ свѣта, что крашкodneвные жилища подсолнечной называютъ жемчужнымъ путемъ, волновался надъ моею главою, а окрестъ меня лежала цѣль древнихъ и вновь воздвигнутыхъ храмовъ, шедшихъ въ дальновидности; на негнблемыхъ вершинахъ высокихъ скалъ воздвигались памятники съ сіяющими надписями, въ честь героевъ; бури и время не смѣли прикасаться имъ. По оплотащямъ холмовъ, кои были подножіемъ храмовъ, зеленѣли роши лавровыхъ деревьевъ и капились извивистыя рѣки; лучшими произрашеніями изобилующія равнины какъ ковры разстилались между ими; шумѣли водопады; журчали изпочники по камнямъ переливающимся; восхитительное пѣніе среброкрылаго лебедя съ Меандрскихъ водъ отзывалось по рощамъ. Тамъ вѣчная весна сочсшавала преле-*

(*) Такъ изъясняется Александръ Поле въ своемъ Храмѣ Славы.

спни свои съ богатствомъ осени. Тамъ все очаровывало и зрѣніе и слухъ!

Раздался шрубный гласъ, поколебалась швердь, ошверзлась превыспренняя; шѣмы мѣровъ висящихъ на собственной тяжести своей торбѣи какъ лампы въ неизмѣримомъ пространствѣ безконечности и по лѣствицѣ вдругъ соорудившейся изъ рдѣныхъ облаковъ, подобныхъ шѣмъ, кои послѣ бурной, лѣшней ночи оснавившись до шикой зари на горизонтѣ, представляюща горы раскаленного рубина, ошъ огней восходящаго солнца; по сей велѣбной лѣствицѣ, коея верхъ шерялся въ неудобозримой ондаленности Эмпирея, а низъ касался земли, сходила Богиня, Царица всѣхъ времявъ; восхищающее душу имя ея: *Слова*. Нищо на свѣстѣ краше, величественнѣе, привлекательнѣе быти не можешь! Чѣмъ болѣе она приближалась, шѣмъ очаровательнѣе была ея волшебная красота; шѣмъ ярче блискали ея прелесныя взоры, воспаляющіе сердца; шѣмъ возвышеннѣе содѣлывался ростъ ея. Улыбка, смерпнымъ невѣдомая, пріумножала любезность ея милакъ устъ, и восторгомъ дарила душу. Вѣчнозеленая и всегда свѣжѣя лозы соплешшихся лавровъ съ маслинами и мандрагорами (*), увиваясь вокругъ свѣтлозарнаго чела

(*) *Мандрагоры* родъ цвѣтнвъ и плодовъ благовонныхъ, распушихъ въ Палестинѣ; они весьма пріятны и врачевны. При томъ же цвѣтны *Мандрагоры* имѣютъ силу любовшорную и привлекательную.

ея, соснзавляли шелѣнный вѣнецъ. Драгоцѣнныя перлы,
 сваваясь съ ея русыми волосами возвышали ихъ красу,
 и вѣснѣ съ ними разсыпались по бѣлымъ ея раменамъ.
 Многоцѣнныя камни, какъ звѣзды, сіали на пышной
 груди ея и по лилейной выѣ. Ланивы ея, — роза ушрен-
 няя. Каждая черта божественнаго ея зрака, — неощу-
 лимая зараза для шого, кто рожденъ съ великимъ ду-
 хомъ. Гдѣ она смунитъ, тамъ амарантъ (*) прозавушъ.
 Тонкая риза, обрисовывающая ловкость нѣжныкъ ея
 членовъ, оманвалась златомъ солнца и серебромъ луны;
 казалось, она сожана была изъ лучей сихъ горныхъ
 свѣтилъ, коихъ лѣпошюю небесная твердь превозносилась.
 Вообще Богиня столь была плѣнительна, что сама
 прелестная Природа, роскошествующая всюю красотою
 майскихъ дней, должншвовала ей во всемъ уступитъ.
 Какъ жаръ свѣтлая, въ десницѣ ея, труба доказывала
 о ней, что она раздастъ міру хвалы и похвалы,
 что она разполагаетъ безсмертїемъ. Хотя и не была
 столь многоочнша, столь чудовидна, какъ изобразилъ ее
 въ неподражаемыхъ пѣсняхъ своихъ Пѣвецъ Энея; но
 быстрыя звѣницы очесъ ея проникающъ нѣдро горъ,
 глубину морей, самыя сокровеннѣйшія хранилища тамъ;

(*) *Амарантъ* цвѣтъ яркой, долго неувааемый, но когда и засох-
 нетъ, то все не теряетъ своего вида, а по шому и починается
 символомъ негиблемости.

сквозь самые тустые мраки она видншь какъ порокъ пользуется своимъ успѣхомъ: ея зрима цѣль дальневидныхъ замысловъ великихъ мужей. Слухъ же ея ещюль необычаенъ, что она слышншь, какъ Герой, еще младенцемъ сущій, движется въ ушробѣ матери своей.

Многочисленное дворослуженіе окружало ее; ей предшествовали: неуспрашимый *Патриотизмъ*, рыдая *Храбрость*, отважная *Предпримчивость*, радости полная *Побѣда* и строгое *Экономическое*. Зоркіе орлы, спущенники шоржешвъ, парали надъ ея главою. Ближе нее шѣснились шолны крылашыхъ Геніевъ: то были ея вѣрныя слуги; одни прилежали къ ней и сообщали все, что ни шворилось добраго и злаго на земли; а другіе были прозвѣснники ея похвалъ и хуленій, и разносили ихъ въ концы вселенныя. По слѣдамъ ея шли девять сестръ, никогда неперешаривающія Птериды: онѣ воспѣвали Богинѣ въ честь хвалебныя пѣсни. За ними шекло покорствующее ей Время, опираясь на свою косу, которой нагубное остріе никогда не притупляется; оно вело за собою тысячи и шьмы лѣвъ, исходящихъ цѣлымъ рядомъ изъ неудобопроницаемой внутренности небесной точно шкъ, какъ прилежашъ къ намъ на лѣто снада пернашыхъ опъ знойныхъ странъ; или шако, какъ выбѣгашъ на лугъ снадо среброрунныхъ агнцовъ изъ вмѣстнлица своего и разѣвашся по всему зеленому долу; а подобно несмѣшнымъ во-

лнншь морскннь, сїи чада времени поспнгалн другъ друга и мгновешно одннъ поглощалъ другаго.

Ннкогда на мысль не веходнло смертному, въ худолн плачевной снранспвующему, видѣть шакое пре- красное зрѣлнще, каковымъ сїя владычца народныхъ мнѣшнй чаруетъ пнбннющееся ею око! Казалось, что самн небеса предъ нею преклонялнся. Все сїе необо- зрнмое проснранство, посреди коего я нахонднлся, украснлось для нее превосходнѣншнмъ велелѣннемъ. Значные холмы возвыснлись, подобно горамъ; крнмы и памншннкн, на оныхъ воздвнгнушыя, разшнрнлись и вознеслн вершнны свои: свѣшлѣ сїялн знаменншыя надпнсн, на пнлнпахъ несокрушнмаго адаманша нзсѣчен- ныя; уже вмѣсто пѣннн пшнцѣ, раздавалнсь по ро- щамъ пѣснн шоржештва и славословїя; вмѣсто жур- чанїя источннковъ, вмѣсто плесковъ волнъ рѣчныхъ и рева морскнхъ водъ, слышнмо было разглаголѣсшвѣ вошншнвъ, воздающнхъ честь Выпязямъ; рукоплесканїе народовъ, превозносящнхъ Благотворншелей своихъ; громгласное воскнлнцннѣ цѣлнхъ обласней, въ хвалу Мужамъ великнмъ. Словомъ: все поражаало умъ, все восхн- щало духъ!

Слава манїемъ главы дала знакъ и все ея дворо- служенїе устремнлось на подвннъ свой. Девннъ боже- снпвенныхъ дѣвъ возшеклн на небеса съ пѣннемъ и лнр- ными звонами; добродѣшслн спуснлнсь на землю

творишь новые чудеса; быстрые гении, послушные служители славы, какъ дождь посыпались на вселенную и удалилось самое время: оно съѣло на шаровидную колесницу, многокрыльными вихрями запряженную и съ невѣроятнымъ стремленіемъ въ пучь своей покашилось. Тогда Царица въковъ возвела на меня гнѣвное око; подобно молнии блеснули ея зеницы; она рекла: „За чѣмъ ты здѣсь дерзновенный? Какой подвигъ дашь шебѣ право на мои щедроты? Трепещи. Ты зришь предъ собой Владычицу свѣта, Владычицу раздраженную, неблагодарностію высокомерныхъ чадъ земли, коихъ ненасытное самолюбіе ничѣмъ недовольно, ко- анко бы кому изъ нихъ я ни благошворила. — Какъ! ничего не содѣлавъ знаменитаго въ мірѣ и ты осмѣлился укоряшь, что я покровительствую шокмо буйныхъ сыновъ щасія, а истинное достоинство оспариваю безвѣстными? — Ошѣщай, строгій судія дѣлъ моихъ, за чѣмъ пришелъ въ обитель Славы? конечно для того чтобы изобличить ее въ несправедливости?„

Священный ужасъ объялъ меня всего; я затрепеталъ, не зная что ошѣщашь и въ робости моей едва произнесъ дрожащими ушами слова сіи: „Мой духъ вездѣ тебя ищущій, занесъ меня сюда. Безсмертная! я плавленъ твоими божественными прелестями съ шѣхъ самыхъ поръ, какъ небесныя дѣвы, сладкоглаго-

„Ливныя дщери Мнемозины возвѣстили мнѣ о тебѣ ;
 „Онѣ изобразили тебя сполнъ живыми чертами , что
 „очаровательный образъ твой часто является мнѣ въ
 „самыхъ пріятнѣйшихъ мѣчтаніяхъ, въ сновидѣніяхъ ми-
 „лыхъ, сердцу ; я мню тебя видѣть во всѣхъ изящ-
 „ныхъ красотахъ природы и—съ тѣхъ поръ возревновала
 „твоимъ любимцамъ. — Тебѣ посвящилъ я все мое бы-
 „тіе. Повергаюсь къ стопамъ твоимъ, великая Богиня
 „вселенныя ! Пріобщи меня къ числу твоихъ избран-
 „ныхъ , коишъ даровала ты безсмертіе. Хвала твоя
 „мнѣ слаще меда, твой щедроты драгоцѣннѣе золота — и
 „всѣхъ сокровищъ Голконда. Но ахъ! естли ты не удо-
 „стоишь меня твоимъ благоволеніемъ, то лучше хочу
 „умереть безвѣстень нежели оспашься живъ въ вѣ-
 „какъ съ позоромъ.,,

Мое покорство смягчило грозную небожительницу.
 Привѣтливыя рѣчи, — пища славы. Гнѣвный видъ ея
 премѣнился въ видъ веселый, восхищительная улыбка
 разцвѣла по прежнему на алыхъ устахъ и уже крош-
 кимъ звукомъ голоса, подобнымъ нѣжному арфы роко-
 шу, она продолжала: „Хотя и не прошивно мнѣ
 „обожаніе смертныхъ, но не всѣхъ я удостоиваю моимъ
 „благопріятствомъ. Вѣдай что не едиными лишь без-
 „плодными разсужденіями, не единымъ шокмо суетнымъ
 „умствованіемъ, или шщеннымъ красноречіемъ, — кои
 „бываютъ часто плодомъ праздности, — не шѣмъ шокмо

„приобрѣщаются мои награды; ибѣшь, чѣшобъ снискашь
 „ихъ, пошребны: дѣйствіе, шрудъ, пожершвованіе соб-
 „сшвеннымъ благомъ благу общему. Одна дѣяшельная
 „добродѣшель ведешъ къ безсмершію. Отечешсшво! ошес-
 „чешсшво! Вошъ кумиръ истинныхъ Ироевъ, а щасшѣ
 „согражданъ единсшвенная цѣль ихъ; любовь къ вѣрѣ
 „и прешшолу ихъ долтъ..”

„О всевластная обладашельница народныхъ мшѣній!
 „прешсѣкъ я рѣчь ея. Чшобъ бышь полезну отечешсшву
 „надлежшшь имѣшь къ шому случаи и средсшва; а шобѣ
 „самой шѣ извѣсно какія непреодолимая преграды,
 „какія напашш предсшопшшь шому, кшо идешъ пушемъ
 „общей пользы: завншшь куешъ шому оковы, клеветна
 „ошверзаешъ ему шемницу, гоненіе ушешовляетъ ему
 „ужаснѣйшую ссылку. Милціады, Шемншполы, Анншба-
 „лаы, Кашоны, чшо получили въ воздаяніе? они до кап-
 „ли изпили горькую чашу смерши.

„Для великаго мужа каждое время имѣешъ къ обще-
 „му благу свои случаи и средсшва, — вѣщала Слава, —
 „мудрый и во шѣмѣ наблюдаешъ всѣ общешешельсшва и
 „созерцаешъ всѣ оныхъ послѣдсшвіи; а для невѣждъ
 „и ясный день, шемная ношь. Истинной Ирой ничего
 „не ищешъ какъ шокмо сущаго добра и въ желаемомъ
 „ошаго дѣйствіи полагаешъ все свое воздаяніе; рано
 „или поздно ошъ плодовъ правды ошъ снѣсшшь благо.
 „Пушшь сильные горделшвцы, пушшь мужи двуязычны,

„часто не по достоинству обладающіе такими преимуще-
 „ствами, на кои природа не дала имъ никакого права;
 „пусть они присволяютъ себѣ чужіе шруды и дѣйствіе;
 „пусть кичатся успѣхами непоснигаемаго ими общаго
 „добра сего. Благотворитель ошечества препоясавъ
 „крѣпостію чресла свои и мышцы утвердивъ на дѣло,
 „взираетъ на злоумышль съ великодушною усмѣшкою,
 „какъ воинъ на опроковъ, кои не въ силахъ будучи
 „поднять тяжелой брони его, заботятся вокругъ нее
 „и только что колеблютъ или совсѣмъ роняютъ, да
 „и безъ помощи силы его на определенное ей мѣсто
 „возставитъ оную не могутъ; но время открываетъ
 „испину. Когда труба моя возгремитъ въ хвалу совер-
 „шенному достоинству, а въ позоръ похитителямъ
 „чужой славы, тогда доблесть явится во всемъ сіяніи
 „своемъ. Вѣрь, что недремлющее око мое соглядаетъ
 „всѣ происшествія свѣта.,,

Съ симъ словомъ богиня окинула единымъ взгля-
 домъ все необъятное пространство, посреди коего я съ
 нею находился и указавъ на землю возгласила: „Чтобъ
 „была вселенная, есльли бы я не украшала ее дѣлами
 „великихъ людей? ужасное позорище единого лишь бѣд-
 „ственія: царство одного шокмо зла. Но великіе люди пре-
 „мѣнили ее въ прекраснѣйшую картину шоржествовав-
 „шихъ добродѣтелей. А кому они обязаны силою своихъ
 „дѣйствій? кому, какъ не мнѣ. — Я содѣлываю ихъ

„побѣдоносными въ браняхъ, швердыми въ напастьяхъ,
„неколебимыми въ опасныхъ предпріятіяхъ. Я пишаю
„ихъ моею грудью; моимъ млекою воздосенные Ирои
„покорили себѣ спихи, время и овладѣли сердцами
„всего человѣческаго рода.,,

„Обыкновенныя души меня не постигаютъ; движимы
„будучи единою лишь корыстїю, онѣ довольствуются
„шюкмо наспоющимъ, и хладное чувствованіе ничтожнаго
„бытія ихъ никогда не согрѣвается огнемъ доблести
„во благо потомству. Истинное же ироисство провидишь
„меня въ шуманѣ скопляющихся приключеній, часно
„необычайныхъ и кажется несобыщочныхъ; оно согла-
„даснѣ меня въ грядущихъ сполѣшїяхъ, въ случаяхъ
„самыхъ ондаленнѣйшихъ отъ времени существованія
„своего и зиждетъ добро, — ежели нельзя ради современ-
„никовъ, шю, — для позднѣйшихъ родовъ Я всюду
„слѣдую за Ироемъ мнѣ любезнымъ, препровождю его
„чрезъ все случаи и чѣмъ паче предлежитъ ему про-
„шивуборснвующихъ бѣдснвїй, шѣмъ болѣе возвышаю
„его добродѣтели. Я показую ему неизбежное зло приво-
„дѣщее робкую душу въ ужасъ, — и шѣмъ вѣдше раздра-
„жаю великій духъ его къ преодоленію всѣхъ препонъ;
„наконецъ самое зло сіе, — ожидавшее шюкмо его муже-
„ственнаго усилія, — обращается людымъ во благо, ему
„во славу и угрожавшїй ему день излубы и плача пре-
„мѣняется въ день его шюжесшва и веселія.,,

„Какое прекрасное, величественное зрелище ви-
 „дѣшь Ирою прешекающаго поприще безсмертныхъ своихъ
 „подвиговъ! Онъ сп, еминся возставити блаженство
 „себѣ подобныхъ; въ силѣ крѣпости и въ радостной
 „надеждѣ духа, онъ неустрашимо сражается съ злобою,
 „побѣждаетъ зависть, мятежъ коварство: Самъ Богъ
 „приинкнувъ съ превыспреннихъ простираетъ къ нему
 „умильное око какъ вѣжнй отецъ къ любезнѣйшему
 „сыну, въ коемъ сладостно ему признавать свое подо-
 „бие; Самъ Богъ поборствуетъ Ирою достигнуть досто-
 „хвальной цѣли его. Тогда смертный сей ставъ безсмер-
 „тенъ являешся на пространствѣ вселенной въ полномъ
 „сїянїи величїя своего: — и даже младенцы въ употребъ
 „машерей еще сущіе, уже обязаны ему благодарностїю
 „и благоговѣнїемъ. Тако свѣтоносный царь дней, раз-
 „тннавъ мраки ноши, а съ ними купно и всѣ нелѣпые
 „сновидѣнїи озаряетъ природу, животворитъ всю шварь
 „и оплодотворяетъ всѣ по лицу земли разсѣяныя дары
 „небесъ даже на предбудущіе ихъ произрасненїи. —
 „Что до того что на свѣтѣ все премѣнно, что все
 „преходитъ, но Ирою, коихъ охраняю я моимъ несо-
 „крушимымъ эгидомъ живы мною и по смерти: моимъ
 „велеречивымъ гласомъ говорятъ они изъ гробовъ сво-
 „ихъ и единственнo великимъ душамъ внятень много-
 „значащїй, *сиаголитеской* языкъ ихъ; вѣки роляшся и
 „исчезающъ не дерзая коснушься мѣ безиредѣльной, вѣч-
 „ной со мною жизни.»

„Пребывая неведимо посреди бурь океана, посре-
 „ди огня брани, посреди разваливъ царствъ, посреди
 „всѣхъ эпохъ міра, вепремкнновенными спонами пре-
 „провождая я пипомцевъ моихъ въ храмъ безсмертія;
 „но съ презорствомъ отвращаю лице мое отъ крово-
 „жаждущихъ побѣдителей, отъ царей жестокихъ, отъ
 „вельможъ лукавыхъ, отъ писателей замудрыхъ, отъ
 „пѣсопѣвцевъ льстивыхъ: дозволю имъ единаго укори-
 „звеннаго моего взгляда; уже негуща они на стреми-
 „шельныхъ крылахъ времени или въ шемную *проласть*
 „*забвенія*, или въ шумящую всегда *лузину лозора*. Я
 „творю священными имена и винаяей, и пѣсопѣвцевъ
 „ихъ.»

„Такъ, Ахиллъ былъ возпѣнъ Омиромъ, Маронъ
 „прославлялъ Энея; но изащество пѣнія лишь пѣв-
 „цовъ вѣнчаетъ честию, Иромъ же ихъ — безъ добродѣ-
 „телей, — сіяніе нисколько недаетъ. Вымышленная по-
 „хваля, наружный блескъ несильны ослабнншь прозор-
 „ливость спротаго любомудрія: оно ищансело изслѣ-
 „дуетъ самыя дѣла; испочиникъ оныхъ и истинное
 „достоинство безспрасно оидѣляетъ отъ ухищрен-
 „наго высокомерія. Не пѣсни Скальдовъ, не обелиски
 „до облакъ досязающіе, содѣлываютъ великихъ мужей
 „безсмертными, но точная доблестъ, но преодоленіе
 „самаго себя, благотѣяіе человѣчеству оказанное: се
 „есть ножершовавія пріящнѣйшія сердцу моему;

„они досточестнѣе всѣхъ завоеваній пороцимъ сыномъ
 „Филиппа сплужившихъ; они многоцѣннѣе всѣхъ даровъ
 „Сиракузскаго тирана, которой велелѣнїемъ посольства
 „своего и силнѣе знаша суешно мнилъ ослабннть му-
 „дрыхъ спарцовъ Эллады; напрасно уповалъ оиъ спра-
 „ведливыхъ судей Олимпійскихъ чрезъ то обрѣсти се-
 „бѣ хвалу, единому только достоинству принадле-
 „жащую. — Но увы! сколь много было такихъ царей,
 „такихъ вельможъ, такихъ изверговъ естества, коимъ
 „брыдала ласкашельная издомцевъ лира! Сколь много
 „было такихъ развращенныхъ сердецъ, кои шенешами
 „льстивыхъ уснешъ своихъ вовлекали и самыхъ крошкоч-
 „душныхъ мужей въ злыя ковы! а сколь мало тѣхъ
 „царствъ, гдѣ находились совершенные Прои, благошво-
 „рители человѣковъ! — Нѣкоторыя изъ нихъ хощя и жи-
 „ли въ безвѣстной долѣ, въ убожествѣ и сокрывались
 „даже оиъ очей моихъ, между тѣмъ какъ буйныя чада
 „щаснїя и роскоши всецѣрно шщились меня уловить
 „разночая горы богатства, раззоря цѣлыя области;
 „но я о первыхъ сообщила велелгласно всему попом-
 „ошну и исполнила всѣ сердца къ нимъ благодарен-
 „нїемъ, — шого шребовала оиъ меня сама добродѣшель-
 „ликъ; — недостойныхъ же сыновъ шщаснїя, суешно искав-
 „шихъ благоволенїя моего, я ознаменовала собственными
 „именами ихъ, содѣлавъ изъ оныхъ вмъ печать вѣчнаго
 „шщзора; — шяко опредѣлило само правосудїе. Да и

„шѣмъ поругаются всѣ роды, кто дерзнетъ насиль-
 „свенною рукою, вопреки сущему духа благородству
 „и моему одобренію, увѣнчашъ себя, или кого иного;
 „похищенные лавры увянутъ мгновенно и никогда
 „живошворнымъ взоромъ моимъ не освѣжась, занѣ шок-
 „мо шѣ вѣнцы неслѣбны, что я возлагаю..”

„Горе и шому нещасливцу, коего хладная душа
 „не нѣблится моею красотою, копорой подобно узнику,
 „къ цѣпямъ обикшему, влечитъ кое какъ бесполезные
 „дни свои, тяжкіе себѣ и несносные другимъ; копорой
 „доволенъ будучи шѣмъ, что погибло для него время
 „прошедшее, шщитъя всячески погубитъ и время насту-
 „пающее: шонъ не прилагаетъ сердца къ разуму; шонъ
 „смершю умретъ и пошнетъ такъ, что бѣднаго имени
 „его ни лира не прозвештъ, ни въ сказаніяхъ оно не
 „ошзовешъ, ниже въ бесѣдѣ избранныхъ упомянешъ.

„Я вѣдаю что много ешь на земли таккъ пра-
 „зднолюбцевъ заживо умершихъ, кои лучше желаюшь
 „насладиться всемъ въ краткое время сущесшвованія ихъ,
 „— кошябъ надлежало попрашь все шю, что ни ешь
 „свяшаго въ мѣрѣ, — нежели ошпашься жить въ вѣкахъ
 „за цѣну благошворенія какого, съ шрудомъ сопряжен-
 „наго; они кощунсшвуютъ надо мною, уповад шѣмъ
 „понишитъ мое величѣе и примѣромъ своимъ развращаютъ
 „юныя, пылія сердца; но дабы всегда бышь шѣмъ что
 „я ешь, довольно мнѣ одной себя. Гласу моему, кошо-

„рой смекрашь громозвучиѣ возлиданій зависти и
 „зоречія всѣхъ Зоиловъ, повинувшея вселенная; она
 „умолакашь коль скоро я ошверзю утпа. Всѣ ревнители
 „бессмертнѣ повергающя къ снопамъ моимъ, и шому по-
 „кмо изъ нихъ воздаешя общее почтеніе кошорато благо-
 „волю я подьяшь ошь земли. Внимай словесамъ моимъ
 „и поучайся. Напиши ихъ на скрыжаласхъ сердца швоего.
 „Рѣку шебъ; не буйные чада враждебницы моей, слѣ-
 „пой Богини шасній, не ея тауснѣя порожденіи жи-
 „вушь въ царствѣ моемъ. Нѣшь, симъ изчадіямъ чужда
 „обитель небесная; они никогда не водворяшя съ избран-
 „ными моими. Гряди за мною, ты уершишь славу истин-
 „ныхъ Ироевъ; занечашлей въ памяти швоей все, что
 „возхишишь швой духъ, и, ежели можешъ, возвѣспи
 „ошечеству: проповѣдуя славу великихъ, ты самъ со-
 „дѣлаешя ея предмѣшомъ.,

Шествуя путемъ славы я видѣль по едину онаго
 страну печальную юдоль. Сплошнвшіеся дикіе камни,
 мнишя, слушають ей основаніемъ; изъ черныхъ ущелинь
 ихъ возникающъ, ядовишый люшкикъ и прочія вредоносныя
 шравы; шуманный сумракъ бросаль шускый свѣшь
 свой на всѣ шущъ находившея памяшники и мавзолеи,
 великолѣпныя свидѣтельштва пришворной скорби и
 принужденнаго сѣшования, коихъ пасмурность сугубили
 мрачныя кипарисы, уныніе — наводящю тѣнью своею.
 Сколько я усмошрѣль шущъ ложныхъ похвалъ, сколько

шуть надмѣнныхъ стопосложеній, преобращенныхъ въ смертные приговоры, доказательства ради злыхъ дѣлъ, кои, чѣмъ скромнѣе были произведены, тѣмъ съ вѣщимъ поруганіемъ истина обнаружилась, пріобидивъ къ каждой шаковой надписи подробное описаніе свойствъ, намѣреній и пороковъ усопшаго; описаніе неизгладимымъ перомъ ея начертанное! Мѣль и мраморъ на коихъ сіе означено не гибнуть здѣсь для того единственно, дабы соблюсти во вѣки проклятіе шѣмъ бычамъ челоувѣчества, которыхъ прахъ шлѣетъ подъ ними; самыя же памятники сіи, неизпвою рукою жи и гордымъ щеславіемъ воздвигнутые, время обзобразило, претвора оныя въ искаженныя развалины. По средн сей *подолѣ вѣзныя клятвы* воздымалось великое зданіе поразившее меня своею нечѣною и опальною наружностію; по многовѣчному, разпадшемуся крову и окрестъ столпостворнаго преддверія, росли шерновые кусты; сквозь нихъ бѣлелись обломки спашуй, урнъ, аканшовыхъ надстолбій и иные слѣды художественнаго вымысла. Какое сдѣпленіе различныхъ предметовъ явилось взору моему, когда Слава ввела меня во внутренность зданія сего! Я увидѣлъ шуть тысячи знаменъ, подъ коими несмѣшныя легионы сражались для того шкмо чшобы шшшуль одного владыки бѣль вѣскопарнѣе другаго. Знамена развѣвались по стѣнамъ старинною кистию разписаннымъ, гдѣ между [богатыр-

скими лицами и узорчатымъ арабескомъ являлися полу-изгладившіяся надписи темновѣщающія эпоху и мѣсто бытвы. Груды колесъ, мечей, бердышей и ушварей жерш-венныхъ, ржавчиною шочимыхъ, возгнешеы были костра-ми, по верхъ коньхъ сокрушались рукою бѣлаго времени шускляя брони и колути, — по всему кажешся, — рос-лымъ и многосильнымъ виныямъ принадлежавшія. Орлы Рима почали сномъ смершныма на пукахъ лозъ, сѣбирь, палицъ и прочихъ, разрушающихся на часпи, воинель-скихъ доспѣховъ. Свишки паира съ Эллисскими и Лашынскими писменами уничтожались на рассыпающихся камняхъ, едва носящихъ знаки Египетскихъ Иерогли-фовъ и руническихъ буквъ; мраморы древнѣйше Арунде-левыхъ размешаны были близь ихъ накопленныхъ шрофеевъ. „Вашъ что осшалось ошь шмочисленныхъ „воинствъ, въ прахъ сошлѣвшихъ, на поляхъ побойща ! „Тамъ, гдѣ были ихъ великолѣпные обиталища, ихъ „пышные грады, тамъ нынѣ, шо звѣри дубравные пло- „дятся въ своихъ логовищахъ, дремучими лѣсами ограж- „денныхъ; шо зеленѣютъ шучныя пажити, по коимъ „пасутся шпада кочующихъ орды. Гдѣ гробы побѣди- „телей народовъ? — Тамъ иноплеменникъ, потомокъ „ихъ плѣнниковъ, дробить раломъ своимъ черепы ихъ „и собираешъ колосистую жашву съ ихъ косней. Гдѣ „величіе Ассирійскихъ Монарховъ? гдѣ владычество „Персовъ? гдѣ сына Аммонова завоеваніа? гдѣ сила Рима?

„здѣсь, въ сихъ, тщешныхъ остаткахъ они гибнущь
 „купно съ ними,“ Тако произнесла Слава исходя изъ хра-
 нилица скудныхъ сокровищъ браннолюбивый и кичливой
 древности. Въ округъ зданія сего все являло образъ
 разрушенія, между шѣмъ какъ на противоположной
 странѣ разширалась прекраснѣйшая равнина прелесными
 весны украшенная, гдѣ блистали бѣлѣйшіе свѣта памя-
 тники мужей праведныхъ. Сама Слава обще съ Добродѣ-
 шелью соорудила ихъ въ честь гонимой на земли Не-
 винности, поправной Истиннѣ, оскорбленному Смирен-
 номудрію. На нихъ пламенели какъ утренняя заря
 любезныя человечеству имена. Солнце и луна сливая
 съ ихъ сіяніемъ лучи свои низводили ихъ на землю:
 да согрѣются ими сердца хотя нѣсколькихъ подража-
 шелей.

Слава шекла ко храму, едва мною зримому въ
 странѣ звѣздами усѣянной. Слѣдуя за нею, уже былъ
 я на разноцвѣтномъ *мосту боговъ* (*), изъ лиловордя-
 ныхъ, радужныхъ полосъ соспавленномъ. Трепещущими
 и препинающимися стопами возходилъ на сію необы-
 чайную, багряно — сизымъ лоскомъ свѣтящуюся снезю.
 На каждомъ шагѣ спрашивался я, чтобы не низнашь съ
 вышины небѣсной въ довременный мракъ Эреба, ибо

(*) *Мостомъ боговъ и путемъ Проевъ* древніе пѣвцы, Скальды, называ-
 ли радугу.

подсолнечная сокрылась уже отъ бранныхъ очей моихъ, и даже, превышающее облака, чело самыхъ огромныхъ горъ не достигало до оныхъ прены-пренихъ круговъ, гдѣ начинается безпредѣльное царство необъятной вѣчности. Богиная проникающая мысль смертныхъ ободрила меня симъ словомъ: „Гряди за мною смѣло. Завѣсь, завѣсь бѣдшвенныхъ случаевъ; завѣсь нечего страшиться; завѣсь жизнь единственный элементъ; и кто преидеши отъ плѣннаго мѣра въ сію душепитательную стихію, потому не коснуся ни вреда, ни смерти.“ Глаголь небожипельницы преисполнила духъ мой такою отважно-стию, что я готовъ былъ идти за нею по долинамъ афирнымъ до самыхъ отдаленнѣйшихъ созвѣзій.

Мы достигли вышняго храма, когдѣ скоро Слава приблизилась ко оному, мгновенно тяжкія двери закрипѣли на замкыхъ своихъ веревкахъ и сами собою опверзлись. Внутренность храма темна какъ ночь осѣни. Дневной свѣтъ не дерзаетъ туда проникать и царствующій шумъ мракъ приводитъ въ священный ужасъ. Здѣсь, кажется, почѣтъ прежде вѣковъ существовавшая, неудобоизслѣдованная тайна и единой лишь Славы невозбраненъ сюда входъ. Безсмертная отдернула завѣсу ночи; гремѣчѣя кольца прозвенели по серебрянымъ прутьямъ; внезапно открылась взору моему пресвѣтлая, огромная храмина, подобная златой Кремлевской палатѣ. Тутъ увидѣлъ я: ушвари царей, богатырскія брони, златыя гривны бояръ, гражданскіе

и побѣдисельскіе вѣнцы, лиры, вѣсы, кормила кораблей, орудія звѣздочетовъ, ваяшелей, спроишелей, орудія землядѣльческія и различные чертежи, словомъ шуть все по обрѣшадось, что пошребно для всѣхъ шалашинсовъ и что опношительно вообще до всякаго знанія и художества; всѣ сіи вѣщи разположенныя по порядку соблюдены были рачительно. — „Се сущь шѣ сокровища, — повѣдала „миѣ лоборѣчивая Богиня, — кои сестра моя Судьба, берешъ на удачу и раздаешъ каждому изъ смертнхъ „при рожденіи его на свѣшъ. Я препровождаю шого во „храмъ мой кто воблаго упошребишъ даръ ему ввѣренный. „Но увы! коль часшо сіе случается, что дары судьбы „во зло обращены бывають. Нерѣдко разгнѣванная „беззаконіями сыновъ земли Судьба изшоргаетъ изъ „десницы безпечныхъ, или жешпокихъ владыкъ скипшры, „дѣлами ихъ посрамленные; съ развратныхъ и корышшо- „любивыхъ вельможъ срываетъ блиспашельные знаки „чешпи; изъ недешпшнихъ рукъ кляшвожрешпшнихъ „судей изъемлетъ вѣсы, ихъ неправдою поруганные; у „кровожаждущихъ полководцевъ опъемлетъ повелишель- „ные жезлы, слезами дѣлхъ пошомшвъ обмышые. „Она лишаетъ нечеспшвыхъ и самой жизни; съ раская- „ншемъ приношишъ опашъ сюда сокровища свои, низвер- „гнувъ недешпшного, или въ *лугинцу лозора*, или въ „*бездну нитожества* „

„Вѣдай что человекъи родяшся въ свѣшъ съ дарами

„духа: нѣтъ ни единого изъ нихъ, которой бы не имѣлъ
 „дара ему сроднаго; семя доблести въ душѣ каждого.
 „Отъ случаевъ, отъ влѣнія примѣровъ, развертывающихся
 „качества сердца и ума, подобно цвѣтамъ распускающимъ-
 „ся отъ росы утренней. Примѣръ добродѣтели нау-
 „чаетъ человѣка быть великимъ, а развращеніе нравовъ
 „творитъ злодѣя. Но бывають и такіе случаи въ коихъ
 „непосредственно содѣйствуетъ промыслъ превѣчнаго.
 „Иногда сокрывъ свою таинственную волю въ душѣ
 „шакаго смертнаго, отъ котораго никто не ожидаетъ
 „нешою что либо чрезвычайнаго, или посредственнаго,
 „Богъ! Премудростию своею основавшей землю и разу-
 „момъ уготовавшей небеса! Богъ загремишь въ концы
 „вселенныя его устами, его рукою разрушишь спранные
 „царства, и воздвигнешъ царства новыя. Смертный сей
 „распаленный онемъ силы Божіей, какъ молнія бышрѣ
 „въ своихъ дѣйствіяхъ; его чудесный, творческій духъ
 „производитъ въ единое мгновеніе шо, чего милліонамъ
 „людей, въ продолженіе многихъ вѣковъ на мысль не при-
 „ходило, хотя обинали они на шомъ же мѣстѣ гдѣ
 „онъ подвизаешся и хотя ишли къ шому, — можетъ
 „быть — самыя лучшіе способы. Одинъ человѣкъ, — къ
 „кому никто вниманія не изклонялъ, — внезапно пре-
 „мѣняетъ весь видъ земнаго шара; изъ бѣднаго изгнанни-
 „ка, угнетеннаго сына Реи, скипавшагоса по брегамъ Тиб-
 „ра сироты, вдругъ являешся свѣшу великій основатель

„сильнѣйшей монархіи, которая владычествовала надъ
 „вселенною. Толь разительныя произшествія вразумля-
 „юще мудраго уважать и младенца въ пеленахъ. Кто
 „вѣдаешь, что будешь со временемъ сіе слабое, едва
 „дышущіе твореніе? Кто увѣренъ въ томъ что младен-
 „нецъ сей не будешь украсителемъ подсолнечной и
 „предмѣномъ славы всѣхъ вѣковъ? Кто за то оповѣш-
 „ствуешь, чтобы провидѣніе не избрало его въ исполні-
 „тели непостижимыхъ судьбъ своихъ? Въ семъ брennomъ
 „лѣтпорослѣ прязабашь можешь бышь новой Тимолсонъ,
 „новой Этаминондъ, новой Каптонъ, или Демосеень, или
 „Пиндаръ; а и того скорѣе можешь бышь другой —
 „Тамерланъ, или другой Кромвель? самые перевороты,
 „роковые случаи и даже собственное злощастіе способъ-
 „шествуютъ возвышенію Ироя и его бессмертію; его
 „яростныя враги и хитроуразсавленные ими препоны
 „служашь ему степенями къ возшесшвію на крайнюю
 „высоту предназначеннаго ему судьбою величія. Можно
 „ли сомнѣваться въ томъ, чтобы небо не участвовало въ
 „произведеніи великихъ людей? Кто силемъ опвертнуть
 „сію убѣдительную истинну, что минуша рожденія
 „человѣка, — какогобы состоянія онъ ни былъ, — не
 „еснь минуша заключающая въ себѣ премудрую волю
 „всезиждущаго промысла, промысла низпосылающаго
 „великаго мужа на земли свершитъ дивное предопредѣ-
 „леніе для того времени, для людей того вѣка, для

„спекшихся тогда случаевъ и происшествій необходимо
 „нужное и изкони симъ вышнимъ промысломъ угошов-
 „ляемое? земля предъ очами Вседержителя какъ скры-
 „жаль на коей всеисильная десница Его то начертываетъ
 „различные виды, то изглаждаетъ ихъ. Хишрая Софія,
 „когда взирала на брата своего Петра въ колыбели
 „почившаго, мнила ли что будетъ сей слабый младе-
 „нецъ? мнила ли она что въ немъ почишь, что въ немъ
 „существовалъ уже шовъ безсмертный Ирой, въ лицѣ
 „котораго Богъ, явился смертныхъ роду. Но дабы
 „еще возкинуть радостно духъ твой, яко духъ
 „Росставина, внемли, я повѣдаю тебѣ о призваніи въ
 „мръ Петра великаго.,, Она возвысила свой гласъ. Вле-
 ривъ все мое шщаніе, я внималъ словесамъ ея:

„Сотворшій небо и землю, Тотъ, Коего дивный
 „Промысль зиждетъ и хранитъ все, Которой волею
 „своею изъ небытія производишь бытіе, Коему служишь
 „всѣ умныя Силы, Котораго славословитъ солнце и
 „величашъ луна, Коему повинуются звѣзды и покор-
 „явуетъ дневный свѣтъ; Тотъ, Коего грозному манію
 „внимають огневласыя кометы, ужасъ наводящій, блуждая
 „по безпредѣльнымъ долинамъ зѣира; Тотъ предъ Кото-
 „рымъ шрепещутъ бездны, цѣпенѣтъ бури, колыхнутся
 „океаны не дерзаютъ, немощную юшь ярые грома, и
 „огни молній ничто иное, какъ оменъ его спихіе-тка-
 „ной, нешальной ризы; Которому со страхомъ служишь

лучезарные небесные Духи; Коему съ трепетомъ радуется вся тварь, изумленная своимъ бытіемъ; довременный и безконечный Сый, Коего все проповѣдуетъ, Коего царство вѣчность, Который въ себѣ вмѣщая все, собою все наполняетъ; Вешній дельми, Царь величества и славы, облеченный зарями утра, сіяющей свѣтлозарностію полудня, украшенный лѣпотою вечера и важною кропостію ноши; Незглаголаный, Коего велелѣпный чертогъ — вселенная, ея же основаніе негиблемость, и что блюдушъ непремѣнною чредою самые вѣрные рабы: всегда прелестная Весна, жашвами богатое Лѣто неизшощимая въ плодахъ Осень, доброшворными снѣгами одѣтая Зима; Податель благъ, сущее Благо, Коего жаждеть и наполяетъ все, еже есть; Коего никакой умъ постигнушь не можеть, но всякая душа ощущаетъ; Тотъ, Котораго человекъ, присушествіемъ Его отъсюду объявше, съ благоговѣніемъ и въ священномъ ужасѣ нарицають *Богомъ*. Сей въ премудрости и всемогуществѣ неистощимый, соорудивъ изъ хаоса прекрасный мѣръ, чудотворенію Своему предѣла не положилъ. Въ Его шривяшомъ нѣдрѣ, откуда истекають жизнь и свѣтъ, еще хранящся шайншвенныя начала изящесшва и совершенсшва, ими же шворчское слово Его полно, ими же хошѣнія Его обильны и существо Его шоржесшвенно. Всевышній, совокупя ихъ во едино, возхотѣвъ явить вселенной новое чудо, достойное желанія Его. Богъ рекъ: *Сотвори мѣръ, подо-*

био Навѣ, безсмертнаго. — И ПЕТРЪ явился! Явился преодаренный всѣми изыщесствами, и Творецъ воспле-скалъ творенію Своему. — Царь Царей осѣнилъ ПЕТРА силою Своею, и крѣпостию Своей высокой мышцы облекъ его какъ броню; возложилъ на главу его вѣнецъ, коего сіяніе безпресѣчно и лучи ярки во тьмѣ; Свой скиптръ далъ ему въ десницу, сей дивный скиптръ, которъй во время брани — несокрушимый, побѣдоносный мечъ; во дни мира — цвѣтущая олива; но когда надлежитъ карать зло, — перунъ неминуемый. Богъ повелѣлъ избранному Своему: *Гряди въ полнотный край; озари тамъ густѣющій мракъ свѣтоноснымъ лицемъ твоимъ; подобно Мнѣ, создай новый міръ и царствуй во славу всѣхъ вѣковъ.*., Вянувъ гласу вѣками Празднато, ПЕТРЪ сошворилъ Россію. —.,

„Съ шѣхъ самыхъ поръ, коль скоро Монархъ Про-свѣпшитель Сѣвера, пришелъ на землю, я покля-лась ему служишь; въ залогъ же клятвы сея предалась ему и всему Дому его въ подданство. Повинуясь моимъ внушеніямъ, онъ возставилъ сыновъ моихъ, воздвигъ дражайшее мнѣ племя Славянъ, которыхъ koliko сошъ лѣшь пизала я моею грудю, да и доднесъ еще мо-имъ огнемъ согрѣваемая кровь шечеть въ ихъ жилахъ.„ Симъ словомъ небожительница свершила рѣчь свою, коея сладость пролилася въ мою душу и воспихнула мой умъ. Объятый восторгомъ, я успремилъ всѣ помы-слы къ ПЕТРУ. Богоподобный Мужъ! воскликнуть я

Но мысль моя перелетитъ въ твоемъ величїи. Недоспашочно очей самой Славы обозрѣть твои дивные подвиги, недоспашочно уснетъ ея возвѣснись хвалу твою.

Кто раздробитъ моря на капли; кто изчислитъ пески, облегающе небъятное лоно Амфипринны; кто измѣритъ разстояніе отъ малой планеты нашей до шїхъ огромныхъ свѣтилъ, конхъ лучи, съ начала міра сиремящеся и поднесъ еще до насъ не достигнули; или кто сочтешъ тѣ солнца, кои, савая свой свѣтъ во едино, составляютъ чудесный млечный путь, блѣднѣй по шемнолазуревой шверди; кто постигнетъ все роды шварей, существующихъ въ неудобовѣрствованномъ шроспанствѣ ешесшва, шшь, развѣ шшь воз- можешъ изрещи доблести ПЕТРОВЫ.

Но сыны земли и каки Бога въ огнѣ, въ водѣ, даже въ камнѣ и злакахъ; Неизреченному дерзали да- вать виды, и наконецъ изображали Неизобразимого въ лицѣ человека; и шакъ, ештли можно уподобляшъ Бо- жество смершному, шо скажемъ о ПЕТРѢ уподобимъ и его шѣмъ великимъ Мужамъ, кошорые честно вѣнчали подсолнечную, и кошорыхъ съ удивленемъ чинишъ по- шемство. ПЕТРѢ имѣлъ премудрость Соломонову, человеколюбїе Тимово, правотулїе и непришрасшїе къ себѣ Аврелїево, горячность къ шрачѣ своей Кодрову, мужество Сципіоново, дѣятельность Кесареву, велико-

душе Траяново, искусство шворить людей щастливыми Фои, Фои и донынѣ обожаемаго мудрымъ народомъ. Каждая изъ сихъ доблестей сославала великаго Героя; но въ ПЕТРѢ онѣ заключены были все, и сей Царь Славы, преизбыточествующій шолкимъ небесныхъ даровъ изрядствомъ, что же былъ, какъ не Божество во образѣ человека?

Если бы ПЕТРѢ жилъ въ первые вѣки, когда были Иракаы и Тезей, то имѣлъ бы храмы и жертвами курились бы его олтари; Омиры и Виргили возвѣстили бы міру его знаменитое богопроизхождение. Но и во дни наши кто не наречетъ Его безсмертнымъ? Весь свѣтъ Его Омиръ, Россія храмъ Его, а сердца Россовъ Его олтари.

Пренаполненный благоговѣніемъ, къ несравненному ПЕТРУ я погрузился весь въ чувство удивленія и предался задумчивости, изъ коей извлекла меня небесная Спудница моя; она повелѣла мнѣ за нею слѣдовать. Изъ *хранилища даровъ судьбы*, мы вступили въ превеликолѣпнѣйшую и пространную каллонаду. Между колосальными дорическими (*) ея столпами, изяществомъ древняго искусства изумляющими и поддерживающими дуговидный кровъ съ эвшеванными краями возвышались по порядку кумиры шѣхъ Россійскихъ Вишя-

(*) Сей Орденъ архитектуры посвященъ Ироамъ.

зей, конхъ имена сохранила исторія. Тутъ изъ пер-
 выхъ находился славный Черниговской Воевода *Претихъ*.
 Сей разумомъ и храбростію принудивъ Печенеговъ оп-
 ступишь епть осажденнаго ими Кіева, спасъ шѣмъ ве-
 ликую Ольгу со внуцашы ея епть позорнаго плѣна.
 Тутъ я видѣлъ Богашырей Владимировыхъ: *Яна, Рогдая,*
Муромца Илю, Александра, Андрияна, Добрыню;
 съ ними кучно были и сподвижники Героя бреговъ Н в-
 скихъ: *сильный Савва, отважный Ратмиръ, Сбыславъ,*
мошый Гавриалъ, Іаковъ храбрый и Новоградецъ Миха-
илъ; во сонмѣ ихъ являлся и оный мужественней
Димитрій, градодежець Кіевскій, коего доблесть при-
 вела въ изумленіе кровожаднаго Башыя: колико сей
 бичъ Россіи ни былъ свирѣнь, но и шощъ, вмѣсно каз-
 ни, воздалъ почтение сему неустрашимому Герою. Онъ
 имѣлъ на выѣ златую гривну, знакъ чести шокмо ошлич-
 ному полководцу принадлежащей. Здѣсь же были
 и пресловущій *Александръ Пересвѣтъ* разразившей
 Мамаева Полкзана *Тилчуръ мурзу;* и намѣстникъ Воло-
 тодскій *Осилъ Нелъевъ,* первый посолъ Россіи въ Бриша-
 ню грознымъ Іванномъ оширавленный, коему Король
 Филиппъ и Королева Марія воздали необычайныя
 почести. Вишязи покрышы были шюю тяжелою бро-
 нею, кошорую носили во дни своихъ подвиговъ. По ре-
 ди ихъ взоръ мой сфѣшилъ и злополучную Новоград-
 скую гражданку, отважную *Марфу Борецкую.* Сія много-

могущая, во дни свои, боярыня посадица, госпожа обширныхъ помѣстьевъ, наполнявшихъ Корельскую область; сія знаменитая Россіянка представлена была во всемъ изрядствѣ жены великой. Пребогатая, бобрами опушенная шѣлогрѣи съ набранными рукавами покрывала осанистое шѣло ея; съ гордой главы низпадала до земли сшрусная фаша, изъ полъ оной, бурмицкикъ зернь очелье выходило на круглыя брови и драгоцѣннѣйшихъ камней ожерелье лежало на пышныхъ персяхъ. Зракъ ея изображалъ швердое духа благородство, соединенное съ надмѣнною рѣшимоштію, каковая сродна была шокмо Коклесамъ, Сцеволамъ и Брушамъ, мужественная красота одушевляла каждую его черту. Въ одной рукѣ держала она Ярославовы законы, а въ другой кипарисную вѣшь; шюпами же своими пошрала плаху съ стѣврою. На подножіи ея изваяно шоржественное ширшество, коимъ она шесшвовала швяшого мужа, во швидѣтельштво великаго къ нему уваженія своего и кошорое довершила рѣдкими шедрошми, Царямъ лишь возшожными. Надъ симъ шакѣ было написано: *жива и ло шмерти*. Но превыше всѣхъ богашырей возшшался Росскій Коршець, знаменитый *Ермакъ*, покоришель Сибирскаго царшва. Сей побѣдишель обильнѣйшей чашши шѣвера облеченъ былъ въ самыя шѣ панцыри, кошорые присланы ему были въ даръ ошъ Грознаго Царя, и въ кошорыхъ онъ кончалъ прешлавныя дни свои.

Мужественное лице его было зеркаломъ зашѣдливаго духа, хитрыхъ замысловъ, храброй рѣшимости; вообще зракъ его являлъ въ немъ мужа сильнаго, гоноваго презирающаго спужу и зной, гладь и жажду, долговременный трудъ и всякое безпокойство. На крѣпкихъ раменахъ своихъ онъ несъ золотой шаръ, изображающій обширное владычество *Хана Кутума*, со всеми обиталищами многихъ народовъ, и сребряною палицею придерживалъ оную четырехъ-лѣпную свою добычу. Доспѣхи Сибирскихъ владыкъ, имъ побѣжденныхъ, волшебныя Шаманскія ушвари и одежды, разная збруя различныхъ племенъ, писмена разныхъ языковъ края того, осыпая кожи многоцѣпныхъ звѣрей, кости рѣдкихъ рыбъ, снизки дорогихъ камней, сославаяли его шрофей, поверхъ коего возлежалъ зубчатой вѣнецъ; колико было на немъ зубцовъ, толико народовъ рыцарь сей покорилъ Россійской державѣ. Огромное подножіе иштукана его, изсѣченное изъ мрамора горъ Сибирскихъ, по коему вилися жилы разныхъ рудъ, украшено было золотыми лиспами, на которыхъ чеканное искусство изъяснило его подвиги. Здѣсь побѣненіе Ташаръ и взятіе города *Чимги*, тамъ разбиеніе войска *Кутумова* на священныхъ водахъ *Тобола*; далѣ пашидиевая битва съ многочисленною силою *Мегмета Кула*, при устьѣ *Тавды*; за симъ кровопролитнѣйшее, но рѣшительное сраженіе съ *Кутумъ Ханомъ* и братомъ его, и побѣтъ

сихъ опчальныхъ Царей; послѣднее изображеніе представляло шоржественный въѣздъ Ермака въ столицу Сибирскаго повелишеля, коея многовѣчныя и неприсущныя швердыни воздвигнуты были на превысочайшемъ брегѣ шумноводнаго *Иртыша*. Подъ сими листами хитрое ваало изобразило въ серебряныхъ полосахъ волнующіяся рѣки: *Обь*, *Енисей*, *Амуръ*, *Иртышъ* и *Лену*; всѣ оныя полосы соединены были, какъ бы узломъ, большимъ кругомъ изъ шого же металла, на коемъ знаменитый въ дѣвисяхъ *Байкалѣ* клубилъ свои ярыя волны. Посреди водъ его зрими были острова *Олонские* и ша гора, въ коей хранился доднесь славный въ преданіяхъ шаганъ, свидѣшельствующій о томъ, что дошигалъ сихъ мѣстъ *Чингизъ Ханъ*, съ его неушомимымъ воинствомъ. На челѣ подножія ушвержена адаманшова я плиша съ сею Монгольскою надписью: *Герой изгладилъ въ нелѣ преступника.*

Буди вовѣки благословенна я память швоя, досшлавный Побѣдитель, равный Ромуламъ, Александрамъ, Чингизъ-Ханамъ! Ты принесъ въ даръ опечесиву неистощимыя горы сокровищъ, усыновилъ ему цѣлыя народы, порабощилъ ему моря и рѣки. Величайся, гордись *Иртышъ*, сшавъ гробницею Побѣдителя Царевъ, и плескомъ волнь швоихъ шверди въкамъ грядущимъ прехвальное имя Росскаго Вишязя.

Ся предлинная коллонада вела къ огромному

Госпическому зданію. Лишые, мѣдныя врата онго и рѣшепчатыя окна украшены были лазуревою финифтью съ златыми письменами, кошорыхъ странновидное, іероглифамъ подобное изображеніе, уже не вѣдомо сынамъ времени послѣднихъ. Острые куполы зданія, покрытые спальными, воронеными щипами, какъ будшо чешую морскихъ великихъ рыбъ, опиралися на дебелия стѣны, оцоясанныя зубчатымъ ободомъ, по коему лежала таковой же финифти полоса съ такимиже древинными буквами; на каждомъ зубцѣ обода виденъ гербъ какаго-либо царства, области, или княжества. Ко вратамъ зданія сего, принадлежало возходить по крупной лествицѣ, украшенной златыми перилами, на конхъ златотривые львы, (символы силы и доблести) держали щипы показующіе льва знамѣнитныхъ происшествій въ Россіи бывшихъ. У входа во храмъ, въ припворѣ онго стояли древніе дѣписашели, Іерархи Новоградскіе: современникъ Владиміра перваго *Тошкинъ* Корсуянинъ, и *Нисфонтъ* Вельнець; Русской Иродопъ, мудрый *Несторъ*, уроженецъ Белозерскій и послѣдовашель его *Симонъ* Суздальскій; и подражатель *Стрѣйковскаго* *Петръ* Могила; и высокосерлый *Никонъ*, за гордые помыслы лишившейся дружества Великаго Алексѣя, а со онымъ и митры своєю, кошорую принужденъ былъ сложить съ себя предъ лицемъ Вселенскаго Собора; съ ни-

ми кунно были здѣсь и Святиосановный *Говѣ*; и Келарь *Асралий Палуцыйѣ*; и пресвиѣръ *Гюагид Глазатый*; и Князь *Осодорѣ Келоскій*; и много *Ватавасій*. „Симъ „досночестнымъ блюсминкеламъ времяѣ давникъ и „знамѣнныихъ случаевъ попомество обязано благодареніемъ, — рекла, взирая на нихъ, богиня, — ибо по ихъ „писаніямъ соорудила и *Храмѣ Славы Россійскихѣ* „*Провѣд*; иначе великіе люди со всѣми ихъ приснопамятными дѣянїями и подвѣсь сокрывались бы въ мрачной глубинѣ неизвѣстности.

Между шѣмъ, какъ Небожительница произносила слова сіи, вдругъ какая шо раболѣиспвующая ей сила ошверзла превеликіе враща чудеснаго зданїа. Мы вошли: я обьяшъ былъ изумленїемъ и спрахомъ; очей моихъ не доспавало мнѣ чтобы окинушь все пространство! Необьяшную внутренность храма сего размашисшая рука смѣлаго строителя связала ошлого скашисшими сводами, которые сбѣгая съ высоты своего полнокружїа внизъ, сближались, ссединялись и усредоточивались въ златые шары, на воздухѣ висящїе. Таково чудное зодчество оныхъ сшаринныхъ храмовъ, кои время сохранило еще въ давно-падшихъ и преждепредшольныхъ градахъ Рускаго Царсштва! Подъ сводами пылало множество наикадиль, производившихъ сіянїе, равное свѣшшу полуденнаго солнца. Тысящами шрофевъ, угѣчаныхъ орлами и шѣмою Руническихъ над-

писей опятчены были стѣны, отъ древности поше-
 инѣвшія. Въ разныхъ мѣстахъ черное по серебру искус-
 ство и прекрасная рѣзба представляли obleжанія гра-
 довъ, побоища, поединки, борьбу, праздничныя тор-
 жества и Богатырскія пированія. Въ углубленіяхъ,
 въ стѣнахъ усроенныхъ, возвышались на пребогатыхъ
 подножіяхъ, изъ драгоценныхъ камней изсѣченныхъ,
 огромные кумиры боговъ и богинь, имъ же Славяне и
 Варягоруссы древле поклонялися. Тутъ зримы были
 и громодержавный Перунъ, и четырёхликий Свѣтовидъ,
 и милый сердцу народа Дажьбогъ, и повелитель вѣковъ
 Одинъ и вѣтрами правящій Сприбогъ, и страшный
 Чернобогъ, и ужасный Ній, и жамводатная Марцана, и
 любовшворная Лада, и Царица Богинь лѣпокая Фригга;
 а за сими и соимъ прочихъ боговъ и богинь, извѣстныхъ
 по Исторіи. Всѣ они сохранены были точно въ томъ
 видѣ и съ тѣми признаками, какъ чтили ихъ храбрые
 праотцы Россовъ. Въ семъ храмѣ также находились и
 кумиры Богатырей давнихъ вѣковъ; хотя и были они
 вылиты изъ электра чистаго, но суровая длань
 всемогущаго времени сгладила мужественныя черты
 доблестивнаго зрака ихъ, зашумила ясность многоцѣн-
 наго меча, и даже вовсе истребила надписи; у нихъ
 на подножіяхъ бысть долженствующія. Богиня, видя,
 съ какимъ шщаніемъ любовѣдѣніе мое усиливалось по-
 знашь, кно были Вишязи тѣ, рекла: „Твой трудъ

„напрасень. Но я возвѣщу тебѣ о нихъ. Доспосеченіе
 „Прои сіи, первоположники Славеноросской Державы;
 „твердая мысль возносящая великій духъ ихъ на под-
 „виги; довольны будучи и безъ моего засвидѣтель-
 „ствованія своимъ пріязнствомъ, они ликують
 „во глубинѣ безсмертія, въ свѣтлозарной Валгалѣ, въ
 „раю храбрыхъ, купно съ шѣми неподражаемыми Ирод-
 „ми свѣта, кои не возкошѣли даже и меня удостоить
 „своимъ строгимъ возрѣніемъ, и отъ меня сокрыли
 „имена свои: шамъ вкушаютъ они обще съ богами жи-
 „знодорожныя яблоки, что блудеть всегда юная Идуна;
 „шамъ пѣютъ они изъ роковыхъ фіаловъ оной дивной
 „медь и пиво, веселѣемъ растворенныя, которые вмѣ-
 „сто хмѣля, производятъ неоскудѣваемую бодрость
 „духа; шамъ вѣчно веселятся они успѣхами, ратобор-
 „ческихъ своихъ подвиговъ, внемая шоржественному сла-
 „вословію древнихъ Скальдовъ, брядающихъ на зланныхъ
 „арфахъ. — Скорбѣшь должно пошество, что воскиши-
 „тельное добротасіе пѣсновѣдцевъ сихъ до него не до-
 „спитало. Посреди зримыхъ тебѣ жершвъ времени
 „обрѣтаются кумиры: Славена, пришекшаго отъ предѣ-
 „ловъ Фракійскихъ и Илирійскихъ, которой украсилъ
 „именемъ своимъ многія страны Россію составляю-
 „щія; и сына его Босгарна, покорившаго Полночныхъ
 „странъ; также Вандала, побѣдившаго Восточнаго и Запа-
 „да, благоуспѣшныхъ во бранѣхъ родственниковъ его,

„Гордорика и Гуни-Гарла; и сыновъ его, Владыкъ удѣ-
 „ловъ первобытнѣйшей Славеноросской земли: Избора, Вла-
 „димира и Снодлосвяша, о нихъ же градахъ и поднесъ
 „свидѣнелъспрауешъ Исторія. Между ими и Владыка Ри-
 „ма, доблесшвенный Одоакръ, Князь Руской; шакже и
 „мужесшвенный ошець Госшомысла Вуривой, и храб-
 „рый супругъ Умилы, Финскій Царь Людбрашъ, и Кій,
 „основатель преславнаго въ дѣвеписяхъ Кіева; съ ними
 „же купно Оскольдъ и Диръ. Посреди сихъ кроется и
 „соловей древнихъ лѣтъ, сладкошвецъ Боянь, равный
 „знаменишому Барду шрешьяго вѣка. Вопреки швъ ач-
 „ная неизбѣшность поглосила много сокровищъ шпаро-
 „давности. Вѣдай, что шумиры си большаго частію
 „швхъ полководцевъ, коихъ богашырскимъ духомъ води-
 „мые по свѣшу полки, полъ именами шю Скнеовъ, шю Сар-
 „манъ, шю Роксоланъ, шю Гомеовъ, шю подъ общимъ именемъ
 „Сѣверныхъ Бравеносцевъ, шокоряли своему владычешву
 „гордой Римъ и пышной Царьградъ; побѣдили Ашшалу,
 „спракъ вселенной на поляхъ Кашалонишскихъ, и на-
 „чиная ошъ Колхиды, большюю частію бреговъ Евксина,
 „даже до рѣкъ Дона, Оки, Волги, Камы, Днѣпра, Руга,
 „Днѣстра, Десны, Дуная, до самой Сѣверной Двины
 „и Немна, и къ Западу до бреговъ Адрианишескаго мо-
 „ря, и на полунощъ до Бѣлыхъ водъ, всѣ шпраны съ
 „обитающими язьки владычешву своему порабощили.
 „Гремя славою, однимъ именемъ своимъ они побѣждали
 „войска, и како соволы ширяюща на вѣшрахъ, шакъ

„они господствовали покоряя себѣ царства. Дальнѣйше
 „дни Россіи небо сокрыло въ неизслѣдованномъ вѣдрѣ
 „своемъ, и доискывашся начала ея столь же много-
 „трудно, какъ и проникнуть въ случаи первыхъ дней
 „міра. Но Тотъ, Который вскони править вселенного
 „и царствами въ ней сущими, повелѣлъ мнѣ со вре-
 „мень Госпомысла и Рюрика блюсти дѣла и лѣта сей
 „побѣдоносный, великой мащери народовъ, паче нежели
 „во вѣ инія необычайныя событія въ мірѣ; зане вѣкъ
 „Тотъ вѣка царство ея возвысился и распространиш-
 „ся; и будешь она первою Монархією во всей подсол-
 „нечной: — что уже и совершилось. Мнѣ повелѣно
 „свыше блюсти память вѣнценосцевъ Россіи и избран-
 „нѣйшихъ сыновъ оной всеми благами преизобилую-
 „щей владычицы полсѣта. Се памяшники ихъ невре-
 „димы и во вѣки негиблемы.,

Я окинулъ алымъ окомъ моимъ пространство
 храма. Въ свящилищѣ его множество великолѣпныхъ
 столповъ возвышалось въ свѣтлозарномъ сіяніи. Они со-
 славляли обширный кругъ, и Слава воздвигла ихъ по
 порядку временъ и подвиговъ геройскихъ, соблюдя при
 каждомъ изъ нихъ свойственные Прою преимущества и
 ошличія. Прензачное искусство и величіе предмѣшовъ
 влекло къ себѣ любовышество и удивленіе.

ГОСТОМЫСЛЬ.

Во первыхъ являлся знаменитый мудростію Князь и гражданинъ, Великій Гостомысль въ шомъ образѣ, когда предстоѣя сословію Новоградскихъ Посадниковъ и Бояръ, вѣщаль онъ Спарѣйшинамъ ошъ Славянь, Руси, Чуди, Веси, Мери и прочимъ, да изберушъ Князей ошъ Варягъ управлять собою, излагая имъ бѣды и напасши ошъ безначалія и раздора происшекающія, и колико людямъ добро есть, когда благочестивыя Владыки правяшъ сираною. Превзящное даровъ духа богатство оживляло важный его зракъ; длинная брада спруилась по широкимъ его персямъ; десница была простерта, изьявляя поведишельное маніе: да внемлюшъ. Въ шуйцѣ держаль онъ кормило, во знаменіе мудроа народоуправленія. Гражданскіе вѣнды лежали у стопъ его. На златомъ Престоу его блисшало шаковое писаніе: Сей бѣ мужъ
„ елико храбръ, шoliko мудръ; всѣмъ сосѣдямъ своимъ
„ сирашенъ, а людемъ любимъ расиравы ради и правосудія;
„ сего ради и вси оковы чшиху его, и дары дающе
„ купуя миръ ошъ него; многіе же Князи ошъ далекихъ
„ сиравъ приходяду, моремъ и землею, послушаша

„ мудрости и видѣши судъ его, и просиши совѣща и
 „ученія его, яко шѣмъ прославися всюду. „ Подъ симъ,
 въ свѣшломъ кругѣ чеканнымъ искусствомъ изображена
 была почтующая, прекрасная и любимая дщерь его
 Умила, мамеръ праотца Царей. Согласно чудному,
 предвѣщающему сновидѣнью Господымысла, зримо
 шущъ было и оное пророческое древо, возникшее отъ
 чрева Умилы до облакъ, котораго плодоносныя вѣтви
 покрываютъ великій градъ, и подъ сѣнь ихъ грядущъ
 народы отъ концовъ вселенныя благоденствовать. —
 Сновидѣнїе паче всѣхъ событїиочное!

Р Ю Р И К Ъ.

Близъ сего новаго Соломона на такомъ же Пре-
 сполѣ возвышался внукъ его, родоначальникъ Скиппро-
 держцевъ Славяно- Росскихъ, сей побѣдоносный Рюрикъ,
 коего оружіе сокрушило многіе грады Галловъ, коего кора-
 бли преплавали отъ водъ Варяжскихъ до волнъ Запа-
 днаго Океана. Величавый взоръ его пламенѣлъ муже-
 ствомъ, которое умѣряемо было постояннымъ любо-
 мудрїемъ. Главу его осѣнялъ вѣнецъ отъ камени драго-
 цѣннаго; кудрявые волосы развѣвались по его мощнымъ
 раменамъ; въ десницѣ его блискала Скиппръ. Онъ воз-
 сѣдалъ облокотясь шуйцею на огромный щитъ, хипро-
 ственно насѣчкою изукрашенный, на коемъ изображенъ
 былъ совѣтъ дванадесяти боговъ Сѣвера, среди оныхъ

сѣли какъ два свѣтила, грозный Перунъ и строитель неба Одинъ. Тако являлся онъ покоющимся, яко Владыка мирнаго царствованія, Владыка прешекшій бранные подвиги. Короткая Варагурганская одежда покрывала его сильныя мышцы, и мечъ лежалъ поверженъ у ногъ его купно съ главою мятежнаго Вадима. Окружилось сполна его предшавляла отъсюду зубчатыя стѣны великаго Новаграда съ башнями и бойницами; изъ за ограды сей возвышались верхи Готическихъ зданій и куполы капищъ боговъ Славянскихъ; вдали же по одну сторону являлись взору священные холмы, пылающіе на нихъ дубы и приношеніе жертвъ; а по другую, совершеніе призиць на курганахъ и Рыцарскія грѣбня.

О Л Е Г Ъ .

Тутъ же рядомъ на другомъ столпѣ возносился подобно гордому кедру горъ Рифейскихъ, достославный Олегъ, въ геройскихъ своихъ доспѣхахъ. Изумленіе внушающій зракъ его одушевленъ былъ и въ металлѣ шюю благородною отважностію, которая покоряла ему грады и царства. Быстрыя зѣницы его и въ металлѣ пылали еще огнемъ шюю дивной прозорливости, отъ которой и самое отдаленнѣйшее время укрыться не могло. Величавую главу его обнималъ шлемъ ораими крылами осѣненный. Злапотканное Славянское полукавшанье

съ узорчатыми краями свѣтилось по персямъ и чреву; на блестящемъ препоясанн висѣлъ смертоносный мечъ по бедрѣ; пуки Византійскихъ профеевъ, обрѣшенные имъ въ нѣдрѣ сей пресловутой сполницы потомковъ Констаншиновыхъ, лежали у стопы его. Въ одной рукѣ держалъ онъ лавровую вѣтвь съ масляною свившюся, и вручалъ ихъ опроку Игорю близъ него стоящему, а другою опирался на тяжелую булаву свою, златыми шипами изгвожденную. Вокругъ свѣтлозарнаго столпа его изображены были: великолѣпный Кіевъ съ облегающими его священными дубравами; основаніе Москвы, пораженіе Древланъ, осада Коростеня, разбитіе Грековъ; ладьи рашію полныя на колесахъ чрезъ сушу, какъ по обильному влагою Поншу, бѣгущія на всѣхъ вѣтрилахъ; Цареградскіе Императоры дары ему приносящіе; врата Констаншинопольскія, на коихъ во знаменіе вѣчнославныхъ побѣдъ Россійскихъ, надъ сокрушителями Пергама одержанныхъ, сіяла, глянцовитый щитъ его; роковая со зміемъ глава любимата коня, о коемъ зловѣщали ему гадашеля; и наконецъ шумноводный Днѣпръ обтекалъ извивистыми водами своими весь край столпа.

О Л Ъ Г А.

Здѣсь на Престолѣ изъ алмаза изсѣченномъ возсѣдала премудрая, великая въ женахъ, свѣтодашняя Ольга,

деснойно именованная *Прекрасою*. Божественный зракъ ея, въ коемъ соединялися прелести дивной красоты съ огнемъ иройскаго изрядства и лучами преизящнаго ума, столь была живъ, что она и въ Кумирѣ казалася повелѣвающейю, какъ Ироина и Владычица. Вѣнецъ, изъ райскихъ криновъ соплетенный, украшалъ неслѣвное чело ея; длинныя кобы ея упали на высокую грудь; Великокняжеская маншя важно спускалася съ ея рамень на гербы Кіева, Новаграда и многихъ иныхъ Россійскихъ Княжествъ, подъ ея правленіемъ блаженствовавшихъ. Лучезарный крестъ и пальмовую вѣшъ неслла она въ десной, а шаръ царстводержавія наполнялъ длань ея лѣвой руки; шюнами же своими попирала она чудовищнаго дракона, идолопоклонство знаменующаго. Хищрошканная риза обнимала ея спройное шѣло, и крупнымъ перломъ вынизанный лентюнь препоясалъ ея чресла, роня долу концы свои, драгоценными камнями осыпанные, и жемчужною бахрамою обвѣшенные. На пребогатомъ столпѣ ея искусный рѣзецъ художника изсѣкъ Малдипово къ ней посольство; пришествіе ея подъ Коросень; знаменитую Тризну, ею совершенную надъ шѣломъ Игоря; горювидный курганъ, насыпанный ею на кости ея супруга; побіеніе Древлянъ; obleжаніе спюлицы ихъ; голуби и воробы въ дань ей отъ нихъ присланные и съ огнемъ отъ нея обратно во градъ посланные; обьяшая пламенными вихрями спюлица Малдина; смяшеніе

погибающаго народа; торжественное возвращеніе ея въ Кіевъ со шмами паланныхъ сопосланныхъ, учинившихся щасливыми ея подданными; построеніе Пскова, и наконецъ преславное ея крещеніе заключало всѣ оныя вѣчно-памятныя происшествія, которыя сноль совершенно изображены были, что каждое муть лицо одушевлено было движеніемъ и жизнью. Во всемъ шрудѣ видна была пылкость и замыслы Ваятеля.

С В Я Т О С Л А В Ъ .

По спрану ея высился доблестивенный ея сынъ, разящій взоры Свяшославъ. Повелительное лице его являло суровое мужество и строгую швердосшь; очи его пылали огнемъ брани, и вообще богатырская осанка его знаменовала въ немъ шакую непреодолимую храбросшь, что онъ, казалось, готовъ бы былъ прошивосшь не токмо полкамъ слабыхъ смершныхъ, но и всѣмъ стихіямъ. Толь неушомимой храбросши не имѣли ни Ашриды, ни Гекторы, ни Ахиллы, ни Александры. Сей великій послѣдователь обожаемаго Сѣверомъ Олина представленъ былъ на конѣ, летящемъ со всего маху. Тяжелая желѣзная колчуга со сшальными поручьми и обручьми покрывала рослое шѣло его; простой рапшичій шлемъ, коему чуждо было всякое украшеніе, ограждалъ его главу; за сильными раменами его висѣлъ

огромный щуль, пренаполненный пернатными стрѣлами, виновницами болѣзней люшыхъ и смерти неминуемой; обоюду острый мечъ, не совсѣмъ вѣдренный во влагалище, къ поясу на цѣпи прикованное, вселялъ въ сердца ужась; всепосякающимъ бердышемъ, на длинномъ рашовищѣ ушверженнымъ и шроеграннымъ копьемъ оканчивающимся вооружена была взмахнушая его рука, усталосши невѣдущая, и будто гошова разить; какъ полная луна, сквозь густой шуманъ рдѣющая, его круглый мѣдяный щипъ, пошускый ошь древности, прикрываъ его лѣвыя ребра. Несокрушимый сполюъ его обремененъ Болгарскими шроефями. На немъ представленъ былъ сей Князь Герой возлежащимъ посреди поля и ядущимъ сухой хлѣбъ, презирая окрестъ его свирѣпшвующія бури и все шруды рашоборшвѣя. Тушь онъ изображенъ побѣдшелемъ Козаръ, а здѣсь покаряющимъ подъ Державу свою восемьдесятъ Болгарскихъ городовъ, цвѣшущихъ на шучныхъ брегахъ Дуная; за симъ видно поражение Печенегъ, дерзнувшихъ подшупишь къ славнопрестольному Киеву; а шамъ изъяснено смяшеніе Греческихъ Мошарховъ, шрепещущихъ меча Свяшослава, сверкающаго окрестъ стѣнь Констаншинопольскихъ. Но художество съ прешзаннымъ искусствомъ изразило, какъ сей вѣнценосный Вишязъ съ малымъ числомъ неустрашимыхъ Славянъ своихъ, всепреодолѣвающимъ примѣромъ его одушевденныхъ, разбилъ и разсѣ-

ялъ шьмочисленное ополченіе побѣдителей Даріева Царства, и какъ хваляще мужество его, пораженные имъ, Греки сносили къ нему на выкупъ женоподобныхъ Царей своихъ, одни ратные доспѣхи вѣсно серебра, злата и бисера драгоцѣннаго, ошрипушыхъ имъ, яко ошраву нѣги и роскоши.

В Л А Д И М І Р Ъ.

Великій изъ Владыкъ и славный изъ побѣдителей, Владиміръ, сынъ Свяшослава, обладалъ полною, воспоною, полуценною, бѣлою и черною Россію, просвѣтилъ обширнаго Царства своего, возсѣдалъ на Престолѣ изъ дхонша искромешнаго сооруженномъ въ богоподобномъ своемъ величїи. Пресвѣшлый зракъ его цвѣлъ красошою, веселѣемъ, мужествомъ, любовію и мудросшію: сиѣ лучи високаго духа оживляли каждую чершу его. Взглянувъ на него, не лзя было не благоговѣшь. — Вѣнецъ, изъ яркихъ звѣздъ слявный сугубилъ сіянїе златыми гранями усѣяннаго шлема его; блистательныя лашы охраняли полную доблесшью грудь его; великолѣпная Порфира, гербами Россійскихъ удѣловъ усѣянная, лежала на плечахъ и множила изрядство его сановитости; скрижали заповѣдей, на коихъ основана свяшяя Христїанская вѣра, предпочтенная имъ предъ всѣми прочими, хранимы были въ десницѣ его,

а въ шуицѣ была Держава всяя Россіи крестоу увѣнчанная. У стоу его лежалъ сокрушенный Перунъ, грозный кумирь, доселѣ Славянами чшмый богоу грома, молніи и шемныхъ облаковъ. Художникъ, выработывая огромный стоуль Владиміровъ, ишощилъ все шщаніе свое и шрудъ, чшобъ изобразить во всемъ изящешвъ многочисленныя и преславныя подвиги Царя. Тушъ, при водахъ Клязмы видны возвышающіяся шѣны и храмы града Владимірова, подобно древнимъ Оивамъ, возникшимъ опъ шворческихъ звоновъ Амфіоновой лиры; переходъ чрезу Дунай; завоеванія Болгаріи, Сербіи, Кроаціи, шраны Седмиградской, и шѣхъ шранъ, гдѣ Волохи, Мушпяне и Орды Бобружскія обитающъ; достославный поединокъ богатыря Яна съ Полканомъ Печенѣговъ; рѣшишельное поражение сихъ шротивниковъ Россіи при водахъ Трубежи; построение Переслава въ память сей знаменитой побѣды и Янова мужешва; сонъ прочихъ вишязей, сподвижниковъ Владиміровыхъ во брани, изъ коихъ прешрославленный въ пѣсняхъ и предашяхъ, доблешвенный Муромецъ превосходилъ клевершовъ своихъ богатырскимъ изрядешвомъ; по немъ предешояли раменисный Рогдай, на шриста сошротивныхъ ушремлявшійся, и мощный Добрыня. Въ другомъ опдѣленіи зрится шчастливая подъ Державоу Владиміра великая Россія, со прешольными градами и цвѣшущими селами; обширныя веси ея наполнены ликующимъ на-

родомъ; вездѣ видно шоржесство побѣдъ, веселіе, итры,
 богатство земли, лѣпота обиталищъ. Многоводная Вол-
 га, быспропечный Днѣпръ, дрой Донъ, разливисшой
 Волховъ и излучисшая Ока кипятъ подъ шысящми
 парусящихся спруговъ, кон, преисполнены будучи бла-
 годашню небесъ съ нивъ собранною, бѣгутъ, перегоняя
 другъ друга по пѣннымъ хребшамъ рѣкъ сихъ, и прено-
 сятъ сокровища жаныы изъ одной спраны въ другую. Ве-
 ликій Новгородъ, пышный Кіевъ, преславные въ вѣкахъ
 первенцы Россіи, твердо стои на земли, блистатель-
 ными главами своими касаются превыспреннихъ, звѣзд-
 ныхъ круговъ. А шамъ предшавленъ велелѣпно укра-
 шенный черпогъ Владиміра; въ немъ побѣдоносный Влад-
 дыка бесѣдуешъ съ толкователями различныхъ вѣръ;
 избираешъ самую спасительнѣйшую, шу, копорая, про-
 свѣщая душу истиннымъ свѣшомъ, соединяетъ смершна-
 го съ Богомъ; онъ избираешъ ее, воспаляется любовію
 къ Существу вышнему, женешъ изъ спраны своея заблу-
 жденіе, въ видѣ слѣпаго чудовища изображенное, а оъ
 жимъ купно изгоняешъ и весь соборъ боговъ ложныхъ;
 и цѣлыя рѣки едва могутъ вмѣстипъ во брегахъ сво-
 ихъ толпы Россіянъ, приемлющихъ свяшое крещеніе.
 Далѣе изъяснено, какъ Царь просвѣшитель, предша-
 спвуя леціонамъ своихъ сильныхъ, мешешъ грома на Тавръ
 и Халкидонъ; осада и взятіе Феодосіи; облежаніе Херсо-
 неса; письмоносная спрѣла Анастасіева; покореніе про-

пизвающагося града, сокровищами Царей Константинопольскихъ обильнаго, а съ нимъ и всей Тавриды; крещеніе самаго Владиміра во градъ ономъ; бракъ его съ Цареградскою Царевною; множество храмовъ, зиждемыхъ поклоненія ради истинному Богу; — училища, больницы и сиротншалища во благо чловѣчеству устроеныя; и наконецъ побѣдою надъ Поляками, взятіемъ Перемышля, Червеня и окружности Родомской свершались безсмертныя подвиги Равноапостольнаго Владыки.

Я Р О С Л А В Ъ І.

Тутъ рядомъ стоялъ зланный столпъ; на немъ являлся въ торжественномъ сіяніи сияжавшій славу своими дѣяніями и случаями достопамятныхъ происшествій Ярославъ, законодатель Россіи. Видъ его былъ важенъ и крошкѣ. Будучи великъ безъ гордыни, величественъ съ скромностію, казалось, онъ и въ кумирѣ разсуждалъ о своихъ мудрыхъ законахъ; но при всемъ томъ взоръ его оживленъ былъ храбростію. Онъ сидѣлъ на Пресполѣ, драгоценными камнями осыпанномъ. Иройская броня обнимала его сановитое шѣло; пернатый шлемъ осѣнялъ его бессмертную главу. Въ правой рукѣ держалъ онъ развернутой свитокъ съ надписаніемъ: *Правда Руская. По сей грѣмотѣ ходите, яко же писано вама, такожде держите*; а въ лѣвой вѣсы оливою обвишые. Мощною

пяшою своею подавляя онь змѣя, во знаменіе побѣжденной имъ злобы лютаго и кровожаждущаго брата своего. Удивительная рѣзба живо изображала по сторонамъ снопца его: низложеніе братоубійцы Святополка при волнахъ шумноводнаго Буга; здѣсь подъ знаменами Россійскими блискала предъ полками неустрашимыхъ Варягъ храбрый Якубъ, Свейскій Королевичъ. Попомъ зримо было шоржество оружія Ярославова на берегахъ Ладожскаго и Чудскаго озеръ, и основаніе Юрьева, града, и донинѣ свидѣтельствующаго славу имени побѣдоносца сего. Тамъ знаменитое предолѣніе Печенѣгъ, многочисленною силою обложившихъ Кіевъ; великолѣпное сооруженіе Храма во имя дщери Царя небесъ, во имя всезиждущей и всехранящей Софїи, Божіей премудрости. За симъ побѣда его надъ Греческими Царями и груды сребра, ему въ дань отъ нихъ представленныя вмѣстѣ съ прелестною Анною, дщерію Конспаншина Мономаха, обѣшаванною въ супруги юному сыну его Всеволоду. Тутъ же видимо, какъ въ явѣ, сословіе мудрыхъ мужей, призванныхъ Ярославомъ отъ Востока, и трудившихся надъ преложеніемъ изящныхъ книгъ; Славено-Россійское, изъ трехъ сошь опроверкъ составленное, училище; благолѣпіе и чинъ съ каковыми опправлялось служеніе испинному Творцу неба и земли. Укрѣпленіе Кіева, Новаграда, и построеніе славноименитаго града Ярославля въ червонной Россіи. Побѣды въ Польшѣ

и поселеніе Польскихъ пльвниковъ. Сія страна столапа заключалась изображеніемъ чешырехъ вѣнчаныхъ женъ, подносившихъ Ярославу лавровыя вѣнцы съ масличными лозами; то были чешыре сильныя въ тѣ времена Державы, союзницы искуснаго Владыки: Польша, Швеція, Норвегія и Венгрія. Но другая страна столапа являла особо любопытное изображеніе. Въ доказательство тому, сколь чшима была Россія Царствами Европы и въ древніе вѣки, шущъ являлися славныя Царицы, дщери Ярославовы. Лѣповзорая Елизавеша, супруга Геральда храбраго, Короля Норвежскаго, котораго вездѣ рыаной духъ токмо въ Россіи покорсывоваль любви. Милонравая Анаснасія, супруга Андрея II, повелишеля Венгровъ, и оная прекрасная Анна, супруга Генрика I, обладашеля горделивой Франціи. Художникъ, держась точности собыштя, представиль сію прамашерь Королей, Королевъ, Герцоговъ, Князей и многихъ Владѣтелей окруженною знаменитыми ея попомками. Здѣсь видѣнь былъ шолико славный въ цѣломъ Свѣтѣ плодъ чрева ея, родъ Капешовъ, ошъ Гюга даже до злополучнаго Людовика XVI, и родъ д'Анжу ошъ коего Испанскіе и Неаполишанскіе Вѣнценосцы ведущъ свое поколѣніе, и правнукъ ея Пешрь Курше-най, Императоръ Константинопольскій, отличившійся доблесшю во дни Крешовыхъ походовъ, и праправнукъ ея, супруги Королей Британскихъ и Испанскихъ. Всѣ сіи изображенія ешоль были совершенны, ешоль живы,

что казались дышущими; и только что дара слова имъ не доставало. Чудное искусство! любезные Россамъ предметы! вы неизгладимы пребудете въ памяти моей. Тебѣ, Россія, Европа обязана была за многихъ благо-творителей народовъ.

ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ.

Близъ Ярослава сѣдѣлъ на Прешолѣ шoliko же драгоценномъ второй Владимиръ, — оный премудрый Мономахъ, коего дѣлами за славу вмѣняли нарицаться потомки Констаншиновы и Цари Венгровъ, копорый промысломъ своимъ и храбростію, собравъ части разперзанной чадами Равноапостольнаго Владиміра Россіи, совокупилъ опечесиво опять во едино Самодержавіа шѣло. Онъ пресѣкъ крамолы несогласныхъ Князей, и былъ страхъ всѣхъ окрестныхъ народовъ. Онъ возвышался во всемъ облаченіи Цареградскихъ Монарховъ, копорое поднесли они ему вмѣстѣ съ тишломъ Императора; но бывъ великъ самъ по себѣ, и опечественное шишло предпочитая всѣмъ инымъ, онъ опвергъ предлагаемое ему тишло. Пребогашая Греческая дѣдима сіяла на безсмертномъ челѣ сего перваго Царя Россійскія земли, и священныя бармы, крупными изумрудами и дхоншами обложенныя, блисшали у него по раменамъ и на персяхъ. Въ десной имѣлъ онъ Скиптръ, по ко-

ему видась лавровая вѣтвь, а въ шуицѣ громовыя стрѣлы, копорыми въ преславные дни свои поражае онь сопоспашовъ ошечесива. Мудрость и мужество его сугубили лѣпому сихъ преизящныхъ даровъ Комнина. Важный взоръ его изъясляе всё его изящныя добродѣтели: правду, человеколюбіе, умѣренность и миролюбіе. Вокругъ Престола его искусство тщательнo изобразило знаменитые его подвиги. Здѣсь зрится, какъ Владыка Константинопольскій, въ наказаніе за многія Грековъ противу Россіи коварства, оружіемъ Владиміра бывъ покорень, проситъ ошъ него мира, принося ему въ даръ сіи ошличнѣйшія Царей украшенія, какъ бы достояніе послѣ дѣда его Константина Мономаха ему слѣдующее. Тамъ въ Тавридѣ Лашынцы и Генуэзцы, не въ силахъ защититъ ошъ побѣдоносной десницы Царя Русскаго славныхъ градовъ своихъ, ошдають Кафу и Феодосію; тушь же хитрый рѣзецъ художника представилъ, будпо въ живѣ, единоборствіе Владимірово съ Кафимскимъ воеводою, копорато порфиросный витязь Россовъ мужественно испоргнувъ изъ сѣдла, стѣсилъ опухами, привелъ къ воинешву своему во всешь его вооруженіи и снялъ съ него знаки чести. За снмъ представляется, какъ сыны Мономаха, Геройскимъ духомъ его исполненные, предводительствую полками неустрашимыхъ Новгородцевъ и Псковичей, побѣждаютъ Чудь и Половцовъ, разрушаютъ престольные грады ихъ

и съ богатою добычею возвращаются въ нѣдро царства своего. Далѣе, храбрые воеводы, его ревностные слуги, шоржествуютъ по брегамъ Дуная, покоря славной Державѣ его многіе грады и веси. Наконецъ излагаются побѣды потомковъ его, и то, какъ отважнѣйшій изъ нихъ Романъ, отецъ Даніила, завоевалъ всю Липву, которая, сверхъ возложенной на нее дани, здѣсь, во образѣ жены печальной, смотритъ, къ позору своему, на лучшихъ сыновъ своихъ, вмѣсто коней, подъ ярмомъ плуга стоящихъ; спудомъ покрытые, они влекутъ рало вдоль собственныхъ нивъ.

АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

При возрѣніи на сей памятникъ благоговѣніе объемлетъ душу. Здѣсь Богомъ избранный Герой сіяетъ добротностію своею, какъ восходящее солнце красотою свѣшодатныхъ лучей. Здѣсь Герой Невскихъ береговъ, преславный Александръ. Подобно небу опъ земли далекому, далекъ онъ изяществомъ высокаго духа своего опъ того униженнаго спрасшми Александромъ, котораго пагубное мѣру рожденіе ознаменовано было пожаромъ храмовъ, ясно свидѣтельствовавшимъ, что зажжетъ онъ Вселенную огнемъ брани, и наводнитъ ее кровію себѣ подобныхъ. Здѣсь не шомъ Александръ, котораго препенущее и опъсюду узами его

спѣшенное человѣчество съ ужасомъ нарекло великииъ; но здѣсь Александръ, благошворитель народовъ, защитникъ ошечесшва, побѣдитель миролюбивый, которому по сущей истинѣ шшло Великаго принадлежитъ. Дивной лѣноты зракъ его хотя и цвѣшетъ младостію, но одушевленъ смиренномудрѣемъ, умѣренностію, правосудіемъ и милосердіемъ. Иройскою величавостію объята ошвсюду его мужеспвенная, Повелителью, или паче Божеспиву свойспвенная осанка. Изрядство его сановитости, при первомъ на него взглядѣ, внушаетъ сію мысль, что онъ Вишязь горныхъ силъ Царя вышняго. Чешуйчатая броня его ошметала яркое сіянѣ. Въ одной рукѣ держалъ онъ мечъ, масляною лозою обвитый, а на другой рдѣль, какъ румяная заря, огромной его щипъ, на коемъ изображенъ Архисшрашигъ небеснаго воинства, поборающийъ чудобразнаго Владыку духовъ ошпадшихъ; по ободу же щипа высыпаны дорогими камнями сіи блистательныя слова: *Разумѣйте, языцы, и покарайтесь, яко съ нами Богъ! Улова на Него, спасуся Имъ.* Присвопамятными дѣлами украшенное подножіе его живо изображало его побѣды надъ Шведами и побѣнѣ Лифляндскихъ Рыцарей. Тутъ видна была Нева во златѣ волнующаяся, плещущая въ прекрасные брега свои, на коихъ любезный Богу Ирой разить Готское воинство, наноситъ смертельную язву самому Королю Велгеру. Тамъ, на роковомъ полѣ би-

ивы, зрими Чудь и Лифва, зримо и смященіе ихъ сн, на вѣки усмувшіе, лежашъ врозсынь, какъ неподвижные камни въ долинь; а шѣ разсѣяны, какъ испу- танныея пернашыя; друіе въ пльнѣ възны; вообще же все ихъ ополченіе сокрушено до конца здѣсь, при вто- ричномъ освобожденіи Пскова. За сими славное сраже- ніе при Чудскомъ озерѣ, гдѣ пятьдесятъ Лифлянд- скихъ крестоносныхъ вишязей на поприщѣ брани поло- жено, шодико же въ плѣнѣ възно, и гдѣ многія тысящи Чуди пали отъ меча Александра. Далѣе, подобно- торамъ, челомъ небесъ касающимся, предсавлены, шомо чшо неглаголющими, знаменитые богатыри Алек- сандровы: мощный Таврїиль, коего всепреодоляющая жыща погрузила на вѣки во глубину Невскихъ водъ Скандинавскаго Королевича, въ бѣгшвѣ искавшаго спасе- нія себѣ, и которая на вѣки разлучила съ отечествен- ною спраною Лифляндскаго правителя; сильный Обы- славъ, шакъ посѣкающій бердышемъ своимъ сопротив- ную силу, какъ бы листь тустой травы; съ сими куп- но и храбрый Яковъ Полочанинъ, и Новгородецъ Ми- хайль, и Сава ошвяжнй, и неустрашимый Раширѣ, Тутъ изъяснено и великолѣпное сръшеніе, люпымъ жаскѣдникомъ кровожаждущаго Вапты учиненное добле- стивенному Александру, засшупнику Россовъ отъ Татар- скаго насилія. Вошѣ и пришествїе къ нему отъ Ваши- канскаго Деспота коварныхъ пословъ съ хитросплетен-

нѣмъ соблазномъ, въ которой чаялъ онъ уловить сего неколебимаго поборника и защитника Восточной церкви; но къ снуду посланнаго ихъ и къ снуду своему, они обрѣли въ мудроумъ Князѣ Россозъ снротата ревнишеля исповѣдуемой имъ вѣры. Напослѣдокъ видно было взятіе Дернша, и шолны мношлешенныхъ семействъ, кои, прельщенны бывъ славой Александра и челобѣколюбивыиъ его народоправленіемъ, шекли онъ дальнихъ странъ подъ его Державу. Тако снада агнцовъ спѣшашъ укрышья онъ зноя въ прохладной сѣни гусне-лишвеннаго древа, при исходищѣ водъ высшадатося, разиѣшавъ по воздуху свои пушиштыя, благошворныя вѣшвы.

Д М И Т Р І Й Д О Н С К О Й.

Рядомъ съ побѣдоноснымъ Александромъ возвышался на конѣ Росскій Леониль, оный безсмертныиъ Донской, который, бывъ еще одинадцашилѣтнимъ шврокомъ, уже искусно держалъ броды правленія въ надежной десницѣ своей, и являлъ какъ мзщештво духа, шакъ и дивное разсудка совершештво, искушешному мношми опышми шарцу шкомо свойшвенныя. Сего, пренаполненнаго добродѣшельми Государя, достойно нарицашъ ошцемъ народа, занешаште подданыихъ предпочишалаъ своей жизни. Онъ былъ представлень въ шомъ

самомъ образѣ, какъ спасалъ Москву отъ губителя Ма-
 мая, когда предшествуя легионамъ своимъ славныхъ,
 рекъ имъ: „ Или и баваю землю Русскую отъ павше-
 ннѣхъ, или за вѣхъ васъ положу главу мою на раш-
 номъ полѣ. Честная смерть лучше злато живота. „
 Зракъ его былъ столь выразителенъ, что полуошвер-
 сшныя уста его казались еще глаголющими сѣ во вѣхъ
 вѣки попомошву намъ шное изреченіе: Рязная храбрость,
 мудростію движимая, блистала въ очахъ его; а пла-
 менная любовь къ отечеству оживляла каждую черту
 его младаго, пригожаго лица. Просшая и ошвсюду изъ-
 явленная броня покрывала его высокое, плечистое и
 дородное шѣло; смѣшливое художество изобразило по
 ней текущую изъ многихъ ранъ драгоцѣнную кровь
 его. Россія въ видѣ жены величавой, прекрасной, въ
 видѣ шокмо богинѣ сродномъ, имѣя чело увѣнчанное
 Кремлевскими зубчатыми шѣнами, Димитріемъ воздви-
 гнутыми, сошествовала заспушнику своему, неся въ
 рукѣ лавровые вѣнды и рашное на рамѣ знамя, съ изо-
 браженіемъ Спасителя челошкы. Доспославные подвиги
 сего рѣдкаго изъ Монарховъ и великаго изъ полковод-
 цевъ занимали всю окружность адаманиоваго шюла
 его. Во первыхъ шупъ была предшавлена Коломна,
 возносящая до облакъ крестыносныя свои башни; по
 широкимъ, облежачимъ ея равнинамъ шювать въ шрой-
 номъ чинѣ храбрые Русскіе полки изъ разныхъ Жыл-

жествъ и предѣловъ Московскаго Царства спешитеся, дабы совокупными силами защитишь страну свою отъ звѣрскаго Мамаева нашествия и свергнушь поносное Ордынское иго. Подобно свяду соколиному, на высокой холмъ слезѣвшемуся, собрались сюда храбрѣйше сыны Сѣвера: сѣлюще доблестію Князи, и бояра, широте любители общаго блага, и воеводы, знаніемъ рашноборствія препрославленные. Всѣ они радьюшь кровію своею изкунишь опечеснво ошь бѣды. Здѣсь и масшпная шарость и цвѣшущая юность, единымъ чувствомъ Иройства одушевленные, не уступаютъ одна другой и обѣ ревнуютъ спасенію Россіи. Никого изъ нихъ ничто не могло удержанъ въ милыхъ ихъ семействахъ: ни любовь родительская, ни любовь супружная, ни жаркая любовь къ красотѣ, ни сладкое сердцу чадолюбіе. Увидя манасивъ общую, они забыли весь родъ и племя свое, и дома и богатство, и какъ бы спокрытые орлы набравъ полетѣли. Тако единошробные братья, единогошнѣ мѣ сопряженные, вступающа за мать свою; и горе мужу бую, ештли дерзнешъ онъ оскорбишь родительницу, добрыми чадами богашую! Тако многіе источники, одни мало по малу вытекающе изъ глубины шѣнистыхъ дубравъ, другіе, шпрулса съ горней шплогости, сѣ шюпса между каміями, а шѣ подьгусными злаками шашіеся; шако соединяющса они всѣ въ долину и сосшавляютъ обширной водоемъ; время онъ времени сугубашса воды

ихъ, разбиваются, понимаютъ высоты, и наконецъ сильнѣмъ напоромъ своимъ роютъ землю, подмываютъ высокія горы и темныя лѣса, и снавѣ великою рѣкою, съ шумомъ, съ ревомъ, ужасомъ мчашся чрезъ веси, чрезъ Царсва въ моря далекія, — и моря дивятся ярости воли ихъ. Тако, но и шого еще быстрѣ Росскіе полководцы спѣшили подъ Коломну соединиться другъ съ другомъ. А шамъ, чшо за сонмъ избранныхъ боиашрей, какъ городъ споншъ превыше прочихъ рашоборцевъ? Подъ ихъ свѣтлыми шлемами я зрю и прешарѣлькхъ и маалыхъ выпязей; посреди ихъ самъ Димитрій, какъ солнце предъ громадою молціеносныхъ облаковъ

Ты зришь друкину Князей Бѣлозерскихъ, ошвѣщала мнѣ Слава; сѣи ошланчыы Црои крѣпки и мужешвенныи во брани: они сушь швердый опломъ Государшва. Разженныи патрїоническимъ сердоболѣемъ, они безъ призыва пришли къ Димитрію съ полками своихъ храбрыхъ; изъ нихъ Князь Великій урядилъ свой опричный легионъ. Констаншинъ сынъ Всеволода, родоначальникъ ихъ: въ нихъ духъ равно во всѣхъ великъ, во всѣхъ единъ, жоня колѣна ихъ разавчны. Прешазную дружину сѣю сосшавляютъ Кнези Андомскіе, Вадбольскіе, Бѣлосельскіе, Шелешчанскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Карголомскіе и Ухшомскіе. Такъ нарицающся они по ваашамъ своимъ ошъ предка, въ удѣль ошцамъ ихъ даннымъ.

При семъ словѣ пріятное чувство радости внезапно наполнило мою душу, закипѣла вся кровь во мнѣ, возколебалась грудь моя, сердце рвалось вошь, и теплыя слезы покашались по ланинамъ моимъ. Сіе милое чувство, сіи сладкія слезы, вашему безсмертію посвящаю, знаменитые Князи Ухтомскіе! примите славныя прощды матери моея, примите ошь правнука вашего сію чистую жертву благоговѣнія, досточестной памяти вашей принадлежащую! Любезное мнѣ имя ваше да благословишя въ роды родовъ! Опечесство во вѣки не престанешъ чинишя васъ въ числѣ заступниковъ своихъ. Хотя не сооружено вамъ ни монументовъ, ни мавзольей; хотя безвѣстно, гдѣ неотбѣнный прахъ вашъ почіешъ, но купно съ Димитріемъ вы безсмертны. Между шѣмъ какъ опягченныя проклятіемъ и худюю пронесушя до позвѣйшаго пошомства пошылныя имена оппадшихъ чадъ Россіи, нечестивыхъ предателей Олега и Ангелла, а съ ними вмѣстѣ и еще иныя имена измѣнничбы. Не благословенія, а поруканіе воздася имъ на гробахъ ихъ; и сыны сыновъ ихъ не возрадуются о имени ихъ, не вознесутся ихъ славою, но посрамятся памяти ихъ, возгнушаются ею, опвержуются ошь сѣмени ихъ, и кляшюю вѣчною Исторія ознаменуешъ время. опспыднаго ихъ бытія.

По томъ, устремя взоръ на другое изображеніе, я созерцалъ ужасное поле брани, распространяющееся

по брегамъ Непрядвы. Какое шумъ множество предме-
новъ! — Здѣсь слышь злодышущаго Мамаю, его несмѣш-
ная Ордынская сила, какъ шума пагубошворной са-
ранчи, обширно по лону земли разлеглась; а снудуда
преходишь Донъ и спускается съ высотъ на равнину
Московской Царь, предводишельства не столь много-
численное, колико храброе Русское воинство. Его
спорожкіе соглядатаи разсѣялись по окрестности,
припаясь въ кустахъ, но въ густотѣ дикихъ травъ,
по изъ за чела холма они наблюдаюшъ и зрѣнїемъ и
слухомъ движенїя вратовъ. Славнѣйшіе изъ нихъ: мудрый
гадатель Димитрій Волынецъ и созерцатель Небес-
ныхъ явленїй Ома Хаацибѣевъ; они полны надежды. Но я
невижу на Скипшродержцѣ блистательнаго Великокняже-
скаго доспѣха! Гдѣ его бурной конь? гдѣ его бѣлое зна-
мя? гдѣ его грозная рында? Подобно простому ратнику,
онъ во сонмѣ прочихъ вождей; единое шокмо изряд-
ство мужественнаго вида его и пылкость его взора
свидѣшельствуюшъ о немъ. Мудрый Димитрій, вмѣняя
пресвѣтлое Царей убранство безъ славныхъ дѣлъ въ
ничто, совелкъ съ себя маншїю, снялъ вѣнцемъ крас-
ный шлемъ и броню; наперсникъ его Брянскій сїяетъ
въ его нарядѣ, какъ малое древо на вершинѣ скалы
зеленїющее, возносивша онъ на хребтѣ коня его, подъ
бѣлымъ его знаменемъ окруженъ великокняжескою сира-
жею. Вошъ и сирашное Мамаево побоище; толико зна-

менимое въ преданіяхъ? Тутъ пали люди, какъ шрава
 подь косою; кровь ихъ прошекла рѣками; шуть изобра-
 жено славное единоборство искуснато воиншеля Пере-
 звѣпа съ Ташарскимъ Полканомъ и взаимная смерть
 ихъ; шуть предшавлены всѣ ужасы брани и облако
 дождившее вѣндами. Димитрій посреди самой сѣчи ра-
 зилъ враговъ. Его отважностію ободренныя рашай
 неустрасимо сражаются. Вишязи Бѣлозерскіе и Суз-
 дальскіе преодолавають упорство шьмочисленныхъ
 Ордь. Вотъ и побѣда Россовъ и бѣгство Мамаево! Сей
 гордый Агарянинъ смятенъ, погранъ, ошчаянъ, едва
 спасая жизнь свою, окруженъ шокмо малымъ числомъ
 своихъ присныхъ, спремишся съ роковаго поля, покры-
 шатаго шысячами и шьмами Ордынцовъ его. Простран-
 ство шестидесяти пшши полриць едва досташочно
 вмѣстимъ испребленное Ташарское ополченіе; земля
 шягошѣшетъ, и кажешся будно стонешъ подь буграми
 шруповъ ихъ. Побѣда Россовъ! Но гдѣ побѣдишель? гдѣ
 Владыка, защитникъ и ошець ихъ? гдѣ Димитрій? Я
 не обрѣшаю его здѣсь въ соборѣ военачальниковъ? Онъ
 здавался во всѣ опасности, онъ первой спѣшилъ шуда,
 гдѣ нуженъ былъ его великой духъ, его разишельный
 примѣръ, самый шрудной подвигъ. Ужели, ужели сіе
 свѣшило Росской славы, не озаривъ шрофеевъ своихъ
 сскрылось въ тусномъ мракѣ безконечной ночи? — Но
 можешъ ли вшпый Россіянинъ обраишь сюда взглядъ

безъ душевнаго болѣзнованія? Подъ вѣшьями поверженнаго сѣкирою древа Димитрій обрѣшенъ едва дышущимъ, утопающимъ въ крови своей, и грудь и ребра его изъязвлены ранами. Уже онъ гошовъ разошлась съ жизнію, но побѣда сія возвращаетъ ему бытіе; великая душа его въ самыхъ врагахъ вѣчноспи основана радостію видѣшь шоржество и спасеніе Россіи. Все сіе шоль живо представлено, что кажутся всѣ лица дышущими, и мнѣтся, что будно все сіе видишь производимъ въ явѣ, какъ бы въ нѣкоторомъ отдаленіи. Художникъ не забылъ изъяснить и шого, что Димитрій оплакалъ побѣду сію надъ шѣлами многихъ храбрыхъ сподвижниковъ своихъ; кои были и ограда и краса Русскаго царства; въ числѣ ихъ всѣ осмь братьевъ Князей Бѣлозерскихъ, жертвуя собою опечеству, вкусили смерть на полѣ чести. Воспоманушо было и благосердіе его въ предателю Олегу. Пришествіемъ же въ Москву обожаемаго подданными Димитрія, празднествами и ликованіемъ народа заключалися всѣ оныя вѣчнопамятныя изображенія. На челѣ столпа горѣли какъ жаръ слова сіи: „*Россія! се твой заступникъ и покровитель!*„

ІОАННЪ І ВЕЛИКІЙ.

Близъ Димитрія находились одинъ за другимъ два огромные столпа равной величины, сооруженные каждой изъ драгоценнаго камня, коему человеческой умъ, кромѣ удивленія, никакой иной цѣны опредѣлить не можеть. Первой столпъ изъ чистаго сафира со златыми реліефами; несравненно, неподражаемо прензятство рѣзныхъ и чеканныхъ изображеній, коими опвсюду онъ украшенъ. На семь столпѣ возносился Великій Іоаннъ, единоначальникъ Россіи. Сей, равно мудрому Мономаху, скопиль разсыпанныя Княжества подъ одну Державу и шѣмъ изшоргъ корень раздора, междоусобія, братоубійствъ и иныхъ многихъ золъ свирепствовавшихъ въ Государствѣ. До его Царствованія, обширная, но раздробленная Россійская Монархія подобна была разслабленному исполину, кошорому престали повиноваться всемошныя его мышцы; изнурены будучи опъ напряженія и непрерывной борьбы съ разными и всегда новыми сопротивниками, онѣ лишились своей крѣпости и удободѣйствія; гнѣздящаяся внутри болѣзнь, паче и паче раздражаемая суешными покушеніями, щещнымъ себя принужденіемъ въ испытаніи собственныхъ силъ своихъ, огрузила все его рослое шѣло и ловкіе члены его содѣлала тяжелыми тирями, орудіями шокмо чпо его обременяющими. Но Іоаннъ,

яко многовѣдущій врачъ, употребилъ противу шаковой жестокой немощи самыя преодолительныя, самыя скорыя, вредъ изгоняющія цѣленія. Онъ возвратилъ исполнѣнію сему здравіе и привелъ непокорныя его члены въ должное, во взаимное согласіе. Рукою Іоанна подышавъ съ одра нѣсколько сошь-лѣшней болѣзни Россіи, возстала, и славою облеклась; окинула окрестъ себя своимъ обширнымъ взглядомъ, — и сопредѣльныя Царства потряслись; синуила, — победы загремѣли. Оный досхопамятный Монархъ, сокрушилъ несшерпимаго Башыева ига, облеченъ былъ въ броню и порфиру. Цареградская дѣадима ошцевъ его распочала яркіе лучи съ величавой его главы, густыя кудри изгибались по раменамъ. Въмѣсто скиптра яснѣлъ въ десницѣ его мечъ; какъ воздушный огонь по черному облаку рдѣющійся; а въ шуицѣ имѣя державу, попиралъ онъ твердою пятою темной полумѣсяцъ, въ доказательство презорства его къ властолюбивой и буйной ордѣ. По страну его находился несокрушимый его щипъ, на коемъ сидѣлъ быспроокой орелъ, распростира крылѣ свои, готовыя къ полету. Сей Царь пернатыхъ успыдася и наскучивъ служивъ падшимъ потомкамъ Римскихъ Кесарей, пренесся подоблачнымъ своимъ пухемъ чрезъ Восшокъ на Сѣверъ, къ добронобѣдному Іоанну, чшобъ соупшшвовашъ Россамъ его ко славѣ. Исперзанныя на части узы и добычи Волскихъ и Лишовскихъ завое-

ваній, лаврами привязанныя лежали у стопъ Владыки. Строгъ и ужасенъ былъ взоръ Самодержца; зѣницы очей его, казалось, и здѣсь сверкали въ пылу гнѣва; видъ его былъ бодръ и въ полной силѣ Иройскаго мужества; а промышляющая о благѣ ошечественномъ мудрость одушевляла правильныя черты его грознаго лица. Все являло въ немъ надежнаго на себя побѣдителя, дѣятельнаго Монарха, праведнаго судію, неумолимаго карателя зла, рьянаго защитника. Онъ спасъ страну свою отъ нечестиваго Ташарскаго порабощенія, возставилъ на прежнюю высоту славы Престоль, искони громкихъ предковъ своихъ. Его великій духъ низложилъ гордыню, и какъ прахъ разсѣялъ силу Золотой Орды, кошорая до его приснопамятныхъ дней дерзосно располагала жребіемъ Владыкъ Россійскаго народа; но при немъ сія кичливая властелинка въ чреду свою покоршвовала уже шѣмъ Царямъ, какихъ давалъ ей Іоаннь по единому изволенію его. Онъ просперъ Державу свою на Пермь, Казань, Лапонию, Югорію, Вогуличей, на Волскихъ Болгарь и на страны Завольскія, отъ самаго Воспока даже до моря Хвалынскаго. Семьдесятъ градовъ отъ Россіи Липовцами опчужденныхъ, онъ исшоргъ изъ хищническихъ рукъ ихъ и пріобщилъ ко владычеству своему. Ему подобаешь шшло Великаго Монарха и соединителя ошечества.

Негнблемый столпъ его предшавлялъ взору вѣко-

вѣчныхъ его дѣла и случаи его замыслами произведенныя. Тушь, при водахъ Камскихъ, поголовное пораженіе Ташарскаго воинства, которое безчисленно было, подобно класамъ по шумной нивѣ волнующимся; копья онаго, — какъ лѣсъ дремучій; лешія его стрѣлы, — шуча на воздухъ висящая; но оно все пало, какъ осенью падеть листь съ деревьевъ, бурей срываемый и въ вихряхъ крушащійся. Тамъ страшныя въ бившѣ воеводы Іоанновы порожесивують усиѣхи оружія своего: Полководецъ Симеонъ покаряетъ Россійскому Царю всю Черемискую землю; непреодолимый Ряполовской на брегахъ широкой Волги сокрушаетъ Ордынскую силу, и плѣнныхъ Князей ея ведетъ въ Москву; отважный Руно подъ стѣнами самой Казани изземлетъ у Казанцовъ Росскія и Литовскія корысти, ими захваченныя, и обратно приноситъ оныя въ даръ отечеству; храбрые Юрий и Димитрій облежатъ Казань, и гордаго ея Царя побѣдивъ, изъ милосердія даютъ ему миръ. Здѣсь представлено наглое Крымское Посольство, достойная оному кара, и поруганіе надъ истуканомъ дерзостнаго Ахмеша; рѣшительной съ Ташарами бой близъ шумноводной Оки; спязаніе досто-славное, побѣда тремая въ вѣкахъ, коею Россія совершенно очистила себя отъ Ордынскаго ига! Но здѣсь же я узрѣлъ и швое паденіе, великій, страшный Новградъ, праощедъ градовъ, повелишель обшир-

ныхъ странъ Сѣвера! Ты, когото бышіе, многія спольши въ себѣ включающее, просширается до бышія перьвыхъ монархій свѣша; швои оспашки мхамми увѣчаннныи и шариннныи занія, видомь древности красующіяся, еще поднесь свидѣтельствуюшкшвое, доселѣ ужасное, иноплеменнымъ могущество, кошпорое сосшавляли народы обшавшше ошъ предѣловъ Московскихъ до сѣвернныи Двины и до пучинъ Бѣлаго моря; ты, кошпорой вмѣщая въ себя пяшь градовъ, обведенныхъ стѣнами, превосходилъ и прежній и нынѣ существующій Римъ. Твое многократное возмущеніе, швое непокорное самочинство ополчало Царя я ростію; онъ успремилъ на тебѣ свои жестокіе громаы и Республиканская швердосшь швоя сокрушилась. Твои непреклонныи главы смирились. Умолкъ швой вѣчевой колоколь, и славную боярыню швою, великую Марѣу посадницу постигла злая часшь купно съ чадами ея!

Далѣе, изображено злокозненное Князя Лукомскаго подданшво. Сей, наущенный ошъ лукаваго Казимира, пришлецъ лебзаетъ стопы Царевы, посягая на жизнь его; съ нимъ купно проникло въ чершогъ Царской пагубошворное коварство, вина паденія многыхъ Пресполовъ. Сіе гнусное чудовище, сіе ядохочивое адово порожденіе, имѣло главу, покрышую цвѣшми съ змїями прешлашующимися; цвѣшочными вязми обвѣшано тибкое шѣло его, ежевыми иглами учащенное; болѣзненно и опасно до него коснушься, взоръ его проныраливъ и шревѣшаливъ;

оно смотритъ ослабляясь, съ уклоненіемъ главы въ знакъ раболѣпства; съ ужимкою плечъ возводитъ оно косое око свое на Иоанна, будиши дивясь его доблестямъ и могуществу; отверснныя уста его, кажется, произносятъ льстивыя рѣчи; но въ одной рукѣ держитъ оно обуюду острый кинжалъ, а въ другой фляль, кипящую оправою полный; вокругъ него спелешся, какъ туманъ, его заразительное испареніе, которое мрачитъ очи Владыкъ, мушитъ умъ Вельможъ, крушитъ духъ царедворцевъ; и шумъ же искусный художникъ изъяснилъ казнь отъ Владыки сильныхъ на злоумышленника посланную: знаменитые полководцы Мошковскаго Самодержца Щеняшевъ и Оболенскій, яко грозныя созвѣздія смерши, налетѣли съ отнемъ, съ мечемъ, съ пагубою на Лишовскую страну; помели ея начисно; полки Казмировы, какъ маковыя зерна, рассыпали по полямъ, и съ несметною добычею возвратились на Русь. Потомъ зримо, како Князь Холмскій, богатырскимъ изрядствомъ полный, разбилъ, рыцарскіе полки, предводительствуемые благоразумнымъ Валшеромъ, и взялъ у него Вилладъ. Сей же самый вошелъ обложилъ силою своею мяшежную Казань, которая отдохнувъ отъ ударовъ ей Иоанномъ нанесенныхъ, паки дерзнула подышъ буйное чело противъ повелительницы своей Россіи. Но се падушъ ея огромныя башни, смашенныя тысящи жителей ея, преклонивъ колѣно предъ лицемъ побѣдителя, воздѣвающъ къ нему руки

и молящъ о пощадѣ; Царь Алегамъ и Царицы его съ сановниками и домочадцами въ плѣнь влекутся; Московскія швердыни наполняются ихъ стономъ, и звукъ нѣпей ихъ умножишь ужась шемничнаго мрака. Иоаннъ же, украшенный шишломъ обладашеля Болгарскихъ странъ, съ распросшертыми объашіями срѣшаешъ призванныя имъ въ Россію науки и художества; съ ними вмѣстѣ приходятъ и оныя извѣстныя въ бышописаніяхъ мужи: Аришпешель Болонскій, кошорый первой показаль изумленной Москвѣ искусство шворишь изъ мѣди огнедышушіе драконы; а другой мужъ, вѣдатель зодчества; по его шочному размѣру возносятся до облакъ лѣповидныя Царскія палаты, величешвенные храмы и зданія Москву украшающія; а по волѣ шого изрыгають жупель, пламя, гибель и разрушеніе смертно зѣяющія жерла, въ защиту ошъ сопосшашовъ нужныя во брани. Взирая на нихъ цѣпенѣешъ человекештво; изъ ихъ адской торшани вылетѣвшее ядро касаешся ли дебелий стѣны, — стѣна рушится, открываешъ нѣдро града и машущійся по шогнамъ народъ; достигаешъ ли оно стѣсенныхъ воинскихъ рядовъ, — пролагаешъ между ими цѣлую улицу, и съ свистомъ мчится на вылетѣ до истощанія своей губительной силы; гдѣ были люди, шамъ шокмо кровавая рѣка течешъ. Шрашное позорище! мнѣ мнится слышашъ громъ и ревъ ихъ. Увы! что въ нѣсколько лѣшъ ошечештво хранило, воспитывало, воз-

рацало сыновъ, что зодчій въ нѣсколько годовъ созидаль, то все орудій — ваятель истребилъ, разорилъ въ нѣсколько часовъ О человекѣ! чего не изобрѣли вы на свою пагубу? и безъ сихъ злошворныхъ вымысловъ смерть срѣтаетъ васъ и соупиствуетъ вамъ повсюду! Послѣ сей каршивы опустошенія и пагубы, представало взору моему пріятное зрѣлище: спеченіе многихъ Владѣтельныхъ Князей, въ вѣчное къ Іоанну подданство. Подобно роямъ пчель, каждому за царицею своею шолпящемуся и ошъ различныхъ странъ сленающимся подъ благовонныя вѣшви высокой липы, бѣлымъ цвѣпомъ, какъ макомъ облипой, шло за каждымъ Княземъ его семейство и старѣйшины народа. Такъ же ознаменовано здѣсь взашіе Пупимля и Князя его Сапѣги; пріобрѣшеніе многихъ градовъ отъ Липвы отторженныхъ; obleжаніе Смоленска; покореніе Вяшки и наконецъ сооруженіе на брегахъ Наровы шолико знаменитаго въ побѣдахъ Пешровыхъ Ивана града. Словомъ: здѣсь, вездѣ я зрѣлъ, что все преуспѣвало Іоанну во благо, и сама даже Слава изобразила здѣсь себя трубящею о немъ съ небесъ во всѣ концы земли; Вселенная, приикнувъ, внемлеть ея звукамъ.

ЮАННЪ II ВЕЛИКІЙ, ГРОЗНЫЙ.

По страну Юанна возносилъ вѣковѣчную главу свою безсмертный внукъ его Юаннъ II; сей былъ Монархъ, судья, воинель, законодашель, бодросмошришельный совокупишель Славеноросскаго достоянїя, обновитель старой и началоположникъ новой славы его, Самодержецъ многихъ народовъ и Царь Царей, ибо братїя его, единокровные съ нимъ Князи, Цари Болгарскіе и иныхъ странъ, служили ему при свѣшозарномъ Дворѣ его, съ его важными Боярами, съ его велемошными Воеводами, коихъ шворилъ онъ поселишельми Царствъ. Юаннъ Грозный изображенъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ, въ нѣ самые блистающіе юностию годы, когда торжествовалъ онъ спасишельныя для Россїи побѣды свои надъ пагубоносными потомками Чингисхана, обогрившими кровію человѣческою большую часть свѣта. Лѣпозрачность его украшена была подобіемъ знаменинаго дѣла его; наследуя тому въ доблести, не шочію имѣлъ онъ чершы его, но еще одаренъ былъ предъ шѣмъ и нѣкимъ превосходшвомъ; сугубый огонь души оживлялъ все его шѣло-положеніе. Взоръ Юанна былъ яръ и прекрасенъ, шрогъ и полонъ благочестїя; добропобѣдное мужество, дальновидная мудрость, щедрота, словомъ: вообще преизящное совершенство даровъ великаго духа являли въ немъ паче бога, нежели человѣка,

и наводили священный ужасъ. Язычникъ преждебывшихъ временъ почелъ бы его за строителя небесъ, *Одина*, или за громовержца *Перуна*, потому болѣе, что въ десницѣ своей держалъ онъ пуки громовыхъ стрѣлъ, коимъ всегда сопушсшвовала смерть. Величественъ, поржественъ, препохваленъ, едва не равенъ Пешру, возвышался онъ на бурномъ конѣ во всемъ израдсшвѣ своей благородной сановитосши, подобно горѣ, отъ земли до небесъ достязающей. Гладкой, четьрмя вѣнцами препоясанный шлемъ осѣнялъ его густыя брови, на переносѣ соединяющіяся. Златая колчуга обнимала осанистое шѣло его, народосокрушитель мечъ висѣлъ по бедрѣ; священныя бармы лежали на персяхъ, и маншя опщевъ его развѣвалась за раменами. Гопшскія знамена, возгнешенныя съ добычами Ордынскими, Сибирскими и Опшманскими, накоплены были близъ него ошую. По верьхъ оныхъ находились связанныя лаврами при державы: Сибирская, Казанская и Асшраханская; надъ сими сіяла, какъ полносвѣтшпный мѣсяць, крестоносная Московская Держава; грозный орелъ при нихъ былъ на стражѣ, сидя на грудѣ книгъ, премудрость Иоаннову и благо общее въ себѣ заключающихъ: то были книги его законовъ. Хошя мракъ шѣхъ временъ и прешилъ Иоанну озарить весь мѣръ лучами своего величія, но онъ былъ между Владыками то же, что Сиртусъ между прочими неподвижными звѣздами;

онъ былъ для сѣвера тоже, что солнце для вселенной, когда оно показывается на горизонтѣ, еще шуманами Ночи окруженное. Славѣ угодно было представить и себя по срану его грядущею. Лавровѣчанная царица вѣковъ изобразивъ себя повелѣла трубящею въ громозвучную трубу свою, со многоочными на хребтѣ крылами, и носящею Царевъ щипъ, което выпуклостъ, изукрашенная адою финифтью, ясиѣла, какъ рдяная заря. Таковъ былъ кумиръ премудраго изъ Скиптродержцевъ, котораго должно бы наречь отцемъ отечества; есшьли бы пылкій его нравъ и Новгородское кровопролитие не омрачили нѣсколькихъ лучей его безсмертія; чему однако же были раздражительную виною крамолы, разврашъ, навѣшны и ковы корысти алкавшихъ вельможъ.

Еще младенцемъ сущій, Иоаннъ уже былъ Царемъ, подъ надзираніемъ рождающей его и свирѣпныя обуреванія Лишовскихъ, Крымскихъ и Казанскихъ тучъ не могли исворгнуть кормила Царства изъ дѣтскихъ его рукъ. Тако младый кедръ возникаетъ на вершинѣ холма подъ кровомъ нѣжной маслины; но когда придетъ онъ въ силу крѣпости своея; когда неслѣбные корни его глубоко вѣдряшся въ ушробу земли; тогда онъ превознесетъ до звѣздныхъ круговъ, подержитъ собою небесные своды, поругаетъся надъ бурями, распространитъ свои великолѣпныя вѣтви надъ полями

и рѣками, будешь покровителемъ покровительницы своея, и вопреки ревущимъ окресишь него громамъ, вопреки шипящимъ и кругомъ его извивающимся молніямъ возмужалое древо холма гордо просиношь цѣлые вѣки, благошворя спадамъ и пасырямъ шѣню свою. А дотолѣ, пока возрастетъ пушистой кедръ, колико стихійныхъ суровостей претерпитъ земля? Пока не возмужалъ доблестивный Ирой сей, коликимъ бѣдамъ подвержена была Россія? Едва, едва сія великая прама-теръ народовъ въ вѣчную ночь не погрузилась! Въ шузлую для нея годину воспрянула злобою дышущая Орда; ядохочивыя главы сей лютой гидры, доселѣ вишлязми Россійскими сокрушенныя, уврачевались и опросли; изъ стѣнъ Казанскихъ подъявъ свое мяшежное чело, сія кровожадущая змѣя зѣла напасъми на Москву; разверзя зубасную челюсть свою, пышущую огнемъ и пламенемъ, она опустошала Московскую Державу; повсюду слышны были вопли, повсюду пылали пожары и багровыя зарева рдѣли надъ градами. Коварная Сумбека, свергнувъ съ себя подданство, обмылась кровію Россіянъ; Казань, сей кошель полный зла, снова воскипѣлъ войною, измѣною и мщеніемъ. Къ тому же Донъ, Днѣпръ, Двина и Волга рыдали въ рукахъ иноплеменничьихъ. Но паче сихъ вѣшнихъ сопоспашовъ язвили сердце Россіи сопоспашы внутренніе. Тогда подъ необычнымъ женскимъ правленіемъ машери

Иоанновой, подъ сѣнью вышней власти, распространялъ по всей странѣ гордыню свою и могущество сильнѣйшій изъ вельможъ, страшный всѣмъ временщикъ, Князь Оболенскій. Сей тяжкій обществу сылъ слѣплаго щасшя, утѣснялъ добродѣтели, изгонялъ изъ царскаго жилища свящую къ опечесиву любовь, заключалъ въ темницахъ истинну, пресоросивовалъ достоинствомъ и заслугами, и погубялъ даже единокровныхъ Царю. Отъ злочестія вельможи сего возникли раздоры, подьски, домогательства, смушы между Боярами и Царедворцами; подобно звѣрямъ хищнымъ, раздраженнымъ, связующимся за добычу, они восставали другъ на друга, и братья брашу изрывая ровъ, ищились низверженіемъ одинъ другаго вознести свой рогъ. Оболенскій посреди ихъ являлся какъ бѣдовѣсная комета, которая, распущя далеко по темному небу огненной хвостъ свой, приводитъ человѣчество въ оубненіе. Воспрененалъ, взволновался духъ гражданъ, опшесюду окружень будучи предательствомъ, насилѣмъ, прещеніемъ и казнями. Оболенскій, ополченный довѣренностію Царицы, разилъ, губилъ прошившихъ ему. Ошкрылись скопища, заговоры, буишы. Безотрадная Россія, родишельница милліоновъ чадъ, куда ни взглянешъ, нигдѣ не обрѣшаешь вѣрныхъ сыновъ своихъ, признаешь себя сирого, бездѣпною, и видя себя разграбленною разшерзанныю подлыми рабами соб-

ешвеннолюбія, ищущими шовмо своего прибышка, кру-
 шилась, сѣтовала и не знала куда преклонить главу:
 пресполю, какъ многовѣсистое бремя, шягошила ея
 лсно; Бояра раздирали ея внаупреную; все спремилося
 къ общей тибели. Се горкіе плоды коваршва, само-
 чиншва, лести и козвей злыкъ временщиковъ! Коль
 бѣдшвенна ша страна, гдѣ мужъ кровей, гдѣ бичъ тра-
 жданъ держишь сердце Царево въ своихъ хипрослешен-
 ныхъ сѣняхъ! сей змій, вѣясь по скиптру, погубишь
 цаконецъ и самаго Владыку. О вы! Повелители народовъ!
 взирая на шоль ужасный примѣръ, ограждѣше престолы
 ваши вельможами избраннѣйшими, извѣстными въ оше-
 чествѣ по ихъ заслугамъ, здравому разумку, добродѣ-
 шелямъ, коихъ благородной духъ не спрашился бы предъ
 взоромъ вашимъ вѣщашъ правду и удерживашъ силу
 закона; но спрегншесь по прихоти своей возволишь
 пигмеевъ на высокія шпенени, истинному досшоиншву
 принадлежашіе. Не самовлаштіе, а сила закона блюдеши
 царшва: добрые вельможи, — швердые столпы его;
 чешніе нравы ихъ, — оплошь общаго блага; примѣръ
 ихъ имѣеть шакое же влѣяніе на умы, какое воздухъ
 на расшѣнія. Уже мѣра бѣдъ Россіи была полна, все
 готово было разрушиться и пасть, какъ Вседержишель
 леба и земли, безъ воли Коего и листъ съ деревьевъ не па-
 дешъ, пресѣкъ нещасные дни Царицы, и ввѣршалъ броз-
 ды правленія отроческимъ рукамъ Іоанна. Воскресла,

воспала Россія; благоустроительъ Іоаннъ опираясь съ нею бѣды; страхъ и шепель проникъ въ кости враговъ ея; обомѣли собственные злодѣи. Загребѣли громы строгаго Царскаго правосудія, обнажилися вѣны преступниковъ; заразительная гангрена была отдѣлена отъ здоровыхъ частей Государственнаго тѣла. Погасли пожары утихли бунты, замолкли мяшежи, исчезъ развратъ; патриотизмъ, истинна, добродѣтель въ лицахъ Адашева, Хилкова, Курбскаго, впервые явились при Дворѣ. Превосходящій Царевы лѣта разумъ озарилъ всю его страну; искушенная горестію опытность его искоренила зло, насадила вездѣ порядокъ и пользу, и положила швердое основаніе единовладечеству его.

Огромный рубиновый столпъ, превосходящій величиною своею всѣ прочіе столпы, служилъ подножіемъ Іоанну; искусство едва достаточно было помѣстить на ономъ безчисленность славныхъ его дѣлъ. Руководящая мною богиня вѣщала мнѣ, что сама она содѣйствовала сонму тѣхъ избранныхъ Геніевъ, кошорые трудились въ иссѣченіи столпа сего. Во первыхъ на немъ зримо было сооруженіе Свяжска при водахъ, гдѣ Свяга вливается въ Волгу. Іоаннъ повелѣлъ, — Воеводы его: Князи Бѣльскій и Малюцкой, мгновенно по свершили; дѣлый градъ пренеся на струтахъ, они воздвигли его Россамъ въ оборону, Казанцамъ

во ужасъ. Смиъ градомъ правилъ служащій Московскому Царю Касимовской Царь Шихъ - Алей, и се ошь него первыя приношенія Владыкѣ своему: покореніе всей Черемиской страны обще съ сираною Башкирскою въ вѣчное подданство; плѣненіе Крымскаго Царевича Уланъ Кочака; вопъ и гордая Сумбека, достойно наказанная за ея чародѣйскіе дары. Сія злобная Сафгиреева вдовица, непокорная Казанская повелительница, сокрушена, уничижена, въ цѣпяхъ, съ понишею главою, съ расщепанными власами, держа у персей милого сына своего, послѣдуемая полчищемъ женъ и дѣвъ, идесть среди Россійскихъ рашныхъ сироевъ, идесть въ Москву, въ позорной плѣнь. Но сими казнями неукротимая, свирѣбая Ордынцевъ злоба, всегда лукавыми замыслами обильная, навлекала на себя вѣщше удары. За симъ предсхавляеся взору оная славная въ Исторіи золотая палата, гдѣ Іоаннъ держалъ знаменитый свой совѣтъ въ соборѣ Князей и Вельможъ своихъ, правителей Господствъ и власней Россійскихъ, съ коими совѣщевалъ онь о рѣшиительномъ избавленіи отечества ошь губительствъ Заволжскихъ и Нагайскихъ Ордь. Безъ особаго чувства благоговѣнія нельзя было сморѣшь на сіе важное собраніе: казалось, что сюда стеклись всѣ Цари земли бесѣдовашь о благосостояніи рода человеческого. Дивной художникъ далъ каждому лицу и жизнь и душу. Смиреномудріе и всѣ высокія

добродѣтели сѣли въ чертахъ соприсутствующихъ
 шущъ Іерарховъ. Строгая истинна, ревнованіе къ обще-
 му благу, неоснодумная опытность, заслупница рода
 человѣческаго свяная вѣра, хранишельница Царствъ
 ослереженность, благошворительница сирани мудрость,
 непоколебимое мужество, рьяная, но разсудительная
 храбрость, предприимчивое усердіе, отважная рѣши-
 мость, скромное многовѣднїе, словомъ, всѣ добродѣ-
 тели собрались на совѣтъ къ Іоанну, и во образѣ
 Князей, Бояръ и Воеводъ его, въ одеждахъ каждаго сану
 и подвигу приличныхъ, сославили они *избранную думу*.
 Посреди ихъ на пребогатомъ шронѣ возвышался Монархъ,
 величественъ, благолѣпенъ, дивенъ, богоподобенъ; еди-
 ною рукою опираясь на скиптръ, другую имѣя про-
 стершую къ многочисленному сонму какъ рѣка изливался
 онъ въ приснопамятныхъ глаголахъ своихъ. Весь огонь
 пламенной души его, сердоболѣемъ къ отечеству раз-
 женой, пылавъ въ быспрыхъ зѣницахъ его. Тушь
 изочтены были всѣ злодѣйсва Ордынскія, ошь сама-
 го народогубителя Батыя, до лукавствія хитрой Сумбе-
 ки; тушь воспомянушы были всѣ бѣдствія Россіи и
 мученическія спраданія Владыкъ и сыновъ ея; тушь
 придумано было всякое средство къ окончательному
 уничтоженію Болгарской силы, къ сокрушенію Капчап-
 ской власти. Искусство шполь было чудесно въ своемъ
 произведеніи, что мнѣ мнилось слышать разительный

Иоанновъ гласъ, восклицанія его горести и негодованія, и сладость его убѣдительныхъ словесъ. Въ доказательство тому, какимъ свѣтомъ разума исполнена была рѣчь Владыки, Иоаннъ представлялъ былъ издающій ошь себя сияніе, подобно солнцу; равно и нѣ изъ великихъ мужей сословія сего, кои отличались, паче прочихъ мудростію и любовію къ опечесиву, изображены были въ лучахъ, какъ благовѣдательныя созвѣздія. Духъ общаго блага въ лицѣ прелесивнаго Генія съ лаврами и пальмами въ рукахъ, носился надъ глазами пушъ присутствующихъ. Дерзновенное воображеніе, снмъ зрѣлищемъ распаленное, мечтаетъ, что шакоеъ былъ оный страшный всему міру часъ, когда Богъ ботовъ и Царь царей, объятый неприсутнимъ свѣтомъ, сѣдай въ глубинѣ Своихъ Свяшай Свяшыхъ, посредѣ свѣтосарныхъ Престоловъ, Господствъ и Власшей небесныхъ, судилъ духовъ опнадшихъ и изрекъ имъ безконечное прокляше, всякой ужасъ превосходящее. Силы то нн содрогнулись ошь тласа грома Его, и пріосѣнясь крылами, пали къ спонамъ Неизреченнаго; звѣздные круги потряслись, вселенная едва удержалась на своемъ средоточіи, небеса разсупелись, и машежные духи, сривушые мышцею Божіей ярости, потрузились на дво адово. Тако, шакое и кляшвопреступная Казань испила горькую чашу, посивгнуша бывъ гнѣвомъ Иоанна. — По шомъ являешся очамъ великая картина паденія

Казани. Какое множество различных предметов! какая смѣлая и неподражаемая рука изобразила здѣсь поанко лицъ дѣйствующихъ и говорящихъ въ камнѣ! Я созерцаю здѣсь всё чудеса и знаменія, бывшія предъ разрушеніемъ Казани. Тутъ Ангель въ смиренномъ иноческомъ облаченіи ходишь по чертогамъ умершаго Сафгирея, по снотнамъ и въ храмахъ Ташарскихъ, проповѣдуя слово Божіе и скорое начало Христіанской вѣры. Тамъ ликъ пресвитеровъ съ пѣніемъ и священными обряды погружаетъ спасительный Крестъ въ Волжскія воды подъ снѣгами Казани. Симвъ видѣнъ изумленные Орчанцы, вопще пускающъ въ нихъ стрѣлы и смертоносный свинець; бесплошныя духи невредимы; но чалмоносцы ошчажны, смяченны, бѣгущъ во ужасѣ сокрышся въ недраля града. Здѣсь изученная волхвованію Сарацинская Кассандра, Царевна *Козгоршад*, сестра Царя Махметъ Аминя, подобно древней Писей, одержимая пророческимъ изсупленіемъ, провѣщаетъ пришествіе Іоанново и вѣчное покореніе подъ власнъ его Ташарскихъ племень. Далѣе чудеса паче всехъ чудесъ дивныя: предъ очами всего народа безсловесное живошное раждаешъ челоѡкообразнаго младенца, кошорый, внезапно премѣняся въ мужа совершеннолѣтнато, ополченнаго рашнымъ всеоружіемъ, глаголетъ: да покоряшся Орчанцы съ сердцемъ чистымъ Московскому Самодержцу! Здѣсь же извлекающся мрежи изъ пучинъ

Волжскихъ; вмѣсто рыбъ предстаетъ взору изумленнаго многолюдскаго маститой старецъ; висящая косями зеленая шина и кобыми низпадающій вязкой или соспавляющій его одежду. Онъ провѣщаетъ имъ неминуемое событіе: разрушеніе Казани; да придануть къ стопамъ Московскаго Царя, да умоляютъ его о прескупленіяхъ своихъ. Закосившіе во злѣ Казанцы стремятся яши видѣніе, полагая въ немъ обрѣсши подученнаго Росса; но старецъ подобно чудному сыну Вымысла и Басни, подобно древнему Пророку, вытекаетъ какъ вода изъ рукъ ихъ; и паки пріѣвъ шотъ же видъ, вержеться въ свое влажное обипалище. Послѣ сихъ чудесъ изображено шествіе Царя силъ на сопротивныхъ его. По обширнымъ *остроскимъ* полямъ разположены въ стройномъ чинѣ конные и пѣшіе его леіоны, цвѣтъ и плодъ Россіи: шувъ самъ вѣдичесный Прой въ сонмѣ своихъ избранныхъ Воеводъ, какъ огонь небесный блистаетъ посреди грозныхъ шучъ. Его предусмотрительный, воительскій духъ распределяетъ все воинство на части. Слава повѣдала мнѣ имена храбрыхъ Вожей: то были отпращи старинныхъ Славенорскихъ колѣнь. Въ большомъ полчищѣ Начальники Леоновъ сущъ, Князи: Мстиславской, Микулинской и Оболенской; правой руки Сановники, Князи: Щеняшевъ, Алашевъ и Курбской; въ передовомъ полку Князи: Пронской и Хилковъ; на

лѣвой рукѣ Князи: Шуйской, Бѣльской и Боляринъ Плещеевъ; въ Спорожевомъ полку Князи: Серебряной, Паледкой и Боляринъ Шереметевъ; въ Эршоулѣ Князи: Воросынской, Шемякинъ — Пронской, мудрый и храбрый богатырь Романовъ и Троекуровъ. Сии яркія свѣшила Московской славы, красующіяся своимъ дородствомъ, коего величавость сугубила грозная броня и богатырскіе доспѣхи, являлися подобно неприступнымъ городамъ, подобно скаламъ несокрушимымъ. Дальновидность предсказываетъ твердыни Коломенскія и вѣющіяся рѣки, но волнамъ коихъ спремятся на всѣхъ вѣтрилахъ суда, гдѣ спятъ огнедышущіе драконы, и гдѣ молчатъ лютыя напасти, воздремавъ на снѣгобишныхъ и на прочихъ страшныхъ орудіяхъ брани: онѣ шокмо дошолѣ зашли, пока не узрѣли еще гнѣзда Ордынскаго крылатаго змія, онаго плодовиатаго пагубами гнѣзда, въ кошоромъ злыя змѣинія исчадія, всегда жаждущія свѣжей чело-вѣческой крови, кишатъ, какъ влота въ сосудѣ раскаленномъ вращишся, кипишъ, клубомъ бьешъ, клоко-чешъ, не смерна жара вержешся вонъ и причиняетъ мучительную язву всякому чувшвомъ одаренному шѣлу.

Сіе зрѣлище похода Тоаннова пресѣкалося скорыми побѣдами Воеводъ его надъ Крымскимъ Ханомъ Девлешъ Гиреемъ, копоршій, вспомошествоемъ бывъ Ошпо-манскимъ Деспотомъ, внезапно шортнулося въ предѣлы

Россіи, облесть вокругъ Тулы, и шѣмъ чаялъ отвлечь
 Московское ополченіе отъ устремленія на единопле-
 меницу его Казань; но благоуспроисельный Монархъ,
 коего недремлющая мудрость всегда была на стражѣ
 опечесива, изрекъ: да сокрушится сопрошивная сила!
 мгновенно быстрые вихри гнѣва его, его грозные Воеводы
 помчались на берега Оки, свѣяли, какъ прахъ, полки вражіи,
 и полная радости Ока съ плескомъ побѣжала возвѣ-
 стить о семъ Волгѣ, которая ревомъ спесивыхъ волиѣ
 своихъ тоже повторила и всей странѣ Болгарской.
 Предвѣстница новыхъ торжествъ, побѣда сія, увесе-
 лила духъ Царевъ и умножила решивость въ сердцахъ
 всѣхъ браноносцевъ его. Но вошь и вождѣленная карши-
 на Росской славы, вошь знаменитое *Арское* поприще,
 достопамятное Россіанъ поприще, гдѣ ликовалъ Іоаннъ
 торжественно побѣдъ своихъ, гдѣ, подъ сѣнію насажден-
 ныхъ имъ неспѣльныхъ лавровъ, воздвигъ онъ себѣ и
 всей Московской державѣ храмъ безсмертія. Крѣ-
 пкій градъ, Башнемъ на пагубу полночныхъ странъ
 сооруженный, носящій имя *златого котла*, подьем-
 лезъ гордыя глаза свои надъ волнами двухъ рѣкъ;
 основаніемъ ему служилъ гора, кося твердое чело,
 увѣнчано меченями и башнями Царскихъ палатъ.
 Темные дѣса, обширныя озера: *Кабанъ*, *Паганово*; ши-
 нисная *Булакъ* и глубокіе рвы прешають досапуъ ко
 граду. Но какія преграды удобны воспячили мужеству

неутомимыхъ Россіянь? Подобно облакамъ изъ за горы, изъ за лѣсовъ въ шучу скопляющимся, полки Іоанновы грядуть вездѣ, устроивъ себѣ переправы: одни по крутизнамъ горной возходящъ на Арское поле; другіе Царь Ших-Алей вестъ на Нагайскія равнины; сила пѣшихъ сирѣльцовъ и конная рать бодрешуешь по брегамъ рѣки Казани, простираяся отъ вышней и до подошвы града; Дворянъ Муромскимъ воинство, расположась по лугамъ Черемскимъ, пресѣкло всѣ пуши, ведущіе къ Казани; прочая ратная Московская сила разлеглась объ сию страну Волги; самъ же вѣдическій Вождь съ своею избранною рындюю и опричниками спалъ на мѣстѣ погорисномъ: вопль и величественное знамя его, освященное нерукопворнымъ облаткомъ Спасителя человѣковъ; оно развѣвается надъ его лѣвовиднымъ шашромъ. Преизящное искусство, живошвора каждой пушъ предметъ, ясно изобразило весь чинъ, какъ обложено было Христіанскимъ оружіемъ Ордынское гнѣздо. Тутъ же представлено и сооруженіе бѣдоноснаго для Казани расказа, съ вышней коего пробудившіеся драконы изрыгали изъ мѣдяныхъ челюстей своихъ огонь и смерть во градъ; а пушъ хитрой *Размыслъ*, углубясь въ упробу земли, сокрывшись не токмо отъ бранныхъ человѣческихъ очей, но и отъ пресвѣтлаго взора самихъ небесъ, созидаетъ оны Казани адъ, подъ ея оградами. Высокомерная Болгарка, швердо уповающая на укрьпленія свои,

не мнишь ни мало, что они обращаются на пагубу ей, и что спесивыя спѣны ея содѣлаются ея собственною гробницею. Всевышній, нечесіями ея раздраженный, изрекъ ея паденіе; а что Онь изречеть, то вихри не разнесуть: словамъ усть Его громы уступаютъ и внемлютъ бури; время придетъ, но они не прейдуть; не прейдуть и совершася въ поученіе людямъ: ужасное позорище сіе свидѣтельствуешь непреложное опредѣленіе судебъ Вышняго. Здѣсь спрашное побоище, нещадная мечами сѣча; какая безчисленность жертвъ! Россіе Алкиды разяшь непокорныхъ Ордынцовъ, опрыгнувшихъ увѣщаніе и обѣщаніе милосердія Іоаннова. Человѣколюбивый Владыка превѣнился въ грознаго Судію; загремѣлъ громомъ своея ярости, и пламенные вихри объяли Башыевъ градъ. Взорваннымъ подкопомъ расперзанная на части Казань взвилась подъ облака. Въ густомъ, жупельномъ дымѣ вращаются зубчатые кровли башенъ ея, тлыбы ея основанія, цѣлыя зданія, сады, древесъ полныя, и сонмы ея сыновъ; развалинами града остановленная Волга обратилась вспяшь. Палаты Царей Волгарскихъ, откуда доселѣ исходили позорныя вѣлвія Ташарскихъ Тирановъ къ Князямъ Московскимъ, уже исполнены Россійскими Ироями. Тамъ, шамъ и самъ Іоаннь съ наперникомъ и сподвижникомъ своимъ Амѣмъ, свѣшполѣненъ какъ полуденное солнце, шамъ являешь онь свою щедросту и благосшь къ побѣжден-

нымъ. Между шѣмъ какъ храбрые его воины сооружаютъ трофеи по Арскому полю, его доблестивенные Полководцы стекающа къ нему и сносятъ добычи побѣды: *Князь Курбскій* полагаетъ къ стопамъ его державный шаръ и скипетръ Болгарской власти; *Мстиславской* приводитъ полкъ сановныхъ пѣвниковъ; *Романовъ* приноситъ ему Повелишелей Ордынскихъ знамя; *Пронской*, сокровищъ горы предъ нимъ насыпаетъ; *Михулинской* костры, или паче горы возгнетаетъ браннаго Ташарскаго оружія; *Адашевъ* лавровую съ вѣнцемъ вѣщью ему просшираетъ; *Плещевъ* ему представляетъ Россіянъ изъ давняго заточенія освобожденныхъ. До глубины сердца проникнувшій Монархъ и благодареніемъ къ Подашелю всѣхъ благъ, и болѣзнованіемъ о посрамившихъ жертвахъ брани, и радостию о побѣдѣ, не могъ удержаться отъ слезъ: онѣ видны на ланипахъ его. Но кто сей опчальный нещастливецъ, въ раздранномъ рубашѣ, имѣя пепломъ посыпанную главу, припадъ къ стопамъ Царскимъ, объемлетъ его колѣна? кого Побѣдитель съ умиленіемъ и нежностію подымлетъ отъ праха и прижимаетъ къ персямъ? Уже ли во образѣ сего робкаго раба я зрю гордаго Царя Болгарскаго, высокомернаго Эдигера? Въ лицѣ его являеся и вся съ нимъ купно падшая, до конца поправная, низложенная Злая Заволжская Орда; она спрашная вселенной Болгарская сила, которая менемъ Башыевымъ,

хотѣшь Мамаю, съкирою Тактамыша, чахла покорить
себѣ весь свѣтъ. Но днешь днешь, О! премѣнная судьба!
сама она возложила на себя и въ цѣпи, коими онагчала
другіе народы. Тако сокрушена была столица Капчаг-
скаго владычества, около шрехъ вѣковъ неколебимо
стоявшая на змѣглавомъ своемъ основаніи, презорсивуя
прочими Царствами и поирая сильноту пашсю своею
многя сираны. Тако Іоанъ паки присоединилъ къ
Россіи отторгнутое отъ нея сиропивыми Болгарами
Славянское достояніе, и оный бѣдствовавший и ѣсколко
сонъ лѣтъ край, во шмѣ Магомешанскаго закосѣльи,
озарилъ ушѣшимельнымъ свѣтомъ Христіанской вѣры.
За симъ преславнымъ Казанцовъ покореніемъ слѣдуешь
покореніе и Царства Асраханскаго. Всегда бодрствую-
щая премудрость Росскаго Самодержца извѣсила слу-
чай время будущихъ разсудка на вѣсахъ, и провидѣ-
ла ясно, что ошрасшеть ехиднино жало, естли не
будеть исторгнутъ весь онаго корень: по дабы вовсе
не существовало въ лѣтописяхъ вѣковъ грядущихъ
Болгарское по Волгѣ имя, Іоанъ положилъ, не ошла-
тая ни мало, дополнить и ѣру побѣдъ своихъ, довер-
шивъ славу Россіи, возвращеніемъ Тмушараканскаго
Княжества, которымъ дрезде благословилъ великій
Владиміръ сына своего Мшислава; гдѣ болѣе двухъ
сонъ лѣтъ владычествовало Князей Московскихъ пле-
мя, до Всеволода Долгорукаго, до злощастныхъ дней

Башыева нашествия. По немъ единообразные патомки, въ тушинельсннвѣ ему ревнующе, обновали въ семь Княжесннвѣ особое Ордынское Царство, и сѣ мечемъ опрѣшенное отъ России чело возружали на мащерь его. Здѣсь я совершаю себя какъ въявь, богатая плодами Аспрахань; прошагаясь по берегу широкой Волги, ты роскошесивуешь въ сѣни виноградинь твоихъ вершотрадовъ; кудрявыя древа вѣнчаютъ твои злоня; средннвый Каспннвѣ несетъ тебѣ въ даръ драгоценныя избышки Перси и Индостана; но Волга, Волга несетъ къ тебѣ законъ и власть Московскаго Монарха, которому Царевичи твои служить честно вѣняли, но кего проинвѣвалъ, раздражилъ въроломной властннвѣ твоей Эмургея. Здѣсь зримо прибыше Царя Дербннвѣша, съ перуномъ отъ Иоанна посланнаго на Аспрахань; съ нимъ купно непобѣдимый Вождь полковъ Русскихъ Князь Пронской, а за нимъ и тысящи его храбрыхъ; здѣсь изображено и бѣгство робкаго Эмургея, и плѣченнвѣ жень его съ его чадами и домочадцами, коихъ ожитала щасливая участь въ сннвѣнахъ Кремлевскихъ. Россннвѣннвѣ Прон дикуютъ, зане вся Аспраханская страна съ покорностннвѣю преклоняешь чело свое подъ Державу Владыки ихъ, съ нею же купно и большая часть обннвѣшелей Кавказа: Нагайсннвѣ Мурзы, Уланы и всѣ Улусы узкоглазыхъ Тунновъ, скошоводствомъ избышочесивующихъ. Вошше нанннвѣщенный самонадежностннвѣю Ошшоманской Деспотѣ,

соединя ополченіе свое съ Крымскими и Нагайскими Ордами, вошше усиливается онъ прецальшь моря и преиши горы, чшобъ досягнушь до побѣжденной уже Ашрахани и чшобъ паки сплучишь ее ошь Россіи. Тщешны его многократныя покушенія. Россій Князь *Серебряный*, богатырешуя подь стѣнами новопобѣжденнаго града, разишь, женешь и какъ прѣхъ разсѣваетъ шолпы сопоспашовъ; а шамъ ошашокъ изъ гибиешь по спешамъ Кавказскимъ, и дикія Маджарскія пущыни содѣлаваюшя гробомъ ихъ.

Восплещи, Россія! и неумолкными ушами прославляй въ роды родовъ швоего Избавишела. Іоаннъ подъялъ шебя изъ бездны золь, возобновилъ, возвеличилъ и на вѣки съялъ съ шебя тяжкія Ордынскія узы; и шако на вѣки изчезло Капчашское царешво; изсякъ до послѣдней уже капли оный золошой кошель, губишельспвами доселѣ полный, ошкуда шо позоръ, шо смершь непрестанно выпекали на Сѣверъ. Всѣ оныя, восхищающія духъ сына Россіи, изваянія заключалися изображеніемъ свыше вдохновеннаго Мужа, бряцающаго на лирѣ: неуяздаемыя лавры осѣняютъ чело его; пренаполненный свѣшодатнымъ Богомъ Панда, онъ горишь восторгомъ пѣснопѣнія, и имѣя очи устремленныя горѣ, кажется, почернаеть въ небесахъ свои шоржешвенныя пѣсни. Кто, кто въ немъ не познаеть Тебя, доспшохвальныи творецъ Россіяды? *Херасковъ!*

звукъ Твоей доброголасной лиры раздадутся въ вѣкахъ позднѣйшаго потомства. Ты воспѣлъ Иоанна, воспѣлъ норжесство Ошечества твоего; Ты воспѣлъ съ ними — и швое безсмертіе. — Прими мое почтеніе Виргилій дней нашихъ! — Изображеніемъ Поэма окончалась сія страна шполца.

По другую страну онаго ушѣшало взоръ обрѣшеніе Сибири. Сія простиранная земля, родивельница и пинательница многихъ народовъ, различныхъ вѣрою, обычаями и языкомъ, изображена была во образъ величественной Царицы, облеченной въ великолѣпную порфиру, среброосисными бобрами опушенную. Богатырь Ермакъ, сіяющий ирейскимъ своимъ изрядствомъ, представляешь ее Иоанну. Преклонивъ колѣно Сибирь, съемлешь съ прекрасной главы своей пребогатой *Кутулъ-Хановъ* вѣнецъ, и подаешь оный Московскому Скриптеродержцу. Смиреніе, покорность, упованіе, видны въ благородномъ ея взглядѣ. За нею знаменишыя ея чада: боги и богини шумноводныхъ ея рѣкъ: чешыре услужливые сына ея, осокою увѣнчанныя, мужественныя старцы: *Амуръ*, *Тоболъ*, *Иртышъ* и *Енисей*; съ ними кунно и двѣ ея пригожія дщери: *Объ* и *Лена*; онѣ представляемы въ видѣ сановитыхъ женъ, въ полной красѣ лѣшь сущихъ, конхъ зрѣлыя прелестны обильны здравіемъ; онѣ подобны тѣмъ лѣновзрослымъ машерямъ, кошорыя хошя и обогатывали дсмы своимъ благоданными

залогами супружества, хотя уже и въ плодовишой осенн лѣшъ своихъ, но все еще прекрасны, привлекательны; и даже прїятно видѣшь ихъ посащими бремя любви подь сердцемъ; ибо родашъ онѣ сшновъ добросильныхъ, цвѣшь и красу рода человѣческаго. Сшн дородсшвомъ красвья чада и дворислужштели преизобильной Сибири, несли за нею Великому Царю въ даръ на большихъ блюдахъ, и въ конницахъ злато, сребро, многоцвѣные камни, дорогше мѣха дивныхъ звѣрей, и косши рѣкихъ рыбъ. Шаманы и Шаманки, въ чудобразномъ одянш своемъ, съ бубнами и прочими ушварьми ихъ, шакже Владѣльцы и Старѣйшшны разныхъ Обласшей въ одеждахъ обычая своего, послѣдовали за нею. Огромнымъ шрофеемъ, изъ брони Владыкъ Сибирскихъ составленнымъ, при водахъ Обшного Байкала возвышающшмся, оканчивалось сше неподражаемое изваланше; цвѣшь Ршеейскихъ горъ, превыше облакъ подьемающихъ лядшше верьхи свои, ограждаетъ горизонтъ. За сшмъ слѣдуетъ пораженше Крымскихъ Ташаръ и всего шьмочисленного, вспомошавшаго шмъ Селшмова воншства. Тушь на плодоносныхъ Крымскихъ поляхъ Вишя и Ганновы: Шереметшевъ, Салшыковъ и Басмановъ, лшквшуююъ завоеванше почти всего Крыма; несмѣшны сшжанные шми добычки; цвѣлые шабуны верблюдовъ и коней навшочены овьми, и Ошечешво съ изумлешемъ прѣмлешъ ошъ нихъ дары сшн. А шш, ошважный Ви-

иневидкѣй, ты спавишь проѣси твои подъ самыми Очаковскими башнями и гордой Султанъ шрепещеть въ Стамбулъ; спрашась своея мышцы, усмалосни невѣдущей; онъ не надѣется ни на крѣпость сполитцы своея, ни на силу своихъ Агарянъ.

Послѣ сихъ знаменитыхъ побѣдъ на востокъ бывшихъ, пренесено торжество Россійскаго оружія въ полнотный край. Ужасный мечъ Иоанновъ блещеть шамъ какъ яркая зарница; клятвонарушилели Гошеы шрепещуть онаго, какъ роковой косы, неизбѣжнаго, всепоражающаго времени.

Здѣсь Московскій Громовержець сокрушаетъ Скандинавскую рать, подобно пламени, мгновенно пошребляющему сухое быліе; бѣдная опчизна Финновъ содѣлывается рабынею Россіи; юноши и дѣвы Финскаго племени за нѣсколько лептъ продаются на сходбищахъ народныхъ. И се надменный Гуславъ Ваза, се превознесенный славою Владыка кичливыхъ Свѣвъ, смиренъ будучи перунами Иоанна до уничиженія, съ покорностію проситъ о мирѣ, и едва, едва изкупаетъ его за драгоценные дары на четьредесять лѣтъ.

Туть зримо вспунленіе Иоанново въ Лифляндію, тдѣ поплѣвилъ онъ всѣ города и замки, какъ праву въ полѣ скосилъ, и далъ ихъ во владѣніе служивцу своему, Князю Голшиніи. А шамъ, а шамъ Ливонскіе рыцезожаши пріемлютъ достойную кару за лукавство,

непокорность и набѣги свои на Россію. Подвластный грозному Царю Іоанну Касимовской Царь Алей шворитъ волю Повелителя своего, предводительствуя новымъ воинствомъ, изъ Черкесъ и Ордынцовъ составленнымъ, вступаетъ въ предѣлы Ливоніи и Эстоніи; по просправству ихъ собираетъ грады, какъ цвѣши въ долині. Дерптъ, Нарва, Сыронецъ и еще болѣе двадцати другихъ градовъ присоединяетъ мечемъ своимъ къ Іоаннову владычеству. Уже повелительница Царствъ Москва веселилась, взирая на славнопобѣдное Алейво торжество; ей ушѣшно видѣнь шествіе ошличныхъ павниковъ: Полководецъ Фиршшембергъ съ дружиною избранныхъ Рыцарей своихъ идець въ уныніи за колесницею побѣдителя; они всѣ обезоружены; имѣя гордое чело долу склоненное, лишь множашъ они веледѣніе праздника Алейва; Алей! вѣрнаго слуги Іоанна.

По томъ являешся картина просвѣщенія Россіи и торговли ея. Ко Іоанну, предстоящему подѣ сѣнью двухъ дровъ, лароваго и пальмоваго, коиъ соединяющіся вершины преплетаются вѣнцами, грядущъ держась за руки Науки и Художества, ошь Карла V, по его желанію, къ нему присланныя; шущъ же съ ними приходишь въ Россію весьма полезное и просвѣщенію людей способствующее искусство шисненія книгъ; оно хранишь подѣ мышцею первую ошпечатанную въ Москвѣ книгу. Въ прошивулежащей спирани видне вол-

нишее лоно Бѣлаго моря и Холмогорской брегъ съ новоустроенною Архангельскою гаванью. Въ сіе щасливое пристанище пришекли первые ошь вѣла Британскіе корабли; съ нихъ шедшіе Эдуардовы Послы несуть къ Иоанну въ залогъ взаимнаго блага маслячную вѣшвь и жезлъ сына Маи. Послѣдней Посоль идешъ къ нему съ дарами ошь преславной въ бышописяхъ мѣра Елисаветы. Посреди сихъ обонкѣ сомновъ шечешъ цвѣшми вѣчанная добродѣшель, рѣдкимъ Власнителямъ свойшвенная, имя ее: *терпимость вѣрѣ*; она держишь развернушый свитокъ, на коемъ начертаны сіи слова: *Сый единѣ, неваздѣлимѣ; Вселенная Его Храмѣ, и всѣ языцы, тада Его*. Изобиліе во образѣ полношѣлой красоты съ Амальеинымъ рогомъ, плодами нагвѣщеннымъ, срѣщашъ началоподошниковъ шорговли, а награда въ лицѣ юной дѣвы въ амараншовомъ вѣщѣ, жумчугами превишымъ, приглашашъ Науки и Художеснва приближишся къ Царю.

За шѣмъ слѣдовало зрѣлище Кремлевской площади и красное крыльцо съ его золотыми перилами. Ошсюда грозный Монархъ низволилъ изслѣдовашельное око свое на обучающіяся, новосозидаемыя имъ, шройныя войска. Его смѣшливые Воеводы шуть учреждаали полки, вливали въ нихъ знаніе военнодѣйствія. Тушь подвизалися легіоны *олригшиковѣ, стрѣльцовѣ и жильцовѣ*. Ихъ броня, ихъ движеніе, ихъ изворошы, все доказывало

замысловатый духъ Іоанна и его шаторческую зашѣдли-
вость; все свидѣтельствовало преобразование Россіи,
которую едва вовсе не обезславил грубые Ташарскіе
нравы, купно съ павномъ ея выдранься въ ней начен-
ше.

Но я не могъ взирать на послѣднее извѣстіе. Въ
доказательство тому, что необузданность страстей
зашмѣваетъ безсмертныя дѣла великихъ мужей, Слава
повелѣла изобразить злощастіе Новаграда. Тамъ казни
преумножаются казнями; шамъ кровь течетъ на кровь,
Неушолная Іоаннова яроснь шамъ истощаетъ муки,
нещадя ни сана, ни рода. Она превосходитъ вины
нещастныхъ преслупниковъ, и, естли на западѣ была
Вареоломѣва ночь, то можно сказать что и на сѣверѣ
былъ Іоанновъ день. Но Слава не дозволила мнѣ долго раз-
смастривать сего, закрывъ все япо кровопролитіе маншею
своею. Помомшиво, прости шакое прешкновение необыкно-
венному Монарху, прости сіе благошворителю отечества,
неуспяному попечителю общаго и ради себя угошо-
вляемаго блага; представъ себѣ случаи шѣхъ времени,
измѣну подданныхъ, и оправдай Іоанна. Виждь слова
сіи на челѣ подножія его самою же Славою начерпан-
ныя зланымъ ея перомъ: *Се Царь, Ирой, спаситель
отъ бѣдъ и строгой отецъ Россіи! — Потомство! тти
его, славословъ и благоговѣй предъ нимъ.*

Подлѣ Іоанна являлась въ скромномъ величїи супру-

га его прекрасная Анастасія, добродѣтельная прабабка Великаго ПЕТРА. Узорчатною сканью украшено было ея подножіе, на коемъ во златѣ горѣли сїи слова: *не скорьби Россія! Ею паки прозябнетъ пророческое древо Улилы.*

„Увы! коль болезненно сердцу моему, возкликнула здѣсь со вздохомъ Богиня, — увы! коль тяжко мнѣ преходить ошъ шоржества Россіи, къ лѣшамъ ея бѣдствія, къ случаямъ ея позора, ко онымъ шуманнымъ ея днямъ, когда покрывша она была черною мглою общія скорьби; когда по ея богатымъ обинадицамъ *вмѣсто сно товѣ сляли головы, молотили щѣлами булатными, на токѣ жизнь клали и вѣяли души изъ тѣлѣ.* Тогда щѣлыя дружины сыновѣ ея *приодѣты были крылами птицѣ и зѣври дубравныя ползали крозь ихѣ.* Худо быть тѣлу безъ главы; *пагубно быть народу безъ мудраго Царя (*).* Достохвальный Иоаннъ вознесъ страну свою, сїю Царицу Царствѣ, на высоту славы и величїя; а нищій духомъ сынъ его, слабый вѣнцепрїемникъ великаго родителя, уронилъ ее въ кровавую бездну кромоль и уничиженїя. Мягкосердый Теодоръ, слѣпошствующій рабъ и родственникъ вельможи своего Годунова, былъ виною всѣхъ

(*) Сїе почерпнуто изъ иронической пѣсни въ древнїе времена сложенной, на походѣ Игоря Святославича, удѣльнаго Князя Новгорода-Сѣверскаго, противѣ Половцовѣ.

„золъ, какія претерпѣла земля Русская. Въбрызвъ брыз-
 „ды правленія властолюбивому шурина, онъ попустилъ
 „возрасти всѣмъ предстоящимъ напаснямъ: спрдаданію
 „вѣрныхъ сыновъ опечесства и удаленію въ Угличь бра-
 „та своего Царевича Димитрія, котораго смерть роди-
 „ла самозванцовъ и междуусобіе. Въ бездѣшномъ Осодо-
 „рѣ и кончиною Димитрія пресѣклося боговѣнчанное
 „сѣмя Рурика, процвѣтавшее въ непрерывномъ порядкѣ,
 „на Славяноросскомъ престоли, семь сошъ шридесятъ
 „шестъ лѣтъ Но Осодоръ ни о чемъ нера-
 „чнлъ. Предавшисъ праздности, онъ владычествовалъ
 „надъ обширнымъ достояніемъ своимъ съ безпечнымъ
 „удовольствіемъ; онъ взиралъ на все очами вельможъ
 „своихъ и слышалъ все ихъ ухомъ; перадѣлъ о народѣ,
 „легковѣрностію своею опъялъ силу у закона и сионъ
 „ушесняемыхъ сильными не достигалъ до него, или
 „заглушаемъ былъ сладкоречіемъ царедворцевъ, которые
 „занимали его по соколиною охотою, по набожностию.
 „Тинило свое обратилъ онъ себѣ въ укоризну, вѣнецъ
 „въ общее бремя. Скиптръ и держава въ рукахъ безза-
 „ботнаго и дремлющаго въ малодушіи своемъ Владыки по-
 „же самое что богатое вѣно, доставшееся развращной
 „женѣ, которая имѣя всѣ способы къ удовольствованію
 „прихошей ея, не уважаетъ первеншвомъ мужа, не пе-
 „чется ни о дѣтяхъ, ни о благоустройствѣ дома, и ча-
 „да ея, чада грѣха, спудъ ошца, сомнѣніемъ ошъ нихъ

„ошженяемаго; поступки же ея, — посмѣянїе общее.
 „Такъ былъ сирый Θεодоръ на престолѣ. Слабый ду-
 „хомъ и шѣломъ Государь никогда о томъ не мы-
 „слилъ, что ежели Богъ, раздраженный неправдою сни-
 „десть въ сердца людей и громомъ гласа народнаго
 „вступился за преогорченное человѣчество, за попра-
 „ную истину: тогда вельможи какъ неизцѣлимые чле-
 „ны, ошрѣшатся ошъ цѣлаго состава и всю бользнь
 „ошраждающаго шѣла ошущишъ единая лишь глава, что
 „и свершилося со злороковымъ Царемъ Шуйскимъ. Дока-
 „зательствомъ же безопасности Θεодоровой, служишъ
 „его собственное изреченїе, при послѣднемъ дыханїи
 „имъ произнесенное, когда предшоящїе у одра Санс-
 „винки вопросили его: кому ошавляетъ онъ Царство
 „свое? *что Богъ воленъ въ его Царствѣ.* Но провиде-
 „нїе пощадило сего безответнаго виновника грядущихъ
 „на Россїю бѣдъ, а ушримило все удары гнѣва своего,
 „на честолюбиваго преемника его, коего былъ онъ шок-
 „мо орудїемъ. И се кумиръ онаго хитро-умнаго Году-
 „нова, кошорый соединялъ въ себѣ немалыя беззаконїя,
 „съ ващшими добродѣшelmi; кошорый явилъ въ себѣ
 „и нечестиваго злодѣя и великаго мужа; кошорый досто-
 „инъ былъ и наказанїя небесъ и вѣнцовъ безсмертїя.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Сперва незнамый изъ дворянъ Рында, потомъ зяшь военачальника опричныхъ, любимаго Иоанномъ вельможи, *Малюты Скуратова*, съ симъ купно бояринъ, вскорѣ за шѣмъ шуринъ Царя Феодора и наконецъ самъ Царь, избранный общимъ гласомъ народа. Озаренный вѣнцемъ Мономаха, съ священными бармами на плечахъ, имѣя искрометный скиншръ въ дѣсницѣ и державу въ лѣвой длани, въ бланшашельномъ *становомъ кафтанѣ* (*) воссѣдалъ онъ на златокованыхъ креслахъ, драгоценнѣйшими, крупными камнями, какъ цвѣтами усыпанныхъ, копорые знаменитый побѣдитель востока, Шахъ Аббасъ, мудрый Повелитель Перси, прислалъ ему въ даръ. Мужественною лѣпошою украшенное лице его было зеркаломъ великаго его духа, хитрой прозорливости, глубокомыслія, честолюбія и нѣкоей угрюмой подозрительности, копорая разливала какую то пасмурность на всѣ его черты и предсказывала его нѣсколько ужаснымъ; но при всемъ томъ, необыкновенное престолюдиу величіе торжесивовало во всей его осанкѣ. Ничто предворяло о немъ, что

(*) Такъ называлось старинное Царское платье, въ которомъ Цари короновались, и копорое понынѣ находится въ оружейной палатѣ.

онъ Царь, и будто призванъ въ мѣръ сей бытъ имъ. На подножіи кумира его изображена была внутренность Кремля, по среди коей воздымался до небесъ огромный колосъ, *Иванъ Великій*, во славу Годунову сооруженный. На адаманшовомъ челѣ подножія сего высечена таковая надпись: *меня гнулъ Михаилъ и внукъ его, несравненный ПЕТРЪ, ревнуя мнѣ дивился.*

Зря въ Храмъ Славы памятникъ коварнаго Бориса, искусно похищившаго престоль Монарховъ Русскихъ, я недоумѣвалъ. Мнѣ пришли на память его пронырство, гоненіе рода Романовыхъ, шого рода которой самъ Богъ хранилъ въ залогъ щасствія Россіи; погубленіе Князей Шуйскихъ, Князей Нагихъ и убійство невиннаго Димитрія. Вообразивъ всѣ его злодѣяніи я зашрепетахъ и готовъ былъ вознегодовать на Славу, какъ Богиня предварила меня своимъ гордымъ, много выразительнымъ взоромъ и съ улыбкою упрека помававъ главою вѣщала мнѣ: „Оставимъ Судьбъ Вышнему, судишь его злодѣяніи; на нихъ лежитъ печать шайны; но возхвалимъ въ немъ Царя и многія благи ошечесшву имъ дарованныя..“

„Конечно, конечно его домогательство Царскаго достоянства, его разумъ и властолюбіе даюшь ему имя Кромесля, но его правосудіе и щедрота къ народу достойны общаго уваженія и привлекаюшь къ нему шипло ошца подданныхъ. Онъ поклялся бытъ

„человѣколюбивымъ и шчился исполнить обѣщанье свой;
 „онъ облегчилъ бремя податей. Во дни его не проли-
 „валась кровь человѣческая на лобныхъ мѣстахъ; не-
 „угрожая сѣкирою онъ умѣлъ поддерживать силу зако-
 „на; и граждане Россіи не спрашались казни, боялся
 „шкромко суда правды. Имѣя свойственна Великаго Госу-
 „даря, онъ старался ввести въ отечество просвѣ-
 „щеніе и посылалъ боярскихъ дѣтей учиться въ чу-
 „ужія земли, откуда призывалъ къ себѣ въ Москву
 „мужей многовѣдущихъ. Онъ пекся о распростране-
 „ніи торговли и утвердилъ Россійскую державу въ Си-
 „бири. Онъ изшребилъ цѣлое воинство Русскаго *Катм-*
 „*ланы*, ужаснаго *Хлолка*, злодѣя опъчаяннаго, коимъ
 „угрожалъ Московской державѣ вѣчною гибелью. Безъ
 „слезъ благодарности нельзя вспомнать какъ Царь
 „Борисъ шилъ народъ въ продолженіе двухъ лѣтъ
 „свирѣпствовавшаго глада, како врачевалъ его въ пла-
 „чевыя дни моровой язвы, опустошавшей всѣ вѣси. Во
 „время сего лютаго, народо-истребительнаго злосча-
 „щенія, коимъ Богъ посѣпшилъ Московское Царство, онъ
 „не жалѣлъ своихъ сокровищъ и полною рукою разо-
 „чалъ ихъ для спасенія людей. Годуновъ безъ крово-
 „пролитія подъялъ Славяноросскую спрану до шакаго
 „степеня уваженія у знаменитѣйшихъ державъ свѣта,
 „что заключалъ съ ними выгоднѣйшіе союзы и порфиро-
 „родный брашь Короля Датскаго за честь вмѣнялъ

„быть супругомъ благовоспитанной Ксеніи, дщери
 „Годунова, коюрой возрощаль и сына своего и дщерь
 „такъ, чтобы шощь могъ быти доблестивнымъ Ца-
 „ремъ Царствъ, а сія, примѣромъ добродѣтели въ до-
 „му Владыкъ, Повелительей народовъ. Монархъ Борисъ
 „былъ покровителемъ Королевичей, спиронялъ грады,
 „и единымъ лишь хитрымъ умомъ своимъ, безъ оружія,
 „уничтожалъ силу опасныхъ враговъ Россіи, Нагайскихъ
 „Орды. Послы Польскіе, Дашскіе, Шведскіе, послы
 „Елизаветы Королевы Англинской, славныхъ городовъ
 „Ганзейскихъ, гордаго Папы, Имперскіе и Абасса, Ша-
 „ха Персидскаго, благоговели предъ прономъ дѣятель-
 „наго, прозорливаго Годунова. Кто бы не восплескалъ
 „шоржешву его, когда явился онъ въ Серпуховъ предъ
 „лицемъ двухъ сощъ тысячнаго воинства, усердіемъ
 „дворянъ, любовію всего Государства для него собран-
 „наго въ нѣсколько недѣль, и представленнаго ему во
 „всемъ поразительномъ блескѣ шогдашней, пышной
 „воинской роскоши; и когда, посреди сего необьяшнаго
 „очами спана шрепѣшали предъ нимъ Кази Гиреевы
 „Мурзы, прилекше просить о нъ него мира? Годуновъ,
 „доказалъ что можетъ чудесная сила природныхъ даро-
 „ваній; изъ незнашнаго оруженосца ошкрылъ въ себѣ
 „ошечешву мудраго, а всему свѣшу спрашнаго Царя.
 „На послѣдокъ сей Великій Годуновъ, сръшнвъ ушро
 „владычешствованія своего шоль свѣшозернымъ, воичалъ

„вечеръ онаго во мракѣ лютейшихъ золь и горшей
 „печали. Изъ сего кто не уразумѣешь, что есмь на
 „небесахъ Судія ведущей преслушниковъ къ достой-
 „ной имъ казни, пущями, самимъ себѣ уготованными.
 „Онъ воскресилъ имя убіеннаго для пораженія убійцы (*)
 „Озмозванецъ, Ажедимириѣй, бичь Россіи, достигнулъ
 „прешнола и не шокмо обатрилъ его кровію семейства
 „Годунова, но даже обругалъ храмы святой вѣры
 „Но преидемъ, преидемъ оную страшную годину, ког-
 „да *велеме понилма, а тоска обулла цны; когда сы-*
 „*рая земля костями была посвяна и кровію поли-*
 „*та; когда по всей Руси возрасла бѣда. Въ тѣ*
 „*времена завяла трава отъ горя, лосохли дрова отъ*
 „*легалм. (**)* Не вспоминаемъ о тѣхъ ужасахъ, о коихъ и
 „единая мысль возмущаешь блаженство моего безсмер-
 „шя. Пустьъ кто хоцешъ зрѣть ихъ въ дѣписяхъ;
 „шамъ въ поученіе боярамъ, въ поученіе всему народу
 „означены они кровію и слезами; пустьъ шамъ всякъ
 „видитъ ошъ чего настаюшъ времена тяжкія. Преи-
 „демъ злощастное Царствованіе Шуйскаго, страданія

(*) Повѣствуемое здѣсь *Славою* о Годуновѣ почерпнуто изъ 5й части
 вѣстника Европы. Хвала и благодареніе тому, кто далъ потомству
 шоль полное и лучшее свѣденіе о Великомъ мужѣ, котораго почти
 все наши историки описывали лютейшимъ злодѣемъ. Авв.

(**) И сіе также взято изъ пѣсни князю Игорю.

„Филаретовы, разныя явленія неизповыхъ самозван-
 цовъ, бѣдствіе Новгородское подъ игомъ вѣроломнаго
 „де ла Гардіе, коварно возставшаго на Россію, желая
 „ воспользоуваться ея смутнымъ временемъ. Прейдемъ,
 „ раздражющія сердце, напасши Московскія: звѣрство
 „ Поляковъ, козни Желковскаго, насиліе Сигисмундово и
 „ измѣну собственныхъ сыновъ Россіи, ошъ коихъ разли-
 „ лась скорбь по всей Славянской землѣ и возсенала
 „ Москва. Да будущъ они во вѣки прокляшы и сія
 „ вѣчная клятва да ошягошѣешъ на главѣ всякаго шого
 „ изъ ошпадшихъ чадъ швоихъ, о Россія! кошорой возлю-
 „ бишь какою либо страну паче тебя; сему врагу шво-
 „ ему, врагу ревностныхъ сыновъ швоихъ да будешъ
 „ чуждо все шо, чшо ни ешть въ шобѣ изящнаго; да не
 „ приобщишся онъ никогда ни славы, ни радости шво-
 „ ея; и оный кошшдннй опечеству сынъ, кошшвннй
 „ обществу браншъ да пошбнешъ, яко древо въ иную
 „ землю пресажденное, лишившееся шѣхъ живощворныхъ
 „ соковъ, коими пишалося оно на мѣстѣ своего прозябе-
 „ нія Прейдемъ всѣ дни плача и шона Россіи,
 „ а обратимся къ спасителямъ опечества.,,

Съ симъ словомъ владычица вѣковъ указала мнѣ
 на два памятника, находящіеся въ чрезвычайномъ промѣ-
 жушкѣ, кошорой ошдѣляла Эпоху царшвованія Году-
 нова, ошъ шаспливой Эпохи царшвованія рода Рома-
 новыхъ. Два кумира сіи, дивной художества красоны,

стояли на равной чредѣ съ Царями, хотя не видно было на нихъ никакого убранства вѣнценосцамъ приличнаго. *Слава* приближась къ нимъ и въ знакъ почтенія преклонивъ предъ ними Божественную главу свою рекла: „Симъ безсмертнымъ мужамъ подобаешь бысть купно съ скипидоержцами, зане́ доблестно и подвижми своими они доспочесныѣ многихъ изъ нихъ. Ичѣ „Россіяне обязаны всею славою бытїи своего. Се Ми „нинь и Пожарской. Ешьли бы не было ихъ, то не было „бы Петра, а можешь бысть лице земли и совсемъ „не было бы украшено именемъ Россїи; но они изкупили ее жизнью своею. Се ищыѣ Славяне; се сущїе „Прои, олшарей достойныѣ.

М И Н И Н Ъ .

Въ первомъ Кумирѣ зримъ былъ знаменитый Козьма Мининъ, который, пламенѣя любовію къ отечеству, чшобъ спасши оное отъ угрожающей гибели, не шокмо отдалъ золото и серебро свое на потребности народа, но готовъ былъ отдать и послѣднюю каплю крови своея. Онъ возвышался въ шомъ самомъ видѣ, какъ былъ посреди сонмовъ Нижегородскихъ гражданъ, когда предлагалъ имъ собрать все имущество ихъ, чшобъ шокмо скопить казну подъема ради войскъ во спасенїе Русскаго Царства. Зракъ его одушевленъ былъ шкою рьяно-

стию, коею подвизалъ онъ духъ народа, изражая бѣды общія. Десная его лежала на персяхъ у сердца, а шуйца просшерста была въ пылу глаголанія; шуча скорби висѣла на броняхъ его, изъ подъ копорыхъ блистала яркой огнь великой его души и драгоцѣнныя слезы патріотическаго сердоболія, струясь по ланинамъ, орошали окладистую его браду. Уста его были глаголющи; кажешся еще слышать изъ нихъ сїи, возпламѣняющіе духъ сыновъ Россіи, слова: *заличимъ женъ и дѣтей и выкулимъ изъ общія бѣды отечество*. Груды сребра и злата, домашнихъ дорогихъ ушварей, жемчуга, мониста и прочихъ богатыхъ женскихъ украшеній, купно съ лептами вдовиць, съ вретницею сиротъ и самой нищеты; — груды имуществъ, снесенныхъ къ нему Нижегородцами отъ всякаго сосноявляемаго пола и возраста, накоплены были у стопъ его. Гражданскими вѣнцами и образомъ солнца украшено было его подножіе.

ПОЖАРСКОЙ.

Здѣсь возносилъ безсмертное чело свое, стоя на златомъ подножіи, избавившей Москвы, оный доблестивенный Пожарской коего мужеспвенная десница ошравила губительство Ливвы и коварство Шведовъ. Чпо въ Римѣ были Эмилии, Камиллы. Цицинашы и Сципіоны, то все въ единомъ зрѣла Россія. Преизящное художе-

ство изобразило сего любомудраго благошворителя опеченна въ видѣ Ироя, отражающаго удары. Десница его вооружена была мечемъ, а въ шуйцѣ держалъ щитъ, подъ которымъ Москва, въ лицѣ жены прекрасной, но опеченной, съ разпущенными власами, съ открытою грудью, еще носящею язвы, Поляками, Шведами, Ордынцами и Запорожцами ей нанесенныя, укрывалась, прижавшись къ колѣну Защитника своего; имѣя руки сложенныя на персяхъ, она возводила умоляющее на Заступника око.

Хитрый резецъ вазеля представилъ на негнблемомъ подножїи его вѣчнопамятные его подвиги; шумъ изъяснено, какъ сей Князь сіяющій преизбыточествомъ добродѣтелей своихъ, возлежа на оарѣ подъ тяжкимъ игомъ болѣзни, и врачуясь опъ ранъ, Поляками и Зарайскими мятежниками ему причиненныхъ, прѣмлетъ посольство вѣрныхъ сыновъ Россїи, пришедшее просить его, да вступишься за опеченство и вѣру, да грядешь предводителемъ воевашъ воинствомъ спасенїя ради Московскаго царства отъ злодѣевъ. Здѣсь зрится, какъ оный въ вѣчности блистающій Князь, презрѣвый болѣзнь и раны, и непрекословно прїявъ возлагаемый на него подвигъ, собираетъ полки, вливаетъ въ нихъ свой Иройскій духъ, и шечетъ къ стѣнамъ Москвы, гдѣ уже Поляки разпространяли свое мучительное владычество. Тамъ виденъ славный бой его съ сопосланими; драгоценная Россамъ побѣда его надъ дерзновеннымъ Хошкени-

чемъ и освобожденіе ошь плѣна Польскаго Бояръ Московскихъ. Но взоръ и сердце зришеля поражающа здѣсь самымъ изящнымъ и паче всего доброхвальнымъ поступкомъ Князя защитника, заградившаго пушь сыну Сигисмундову къ Россійскому Престолу! Въ мешаллѣ изъяснено то, какъ въ явѣ, когда спасенное ошь бѣдъ отечество поднесло *Пожарскому* вѣнецъ и державу, и предало ему на произвольъ собственныя ненавистниковъ его, посягавшихъ на преславную его жизнь. Я созерцаю здѣсь, какъ благочестивый Мужъ сей милосердо просилъ враговъ своихъ, смиренномудро ошрекся ошь прешола и избралъ на царство добродѣшельнѣйшаго Романова, священную ошрасль сѣмени Рюрика: и за тебѣ, дивный изъ Царей Царь, Великій ПЕТРЪ, Россія *Пожарскому* обязана! О безсмертный Славянинъ, ко-ему въ дѣлїяхъ нѣтъ равнаго! ты превзошелъ примѣромъ своимъ все то, что ни есть на земли превозносимаго. Къ сугубому изумленію всѣхъ вѣковъ, ты ошрекся Царскаго величїя, почестей, славы, богашества; ты сокрылся въ мирную сѣнь кроткаго жилища своего; ты уклонился въ безмолвное уединеніе швое, чшобъ шамъ успокоиться ошь побѣдоносныхъ трудовъ своихъ; вмѣсно шрона оставилъ ты себѣ простое ложе; вмѣсно веледѣннаго дворослуженїя и сіянїя порфиры взялъ себѣ въ удѣлъ горькіе плоды брани: раны и болѣзни; но ты пребудешь въ родѣ родовъ кумиромъ сердец! до конца міра благодарить и славословить тебѣ не прешаушь

сыны своего опечесива. Удивленное шобю, попомство во всё время приноситъ будешь памши швоей въ даръ свѣжте лавры. Хотя и закашилось шы, свѣшило славы Московской, чшобъ уступитъ мѣсто свѣшиламъ новымъ; но яркая заря бышя швоего до днесъ пламенѣшь, да и дошолѣ пламенѣшь будешь немерцаемымъ свѣшомъ, пока насщаетъ заря превѣчнаго ушра.

Л Ъ В О В Ъ *Погелской.*

По шу спрану гдѣ возвышались кумиры Минина и Пожарскаго была прекрасная, мозаическая картина, превозходствомъ хушолесива и важностю изображенія влекущая къ себѣ любовданіе съ изумленіемъ. На картинѣ шой представленъ мужъ, въ совершенствѣ лѣшъ, но онъ кажешся изнемогшимъ и едва дышущимъ. Русые власы его, кровію обгренныя, присохли къ израненной главѣ. Раздранное вретще прикрываетъ нагошу его; сквозь разпадающееся рубище сіе видны язвы на персяхъ Ироя, и ешнли тако можно изъяснитъся, шо, лучше сказать, чшо занекшаяся и струящаяся по шѣлу кровь его составляетъ его одежду, къ тому же, еще онъ отягченъ оковами; предъ нимъ кусокъ позеленелаго хлѣба и полусокрушенный скудель съ водою; ужасы темничнаго мрака окружають его. Какъ ни былъ удрученъ спрадалецъ сей ранами, болѣзнію и оковами, но какое шо неколебимое духа благородство одушевляло правильныя чершы его почшеннаго зрака; огонь добле-

сти блисталъ во взорахъ его ; важна была его осанка. Въ нѣкоторомъ отъ него разстоянїи насыпаны были груды сокровищъ, покрытыхъ парчевыми одеждами со златыми тривнами; шуть же поставленъ былъ и длинной сноль, избраннѣйшими снѣдьями и пишемъ преизобилюющей : искусство живо изобразило носящейся надъ чашами и блюдами приманчивой парь, шакъ, что мнился оный бытъ обоняемъ и возбуждалъ вкусъ. Тучное довольство, облаченное въ богатныя ризы, во образѣ напыщеннаго Сармаша приглашало къ себѣ, по всему видно, шомящагося голодомъ и жаждою Вишнязя сего; указуя ему шрапезу, оно осклаблялося изчисляя лакомыя яшвы. Но Ирой съ презорствомъ ошвращаль строгое лице свое ошъ соблазнительнаго слашлюбїа и ошъ всѣхъ, рассыпанныхъ предъ нимъ благъ мїра сего; имѣя устремленныя торѣ очи, кажешся, созерцаваль онъ сокровища небесныя, читаль жребїй свой въ царствѣ Бога свѣша и весь былъ полонъ упованїемъ на Господа силъ, подашеля истинныхъ благъ душевныхъ. Благодашъ Вышняго въ видѣ прешѣшлага Ангела ошѣняла мужа сего мироносными крылами Своими, какъ между шѣмъ истинна сѣдя близъ него писала на большой скрыжали шакое о немъ повѣштованїе; златыя буквы штекали съ ея шешѣннаго шера.

*„Сей, понесѣ многя, ради отешества, службы.
„Онѣ ламатуя Бога, будужи при Царѣ Васильѣ на
„Москвѣ въ осадѣ, въ нужное и шрискорбное время*

„стоялъ крѣпко за вѣру христіанскую и за святыхъ
 „Божіа церкви и за Царской домъ и за всю Русскую
 „землю; онъ крѣпко стоялъ противъ враговъ России:
 „Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ татей,
 „которые до конца хотѣли раззорить Государство
 „Московское и вѣру христіанскую погнать; а онъ
 „былъ мужественъ и многое дородство, храбрость и
 „пролитіе крови своея въ службѣ показалъ; голодъ,
 „наготу, во вселибъ оскуденіе и всякую осадицу нужду
 „терпѣлъ долгое время, а на злодейскую прелесть и
 „слуху ни на которую не покусилъ, стоялъ крѣпко
 „и не поколебимо, безо всякя шатости и отъ той его
 „великия, осадныя службы и терпѣнія, Польскіе и Ли-
 „товскіе люди и Русскіе тати отъ Москвы отошли (*).„

„Се предокъ швой, — рѣкла мнѣ Слава, — се
 „доспочестный Почепецъ Василій Львовъ, коиморой
 „отвергъ богатство кунно съ почествми, ему ошь По-
 „лякъ предложеные и рѣшился лучше испить горкую
 „чашу скорбей, болѣзни, нежели нарушитъ присягу,
 „долгъ честнаго Гражданина; превозмогая въ себѣ чело-
 „вечскую природу, онъ боролся съ голодомъ и жаждою,
 „шюкмо чшобъ спасти ошечество; ему легче было
 „умереть, нежели измѣнить. Все являетъ въ немъ вели-

(*) Все сіе извлечено точными словами изъ грамошы, пожалованной Ца-
 ремъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ въ 7154 году, Іюня въ 4 день, (т.
 е. 1626 года) на помѣшья въ роды, Василью Прокофьевичу Львову
 Почепскому.

„че его духа и богатырское изрядство. Тако Царь
 „пернатыхъ ширяешь подь черными слоями шучь,
 „когда буря свирѣпствуетъ; онъ не спашинся ревуща-
 „го окрестъ него грома, плавно рѣшетъ посреди вѣю-
 „щихся молній и гордымъ окомъ взираетъ на громовую
 „спрѣлу, мимо его лезящую. — Виждь подвигъ пред-
 „ка и научайся. — Примѣръ великаго мужа живѣ дѣй-
 „ствуетъ на сердца, нежели сила самыхъ строгихъ
 „успавовъ.„ Писаніе истинны и глаголь Славы проникли
 до глубины сердца моего, меня объялъ нѣкій ужась,
 подобной тому, кошорой испытуемъ мы приступая
 къ какому либо боговидному предмѣту. Всѣ мышцы
 во мнѣ задрепешали; усремя неподвижныя очи на
 священный для меня образъ праотца, я млѣлъ въ во-
 сторгѣ и не чувствовалъ какъ слезы капились по лицу
 моему; душа моя со всѣми ея ощущеніями спремилась
 къ сему драгоценнѣйшему изображенію; вся кровь
 взволновалась во мнѣ и только что не брызнула изъ
 жиль, чтобъ пролишся предъ нимъ. Неизъяснимая си-
 ла непреборимаго влеченія притягала меня къ чудес-
 ной картинѣ! Ноги мои сами собою подотнулись, я
 упалъ на колѣни и въ радости лобызалъ прародитель-
 скія руки. — Да благословится во вѣки памянь твоя, вели-
 кій мужъ! щипъ опечесства, честь и слава рода своего! . . .
 Озарій лучами доблести все твое попомоще, возпламе-
 ный духъ его подражашъ тебѣ, веди внуковъ твоихъ къ дѣ-
 ламъ бессмертнымъ; да будутъ они тебѣ подобны.

Возрадуйся и восплеши Россія мужеству сыновъ своихъ! Исполинское богатырство ихъ покорило тебѣ цѣлыя царства и моря. Ликуй Великая Матерь добродѣльныхъ чадъ! будучи воспитаны славою, подъ лаврами ошцовъ своихъ, въ строгихъ правилахъ благочестія, во всѣ времена и вѣки они достойны вѣнцовъ безсмертія; ибо изрядствомъ сердца и богатыми дарами великаго даха превозходящъ всѣ прочіе народы подсолнечной. — Вселенная! — *Славянороссы подѣ звукомъ трубъ ловиты, на щитахъ возлелѣны, подѣ шлемами взрощены, концемъ колья вскормлены.* — Какая сила прошиву спояшь можешь ихъ храброси? Самые лучіе профеи, какіе шокмо справедливосшь и патриотизмъ сооружали въ честь истинному Иройству отъ начала мѣра и до днесъ, большею часшю, Россамъ принадлежатъ.

ПАМЯТНИКИ
РОССИЙСКИХЪ
ИРОЕВЪ,

Осмагонадесять вѣка.

Изъ Второй книги Храма Славы.

Сог. Пав. Лавова.

КНЯЗЬ Я. Ѳ. ДОЛГОРУКОЙ.

КНЯЗЬ ИТАЛІЙСКОЙ, ГРАФЪ СУВОРОВЪ, РЫМНИКСКОЙ.

ГРАФЪ РУМЯНЦОВЪ, ЗАДУНАЙСКОЙ.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ, ТАВРИЧЕСКОЙ.

ЛОМОНОСОВЪ.

Памятники Князя Долгорукаго и Графа Суворова напечатаны были, вмѣстѣ съ памятникомъ Князя Покарскаго въ XI части *Иллюстрій* (Московскаго изданія), въ 1801 году, а прочіе въ *Новостяхъ Русской Литературы* (Московскаго же изданія), въ III части, 1802 году.

ДОЛГОРУКОЙ.

Здѣсь въ Кумирѣ только что не дышала Россійской Кашонъ, топъ непоколебимый ревнишель истинны, копто-рой не ушрашилса опъ ПЕТРА (сыновнею смертію пре-огорченнаго) пошребовашъ Царя. То была испый Бояринъ, о благѣ общемъ болѣвшій (*); шо была древле-родный Славноросскій Князь, и доднесъ сїяющій пресвѣтлыми добродѣтелями своими; шо была оный искусный Вишязъ приобрѣташель градовъ, достойный подражанія *Долгорукой*, кошорато великую душу, любовію къ ошечеству богашую, никакая прелеснь мїра сего павнись не могла. Бывъ строгимъ владыкою самого себя, онъ шокмо стрешилса шуда, куда призывали его долъ и правда. Онъ весь принадлежалъ Царю, истиннѣ и ошечеству. Его польза была — польза общая; его забавы — дѣла Государшвенныя; его радость — шастіе соотчичей своихъ. Сей некоснодумный Вельможа и гражданинъ непрешкно-венный возвышалса съ швердосшію Аристида, храня грозный видъ, и держа въ единой рукѣ мечь обоюду оспрый, символъ никогда неливыхъ ушешъ его; а въ другой — раздранную харшю. Въ шаковой-шо важной сановишосши зрѣлъ его Пешропольскій Сенашъ посреди

(*) Или истинными заслугами *болѣй* извсѣхъ своихъ соотчешвенни-ковъ.

воинна своего, когда давалъ онъ мудрый отвѣсъ Великому изъ Монарховъ. Неустрашимость, правда и сила патристическаго духа ясно зрима были на величавомъ челѣ его, и въ очкахъ, какъ въ чистомъ зеркалѣ. Главу его осѣнялъ лавровѣнченый шлемъ. Важная Славянская одежда покрывала его осанистое шело; онъ предшоялъ облакошась на полу-сподль, украшенный вѣсами Оемиды, купно съ дубовыми, лавровыми и градскими вѣздами, и плающемъ съ оливными вѣшвами увишый.

С У В О Р О В Ъ.

А сей Кумиръ, красота неизреченной, была лишь шолько сооружень, и издавалъ яркое сѣянѣ драгоценнаго мешалла. Жесткая длань времени еще не успѣла къ нему коснуться, и чудный художникъ, мнишся, что лишь шолько ошьялъ ошъ него ваяло свое. Подножѣемъ Кумиру сему служила огромная гора, на коей блистали вѣчноясныя слова сѣи: *Ему принадлежатъ вѣки*. По сей шоржешественной надписи кто не познаешъ онаго дивнаго Побѣдителя царствъ, онаго безсмертнаго *Суворова*, коему возревновалъ бы самъ Кесарь, ешьяли бы жидъ во дни его, и коего образомъ Римъ украсилъ бы свою Капишолію, предпочтя его Фарсальскому Побѣдителю? Сей Росскій Иракль возвышался, какъ сынъ Алькмены, ошвсюду окружень будучи Ирой-

скими величіемъ. Сама предводительствующая мною богиня молвы и всѣхъ чрезвычайныхъ происшествій въ міръ, сама она не могла взирать на него безъ удивленія. Сей приснопамятный Ирой, достигшій на высочу всѣхъ чести свѣша, казался еще повелѣвающе полками храбрыхъ Россіянъ, имѣя военачальническій жезлъ въ десницѣ. Двуглавый орелъ, грозный спутникъ его побѣлъ, предсавленный на шлемѣ его гошовымъ къ паренію, освѣялъ распросертыми крылами многодумную и глубокомысленную его главу. Геній опечесства, въ видѣ лучезарнаго юноши, подносилъ *Суворову* перуны купно съ лавровыми вѣнцами. Хотя шагоша многихъ лѣшь и возлежала на раменахъ его, но величаяя его осавка означала неушомимосшь и непрерывное бодрствіе доблестивеннаго духа его; взоръ его пылалъ огнемъ несшарѣющей въ немъ храбрости; бывъ неистощимъ въ едва нисовѣрныхъ богатырскихъ своихъ дѣйствіяхъ, онъ являлся еще могущъ поддержать не шокмо славу Россіи, но и величіе Небесъ. Опшоманскіе бунчуги, части раздробленнаго герба Варшавы и знамена Галловъ лежали небрежно повержены у стопъ его. Сокрушеннй шаръ, держава Польши и преломленнй скиншуръ сея гордыя Сармашки, находились по спрану огромнао щина, служащаго опорю шуйцѣ его, на коемъ изображена была избавленная имъ Испалія; по ободу же щина пора жало очи сіе начертаніе: *Пришелъ,*

чрълѣ, побѣдилѣ. Негиблемое, вѣковѣчное чело Сентъ-Гошарда было его подножіемъ; опшвсюду оно изукрашено было золотыми плипами, гдѣ чеканное искусство изразило многочисленныя его подвиги. Но во первыхъ зрими были два изображенія: въ единомъ изъ нихъ представлено, что Истинна связуешь крылѣ Времени, а Слава исторгаетъ пагубную косу изъ рукъ всесокрушающаго спарца сего, и указываетъ на *Суворова*, кошорый попирая опроверженныя имъ шполпы Алкидовы, быстро течеть въ опверстшій ему храмъ безсмертія. Надъ симъ-шо многозначущимъ изображеніемъ сияла оная шоржественная надпись: *Ему принадлежатъ вѣки.* — Въ другомъ являлися взору: Кесарь возлагающій лавровый вѣнецъ на главу *Суворова*, Аннибаль опоясующій на него мечъ свой, Евгенийъ вручающій ему свой пернашій шлемъ; за ними же вдали возносящіяся до небесь вершины Альпъ, надъ коими горѣло во злашѣ сіе достопамятное шпосложеніе:

*Отныне горы въ вѣкѣ Алглійски
Предудутъ Россовѣ обелски (*).*

По семь изъяснены были побѣды его надъ Агарянами: здѣсь шоржествуетъ онъ на брегахъ Римника; тамъ сокрушаетъ крѣпкія стѣны Измаила; шупъ уни-

(*) *Державина.*

чпожаетъ Польшу, древнюю разорительницу отечества своего. Подъ ударами его гибнуть сопротивныя силы стропивыхъ Сарматовъ; пламенѣють грады ихъ; огненныя вихри преобразуютъ въ прахъ сію давно пресполюную Варшаву, въ швердыняхъ коей звенѣли нѣкогда узы Филарета и раздавались споны Шуйскаго.

Что началъ во благо Россіи дослославный Пожарской, то съ лихвою довершилъ *Суворовъ*! Гдѣ доселѣ почилъ прахъ Царя Московскаго, въ позоръ на распушіи Поляками погребеннаго, тамъ нынѣ съ честію произносится, и тако будетъ во вѣки произносимо великое имя *Суворова*, тамъ съ благоговѣніемъ чшуть и чшють не прешануть въ роды родовъ болоподобную ЕКАТЕРИНУ.

Далѣ представлены: дивный переходъ Ироя чрезъ Альпійскія спрашныя переправы, чрезъ Демонской мостъ, чрезъ водопадныя Рѣки, чрезъ неизмѣримыя пропасти, едва вѣроятное преодоленіе чудовишнаго исчадія Природы, колосса вселенной, спрашнаго Готарда; сраженіе съ Массеною во мракъ подземныхъ пропастей; рѣшимый бой съ отважнымъ Жуберомъ, и безчисленность многихъ иныхъ побѣдъ, надъ различными народами одержанныхъ, кои были забавы для *Суворова*, но трудъ, но подвигъ чрезвычайный для всякаго бы иного Подководца.

Ликуй, гордись Россія, мать Ироевъ! ты произвела

на свѣтъ Благошворителя Царей и Князя славы осматодесяти вѣка. Твой сынъ *Суворовъ*, хвала племенъ швоихъ, честь всѣхъ родовъ Славянскихъ! Само Провидѣнiе ввѣряло ему судьбу мiра: онъ былъ Владыка бышвъ, ошъ коего зависѣлъ жребiй вселенной; онъ былъ лесница великой, премудрой, несравненной ЕКАТЕРИНЫ; онъ былъ краеугольный камень швердаго Ея Престола; онъ управлялъ шастiемъ и превозмогалъ непреодолимыя силы ешесшва; онъ былъ мечъ и щипъ не шокмо страны рождснiя своего, но и всей Европы. Вшденосцы, на югозападѣ повелѣвавшiе, не взирая на то, что былъ онъ чадо хладнаго сѣвера, не ради его пламеннаго духа въ свое родство его включали. Баснословная Древность нарекла бы его сыномъ Зевса, ештли бы онъ существовалъ во дни Троянской брани... Но что до шого? Придушъ годы шѣ, насшанушъ времена позднѣйшаго пошомства, въ кошорыя явшся на позорищѣ мiра новые Александры; они пришекушъ съ шрепетомъ ко гробу великаго *Суворова*, и чшя въ немъ другаго Ахилла возревнуюшъ его славѣ... Ликуй, Россiя! швой сынъ наполнилъ громкимъ именемъ своимъ все необъяшное пространство вѣковъ. Онъ раздавалъ скипшры Царямъ, низводилъ и возводилъ ихъ на престолы; онъ и сугубилъ и пошемнялъ двѣшъ ихъ багряницы; онъ живъ пребудешъ во всѣ времена и вѣки. — — —

ЗАДУНАЙСКОЙ.

Посреди достопамятныхъ Героевъ, подобно многовѣчному кедру горъ Ливанскихъ, возносящему поднебсную вершину свою превыше прочихъ деревьевъ, возвышался великій Задунайской. Онъ облеченъ былъ въ броню Минервы, и шлемомъ ея охраняема была безсмертная его глава. Онъ имѣлъ ея осанку, огнемъ очей ея блистали его зеницы; ея важность, ея предусмотрительность, ея глубокомысліе, рѣшимость и крѣпкая сила доблестивеннаго духа, зримы были въ каждой чертѣ его мужественнаго лица; словомъ, во всемъ его шло-положеніи казалось что онъ и въ мешалѣ еще занявъ благородными думами, и только что не вымолвишь своихъ, повелительныхъ рѣчей, которыми съ шрепешомъ горделивая Порпа внимала. Въ десницѣ своей держалъ онъ перунъ, неслѣнною оливою увишый, а въ шуйцѣ огромный эгидъ дщери Зевесовой, который покрывъ бывъ змѣевласою главою Горгоны, поражалъ сопротивныхъ оцепенѣемъ. Подъ кровомъ щина сего сидѣлъ на знаменахъ Опшюманскихъ въ видѣ прекраснаго, полношлага, сильнаго опрока, Геніи Россіи, и съ торжествующею улыбкою соплепалъ лавровой вѣнецъ Побѣдителю покорившей Востока. На златомъ, негнблемомъ подножіи сего непобѣдимата Полководца блистали вѣчноясныя слова: *Великому изъ Героевъ, мудрому въ совѣтахъ,*

и дивному во брѣихъ, безсмертному сыну Россіи, Румянцову Задунайскому, распостранившему прѣдѣлы своего отечества и потрясшему о нованге страшной Оттоманской Имперіи. Подъ сею во всё времена доси памятною надписью, въ вѣнцѣ изъ масличныхъ лозъ сплешенномъ, изображено было: *Маръ при Кайкарджи 1774 года*. Внизу сего вѣнда клубиль бышрѣя волны свои царь рѣкъ, ярый Дунай, поглотившей тридесять тысячъ Сарацинъ сверженныхъ въ пучины его сильною мышцею Румянцова; надъ нимъ начертано было: *Теку созвѣститъ вѣкамъ грядущимъ славу и нени его*. Искусство столь чудесно изобразило рѣку сію, что мнилса слышимъ бытъ ревъ и плескъ волнь ея, и казался, будто брызги летѣли съ пѣнныхъ хребтовъ ихъ. Кичливый сокрушилса Даріа! что швоя Арбельская побѣда? — Задунайской торжествуетъ подъ Кагуломъ.

Величественный образъ сего побѣдоноснаго Вождя Россовъ вселялъ благоговѣніе въ сердце каждаго, кпо бы ни возрѣлъ на него; и самый отважнѣйшій духъ смирился бы, пораженъ бывъ его повелишельнымъ взоромъ, когда владычица Геросвъ всего мѣра, когда сама Слава, показуя мифъ Румянцова, вдругъ обьяша была нѣкою робостію, покорснво ея предъ нимъ знаменующую. Она вѣцала мнѣ: „Я обрекла себѣ принадлежатъ ему во все пространство вѣковъ; народы древнихъ лѣтъ,

еслилибъ онъ жилъ во дни ихъ, чтили бъ его полубо-
гомъ; но сыны сыновъ позднѣйшаго потомства воздви-
гнушъ ему памашники; прехвальное имя его пройдетъ
въ роды родовъ, возгремятъ въ пѣсняхъ шоржесшва,
возбудишъ новыхъ героевъ ко славѣ, и прежде многово-
днѣй Дунай изсякнетъ въ своихъ несмѣтныхъ источни-
кахъ, нежели имя Задунайскаго, движущее сердцами
богатырей, въ неизмѣримосши времена зашихнетъ; ско-
рѣе всѣ рѣки вспяшь пошекутъ, нежели прешану я
швердишь о немъ въ концахъ земли.,

КНЯЗЬ ТАВРИДЫ.

Близъ Румянцова-Задунайскаго возносилъ гордели-
вое чело свое чудный сынъ щастія и роскоши, велико-
мощный Потемкинъ Таврической. Въ доказательство
тому, что былъ онъ готовъ къ побѣдамъ даже и тогда,
когда покоился на лонѣ раболѣпствующей ему нѣги,
глава его покрыва была пернатымъ шлемомъ, а десни-
цею опирался на обнаженный мечъ, но не было на немъ
брони; а осанистое тѣло его покрывала свободная
Славянская одежда, дорогими камнями и жемчугомъ
унизанная, и узорчатый поясъ, дѣло рукъ народовъ
Восточныхъ, сіялъ по чресламъ его. Онъ нерадиво
споялъ облокотясь шуйцею на мшистой, огромный
камень, виноградными гроздіями, различными плодами

и цвѣтами Юга обвѣщенный, между коими видны были стн вѣшныя слова: *Крыль. Безкровный даръ отъ небу.* Пригожій взоръ сего мужа Славы были зеркаломъ замысловатаго ума, обширныхъ намѣреній, пылаго воображенія, рязнаго славлюбія и швердой надежності на неушомимыя силы прихотливой души своей. Обладавый богатствомъ, почестыми, величьемъ, свойственными чрезвычайному сану его, какъ являлъ онъ себя во дни бышя своего неуважающимъ ничѣмъ, шакъ и здѣсь, въ кумурѣ, художникъ изобразилъ на спесивомъ лицѣ его улыбку, полную презорства. Щишь Поршы Ошшоманской, полукруглемъ Луны украшенный, попираемъ былъ сильною его пяшою. На подножіи его блистала надпись: *О душевленѣ бывѣ великимъ дукомъ ЕКАТЕРИНЫ, достигну безсмертія.* А подъ оною представлено было сокрушеніе швердынь Очаковскихъ, пламенными вихрями обвишыхъ; вдали же, по небосклону, Россійскіе флаги, надъ черными водами Евксина развѣвающіеся. Таковъ-шо кумиръ онаго зашѣйливаго Князя Тавриды, который соединялъ въ себѣ Помпеево великодушіе съ Лукулловымъ сласполюбьемъ, и который шолико былъ прешщенъ благами времени своего, что ему и желашъ уже ничего не оставалось.

Л О М О Н О С О В Ъ .

Подъ сводомъ, драгоценными каменьями усѣянномъ, которые сливая разноцвѣтные лучи свои производили сіяніе подобное радугѣ, воссѣдалъ оный достославный мудрецъ, коего обширное многовѣданіе едва не превышало человѣчество; онъ изслѣдовалъ небесныя явленія, и во всей лѣпотѣ сѣвернаго сіянія, предъ солидемъ спя-зуюсь съ Невтономъ, доказалъ причину дневнаго свѣта: ему Эйлеры завидовали и подражали, да и сами Галлилеи ему усшупали бы вѣнцы славы. Его быстрый умъ, какъ бы снабженный крылами свѣтоноснаго Серафима, леталъ по всемъ царствамъ природы; скромная машеръ сущесствъ открыла ему всё таинство свои и показала чудесную силу внутреннихъ ея дѣйствій. Въ лицѣ сего дивнаго Генія, которому Россія обязана красотою слова своего, я познаю тебя и съ благоговѣніемъ преклоняю чело мое предъ шобою безсмертныи Ломоносовъ! Сей Царь Росскаго стихосложенія озаренъ былъ лучами Феба и всегда свѣжіе лавры увивались вокругъ главы его. Четыре лебѣдя съ протяженными выями, имѣя разросшершыя крылѣ къ полету запрожены были въ серебряную колесницу его. Важная кромость Маншуанскаго пѣвца, оживленная огнемъ Пиндарической музы и привлекашельность Цицероновой мужесшвенной красоны одушевляли его величавый взоръ. Пренапол-

ненный возпортомъ изящнаго пѣсопѣнія своего онъ не брѣжно сидѣлъ на колесницѣ и быстрыми перстами своими водилъ по громкозвучнымъ струнамъ златой лиры, украшенной именемъ Дщери Великаго ПЕТРА. На столѣ его изъ рдянаго рубина изсѣченномъ и изукрашенномъ мозаическими изображеніями, — что неслѣпая рука его произвела въ честь искусству падшему въ ученой Греціи, а на сѣверѣ имъ возобновленному, — сіяло небеснымъ огнемъ сіе стопосложеніе:

Коль нивѣ радостна Россія!
Она коснувшись облаковъ,
Конца не зривъ своей державы;
Гремящей насыщена Славы
Покойся среди луговъ.

* • *

Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими частыми струями
Шумя, спадамъ наводяшъ сонъ,
Сѣдишъ и ноги простираешъ
На сивень, гдѣ Хину ошдѣляешъ
Пространная стѣна ошъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаешъ,
И вокругъ довольсшва изчисляешъ,
Возлетши ланшемъ на Кавказъ.

ПОГРѢШНОСТИ.

страница.	строк.	напечатано.	читай.
II	15	мѣчтанія:	мечтанія:
IV	1	стоющіе	стоящіа
	2	лучшее	лучше
	18	принадѣжащее	принадлежащее
VII	12	сѣвъра	сѣвера
	18	колѣно	колѣно
	21	еслии	еслии
	15	не плѣнится	не плѣнится
	21	оставляешѣ	оставляешѣ
X	2	сѣвърь	сѣверѣ
	12	лѣжала	лежала
	18 и 19	лучшими	лучшими
		произрасненіями	произрастѣніями
XIII	10	парали	парали
XV	1	новыя чудеса;	новыа чудеса;
XVI	4	мѣчтаніяхѣ	мечтаніяхѣ,
	13	лучше	лучше
	11	предстоянть	предстоянть
XX	1	зрѣлище	зрѣлище
	15	нелѣпыя	нелѣпыа
	18	произрасненія	произрастѣнія
	22	вѣсерѣчивымѣ	вѣсерѣчивымѣ
XXI	15	лишѣ	лишѣ
	24	но преодоленіе	преодоленіе
XXII	21	исполнила	исполнила
XXIII	18	лучше	лучше
XXIV	2	злоречія	злоречія
	16	содѣлаешя	содѣлаешья
XXV	11	неисповою	неисповою
	15	по среди	посреди
	18	бѣлѣлись	бѣлѣлись
	25	Леггоны	Леггоны
XXVI	7	принадѣжавшія	принадлежащія
	15	нѣмочисленныхѣ	нѣмочисленныхѣ
	17	великолѣпныя	великолѣпныа
XXVII	11	пламенели	пламенили.
	12	любезныя	любезныа

ПОГРѢШНОСТИ.

страница.	строк.	напечатано.	читай.
	22	небѣсной	небесной
	23	прозвенели	прозвенѣли
	6	вѣщи разположенные	вѣщи расположенныя
XXX	12	основавшей	основавшей
	13	угощовавшей	угощовавшей
	14	спрашныя	спрашываи
	22	лучше	лучше
	10	лѣнорослѣ	лѣнорослѣ
	23	колыхнулся	колыхнулсяя
XXXIII	26	восхождѣлѣ	восхождѣлѣ
XXXV	15	изрещи доблесни ПЕТРОВЫ	изрещи хвалу доблесни ПЕТРОВОЙ
XXXVII	1	первыхѣ	первыхѣ
	15	починеніе сему неуспрашанному	починеніе неуспра- шанному
	18	разрившей	разрившей
XXXVIII	9	персяхѣ	персяхѣ
	11	надмѣнкою перваго	надменною перваго
	24	лишившейся	лишившейся
	5	знамениныхѣ	знамениныхѣ
	25	любовѣдѣніе	любовѣденіе

ГОСТОМЫСЛѢ

1	1	Во первыхѣ	Во первыхѣ
		РЮРИКЪ	
3	9	верхи	верхи
		ОЛЬГА	
6	2	шмами	шмамами
		ВЛАДИМИРЪ	
9	16	Переславлѣ	Переславлѣ
		ВЛАДИМИРЪ МОНОМАХЪ	
14	7	сидѣлѣ	сидѣлѣ
		ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ	
19	23	занещастіе	занѣ щастіе, или ибо щастіе
23	18	Аггелла	Ягелла
	19	не благословенія	неблагословеніе
26	7	оспановлена радостію	оспановлена была радостію

ПОГРѢШНОСТИ.

шир. строк. напечатано

цѣпной

ІОАННЪ I ВЕЛИКІЙ

27	12	свирѣспшовавшикѣ	свирѣспшовавшикѣ
28	5	во взаимное согласіе	взаимное согласіе
	22	наскучивѣ	наскуча
	29	Хвалынскаго	Хвалынскаго
	3	первыкѣ	первыкѣ
32	3	доблеснямѣ	доблести
	17	сѣ несмынною	сѣ несмынною
33	16	сопоснамовѣ	сопоснамовѣ

ІОАННЪ II ВЕЛИКІЙ, ГРОЗНЫЙ.

44	15	своихѣ святая свяныхѣ	своя святыя свлтыхѣ
45	15	вѣ недрахѣ	вѣ недрахѣ
46	4	вязкой или	вязкой или
	25	легѣоновѣ	легѣоновѣ
47	13	и на прочихѣ	и прочихѣ
48	25	иниисная Булакѣ	иниисная рѣка Булакѣ
50	22	кѣ Князямѣ	кѣ Князямѣ
	24	горѣ	горѣ
56	15	при водахѣ обширнаго Байкала	при водахѣ обширнаго Байкала
57	2	Султанѣ трепещетѣ	Султанѣ печалетѣ
	26	рыцаревожаные	рыцаревожаные
58	21	онѣ Карла V по его желанію кѣ нему присланныя	онѣ Карла V по желанію Іоанна присланныя
59	15	нагнѣшеннымѣ	нагнѣшеннымѣ
61	6	болезненно	болѣзненно

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ

64	1	сперва	сперва
65	4	колосѣ	колосѣ
	9	искусно	искусно
67	12	благоговели	благоговѣд
	3	строк. прилвчанія (*)	
68		лучшее	лучшее

МИНИНЪ

70	5	послѣднею	послѣднюю
----	---	-----------	-----------

ПОЖАРСКОЙ

72	20	презрѣвый	презрѣвѣ
----	----	-----------	----------

ЛЪВОВЪ Почепской

76	10	а на злодейскую	а на злодѣйскую
	15	Сей предокѣ	Се предокѣ
	18	лучше	лучше
		извѣстнѣ	извѣстнѣ

ПОГРѢШНОСТИ.

стр. строк. напечатано

читай

77 II испытуемъ
78 12 самые лучшіе

испытуемъ
самые лучшіе

Памятники Россійскихъ Ироевъ осмагонадесять вѣка.

ДОЛГОРУКОЙ

I II самого

самого

СУВОРОВЪ

7 17 рѣки
25 много

рѣки
много

КАРТИНА
СЛАВЯНСКОЙ
ДРЕВНОСТИ

Сочиненіе Павла Львова

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Измѣни заведенное сельское празднество, по окончаніи жатвы отправляемое во всей Бѣлозерской сторонѣ и извѣстное подъ именемъ *отжина*, было виною сего сочиненія, которое названо *Картиною Славянской Древности* во первыхъ потому, что Сочинитель изображаетъ въ немъ картину тѣхъ временъ, когда еще Славяне поклонялись своимъ кумирамъ, имѣли на островѣ Ругенѣ, — что близъ Помераніи, — великолѣпный храмъ *Свѣтовида*, и когда они дѣйствительно отправляли въ честь сего бога и *Триглавы* празднество по окончаніи жатвы съ великими жертвоприношеніями. Заключая по именамъ *Леля*, *Дидо*, *Лада*, кои были имена боговъ Славянскихъ, и упоминалися въ пѣсняхъ, пѣшыхъ жнецами, полагаю должно, что праздникъ *отжина* происходитъ отъ того древняго празднества, которое отправляемо было въ Руге-

нѣ. Во вторыхъ, сочиненіе сіе названо *Картиною Славянской Древности* и потому, что оно основано на самыхъ старинныхъ обрядахъ языческаго поклоненія за долго до Христіанской вѣры существовавшаго, и на Историческихъ истиннахъ тѣхъ вѣковъ, когда еще жили на сѣверѣ Славяне - Руссы, соединившіеся съ Варягами, Рурикомъ приведенными, и поклонявшіеся также *Одну*, какъ и древнимъ богамъ своимъ. Незвѣстный, но почтенный за ревность его ко славію Россіи, писатель Историческаго представленія изъ жизни Рурика, увѣряетъ согласно съ Исторіею, — см. стр. 52, а въ Рос. Ис. Тап. Ч. 1 гл. 2. стр. 16 и 17, — что Славяне - Руссы и Варяги чтили *Одина* и во многомъ придерживались Скандинавскаго баснословія; а достойный вѣроятія Г. Волшинъ, искуснѣйшій вѣдатель Россійской Исторіи, въ примѣчаніи своемъ на оное представленіе, изъ жизни Рурика, подтверждаетъ всѣ обряды поклоненія *Одну*, съ чѣмъ согласуясь Сочинитель сей Картины, расположилъ празднество *отжина* по соединеннымъ обрядамъ поклоненія двухъ народовъ, Славянскаго и Варяжскаго. А что *Одинъ* былъ обожаемъ Славяноруссами и Варягами, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; и естли вѣришь Исторіи, которая предсхавляетъ Россію первымъ театромъ геройскихъ его подвиговъ, —

когда явился онъ отъ сѣверозападной стороны пошта Евксинскаго (Чернаго моря), и шель въ Скандинавію черезъ Голштинію и Юшландію: — по слава имени *Одинова* и рыцарскихъ временъ его принадлежишь болѣе Россамъ, нежели Шведамъ и Дашчанамъ. Но здѣсь не нужно входишь въ шоль подробное изъясненіе объ *Одинѣ*; ибо къ оправданію мнѣнія Славянъ о жизни будущей и всего того, что изображено въ сей *Картинѣ Славянской Древности* относительно до баснословія Скандинавскаго и Славянскаго, довольно показано въ Историческихъ примѣчаніяхъ. Наконецъ, дабы картина сія была достойна Славянъ, шо Сочинитель не терялъ изъ вида Римскую древнюю пѣснь еполѣштя: *Carmen Seculare*, которую приказаль Августъ Горацію сложить въ честь Аполлона и Діаны. Сообразуясь съ начертаніемъ оной прекрасной Гораціевой пѣсни, въ коей знаменитый Пѣвецъ сей обращается къ Августу и воспѣваетъ славу времени его вѣка, Сочинитель и *Картины Древности Славянской*, при исчисленіи древнихъ побѣдъ въ цѣломъ мірѣ Славянами пожашыхъ, говоритъ иносказательно о побѣдоносномъ вѣкѣ ПАВЛА I, нареченнаго *Спасителемъ народовъ* и дерзаетъ словословить Сына Его, Ошца Россіанъ, АЛЕКСАНДРА I, котораго, милосердіе содѣлываетъ богоподобнымъ. . . .

Словомъ, одна лишь ревностная любовь къ Отечеству
составляетъ всю цѣну сего сочиненія. — Не шокмо
спарина, но и *дымъ отггства пріятенб.*

песчанья вершины свои выше лѣсовъ вдали синѣющихъ, а съ другой величественное Бѣлоозеро соединяетъ съ небесами обширное дово шумныхъ волиб своихъ. Множество шельцовъ и двенадцать коней (7), бѣлыхъ какъ снѣгъ, уготовано для жершвы. Главный Жрецъ, въ богашой одеждѣ съ двенадцашью Жрецами (8), ему подвласными, восходитъ къ олшарю. За ними идушъ двѣ прекрасныя дѣвы въ одеждѣ алаго цвѣша, цвѣша веселія и юности; у персей ихъ, златые поясы; на челѣ, драгоцѣнныя повязи; на выяхъ, ожерелья крупнаго жемчугу сливающъ млечную бѣлизну свою съ лебединою бѣлизною ихъ шѣла. Онѣ дщери мужей славныхъ, и избраны для священнослуженія при жершвенныхъ обрядахъ. Одна изъ нихъ представляетъ богиню *Марцану* (9), и несетъ на главѣ снопъ; а другая богиню *Сѣву* (10), и шествуетъ съ кошицею, плодами и мустомъ наполненною (11). Въ слѣдъ за ними пригожій юноша, представляющій бога *Услада* (12), несетъ для освященія сосуды пивомъ и медомъ полные (13). Народъ раздѣленъ на многіе сонмы; на сонмъ юношей, дѣввъ, женъ, старцевъ и сонмъ мужей, но сонмъ пресстарѣлыхъ воиновъ преимущественнѣе прочихъ. Герои сіи, проведшіе жизнь въ побѣдахъ, стояшъ ближе всѣхъ къ олшарю, опершись на копя, острѣемъ къ землѣ обращенныя. Собравъ истощенныя во браняхъ силы свои, они пришекли во всемъ убранствѣ ратнаго снаряда: тяжелая колчуга покрываетъ согбенное шѣло ихъ; сѣдые волосы ихъ висятъ изъ подъспальныхъ шлемовъ, орлиными перьями осѣненныхъ, и мѣдные щипы на шуйцахъ ихъ рдѣютъ, какъ полная луна сквозь тонкое облако, ошъ громоносной шучи ошдѣлившееся. — Всѣ безмолснвующъ; шокмо шумъ волиб озера и ржаніе

крушащихся коней, которые рвущая какъ бы обогнашь и самые вихри, нарушають всеобщую тишину. Верховный Жрецъ становившя предъ олшаремъ на колѣна и читаетъ тайныя молитвы. Начинающееся утро, чистое небо, благоговѣнне народа, Жрецъ сползшій на колѣняхъ съ воздѣшными къ восшоку руками, и куреніе благовонныхъ лозѣ, придають сему позорищу разительную важность, приходящую каждому въ священный ужасъ. По окончаніи тайныхъ молитвъ Жрецъ возснаетъ, обращается къ народу, и скинувъ его величавымъ взоромъ своимъ вѣщаетъ:

Ж р е ц ъ.

Свершился благовѣстный знакъ дыма (14); ликуйте земледѣльцы. — Воспойте хвалебную пѣснь свѣтлдамъ небеснымъ ущедрившимъ жалвы. Уже не спрутся по нивамъ разсыпанная поверхность златыхъ класовъ; они пали подъ острозубымъ серпомъ жателей, и съверный вѣтръ свисшишь, пробѣгая въ поляхъ частые ряды сноповъ, клонящихъ долу зернистые верхи свои. Довольная *Марцана* и долговласая *Сва* уже несутъ плоды въ даръ подашелоу благу *тетыреобразному Свѣтовиду* (15), созерцающему предвидящимъ взглядомъ всепроникающихъ очей своихъ, чешыре конца вселенныя, и коему самъ родителемъ радости *Усладъ* посвящаетъ златыя фѣалы свои, полныя искромешнаго меда и пѣнистаго пива, напишками, веселящими сердце браноносныхъ племень Нордомъ чинимато *Одана* (16).

Свѣтовидъ охраняетъ Славянъ; онъ милуетъ роды ихъ. Въ сей день священный *Ахронейскій храмъ* (17) гремитъ ему порожесивеннымъ пѣніемъ, коему ошвѣтсшеуешь веселошзывное эхо рошъ и горь всея Рутены. Воспоемъ же и мы древнюю пѣснь праотцевъ нашихъ озаряющему дни *Свѣтовиду*, и осребряющей ночи *Триглавъ*.

Стекайтесь пресшарѣлые и младые Славянороссы, достохвальныя пошомки славныхъ предковъ! Грядите блѣдурумянныя Россіянки, сестры, супруги, дщери, невѣсты богатырей (18), украшеніе страны нашей и честь черноокихъ матерей своихъ; стекайтесь громотасныя юноши, и вы, честію вѣнчанныя войны! возгремите пѣснь давнюю покровительсивующему насъ *Свѣтовиду*. Онъ даруетъ изобиліе плодовъ и споль же ярко освѣщаетъ нынѣ побѣды наши на Западѣ, сколь пламенно осіявалъ ихъ доселѣ на Воспокѣ и Полунощи (19). А вы, голосисшыя жены и милоликія дѣвы, воспойте *Триглаву*. Васъ, дѣвы, пышный цвѣшъ добродѣтели, любовь и радость душъ геройскихъ, васъ научаетъ она образомъ своимъ крошккому цѣломудрію, вдыхаетъ въ васъ шихій нравъ и въ дѣвическихъ, уединенныхъ шеремахъ вашихъ, въ сихъ сокровенныхъ ошъ спрасшей кранилищахъ невинности, кои спретомы богинями *Носсою* и *Линою* (20), разполагаетъ она не видимою рукою ваши очаровательныя прелести. А къ вамъ, жены,

владычицы великихъ сердець, приводитъ *Триглава* возшорги и щастіе въ благословенную сѣнь супружеской вѣрности; блюдетъ непорочное, кедровое ложе ваше и благопоспѣшествуетъ рожденію непреборимыхъ рапшборцевъ нашихъ! Всѣ же купно будемъ молишь свѣтоносныхъ боговъ сихъ, да пронесуть они вмѣстѣ съ лучами своими славу ошечесва нашего въ грядущіе вѣки.

Обращаясь къ небесамъ.

Призываю васъ, бессмертные чада *Повелителя вѣковъ* (21), сладкоглаголивый *Бальдеръ* (22) и *Браге* (23), и себя, прекрасная *Идуна* (24), хранящая яблоки, обновляющія юность боговъ. Вы даруете сладость *питію* *Одина* (25); да будутъ пѣсни наши толико же торжественны, какъ древле пѣніе свыше вдохновенныхъ *Скальдовъ* (26), внушителей и пишателей славы; или толико доброгласны и восхишительны, какъ звуки *Барда* (27) временъ нашихъ, славящаго знаменитые подвиги вѣщносныхъ потомковъ *Рурика*, *Князей* и *Воеводъ* *Славно-Россійскихъ*.

Съ восторгомъ и въ пророческомъ
изступленіи восклицаетъ:

Се слышанъ шумъ ярыхъ волнь играющаго озера;
онѣ плещуть у мшистыхъ камней, свидѣтельсвую-

щихъ бышновъ споллицы *Синава*. Сей дробный шумъ возвѣщаль намъ недавняя побѣды, новыя шоржешства на Западѣ великаго и быспроумнаго Воеводы нашего *Всеслава* (28), коему самъ *первоначальный Перунъ* (29), сильный богъ, чествуемый въ Великомъ Новѣ-градѣ и громкомъ Кіевѣ вручалъ на пораженіе сопоставовъ молніеносный шаръ свой изъ огненныхъ рубиновъ и пламенныхъ карбункулей слѣянный. Начнемъ, Славяне, начнемъ моленіе *Свѣтовиду* и *Триглавѣ*, искони знаменующимъ славу нашихъ Царей и нашихъ опцевъ. Уже лучезарное чело *Свѣтовиды* явилось на горахъ; — златыя кудри его развѣваются по облакамъ Востока; зажигайте дубы и благовонную пихту. — Начинайте Славянороссы!

По сихъ словахъ мгновенно зажигаютъ двенадцать дубовъ и двенадцать пихтъ. Начинается жершвоприношеніе. Тельцы упадаютъ подъ священною сѣкирою. Полагаются на олшарь плоды земли, и вливается на нихъ медъ и пиво. Между шѣмъ сонмы народа начинаютъ пѣшь попеременно.

(Пѣсни ихъ шаковаго содержанія:)

Ликъ старцевъ, мужей и юношей.

Прославимъ и воспоемъ одушевляющаго всю шваръ *Свѣтовиды*, спраны и грады наши охраняющаго (30).

Ликъ женъ и дѣвъ.

Воспоемъ крошкую *Триглаву*, шишиною и покоемъ жилища наши ограждающую.

Воины водружаютъ копыя свои въ землю.

Д и ж ъ о б щ и й.

Благодаримъ васъ, свѣшила живошворящія Природу! за всѣ ниспосланныя къ намъ щедроты въ нынѣшнее лѣпообращеніе. — Будьте всегда къ мольбамъ нашимъ преклонны.

Молимъ васъ: внимайте гласу сердець нашихъ; даруйте намъ всевождедѣйныя блага, украсьте величіемъ и славою вѣнецъ нашего бѣлаго Царя.

Ошвратите отъ отечества нашего всякое зло; да погрузится оно въ подземныя пропасти страшнаго *Нія* (31).

Ю н о ш и и Д ѣ в ы.

О веселовзорый *Свѣтовидѣ!* Царь дней златокудрявый, всегда молодой (32), всегда пригожій! И ты, прелестная *Триглава*, царица лѣсовъ, любящая глядѣться въ зеркалѣ водъ, краса и честь небесъ! внимайте мольбамъ нашимъ.

Ушучни, благоносный *Свѣтовидѣ!* въ послѣдующіе годы нивы наши плодорасшипительною *ланацесо* (33) каплющею со свѣслыхъ власовъ твоихъ.

А ты, благовлапительная *Триглава!* отжени серебряными стрѣлами твоими отъ стадъ и полей нашихъ звѣрей хищныхъ и всякое плешворное повѣтріе.

Ликъ общій.

О лучезарное солнце! ты, котораго свѣшодательныя очи обыкли зрѣть величїе Нова - града и славу Кїева, молимъ тебя: укрась паче страну рожденїя нашего.

Молимъ тебя: укрась ее тако, дабы во всемъ безмѣрномъ пуши швоемъ чрезъ пространныя поприща вселенной ни единая страна прекраснѣе и славнѣе Россїи тебѣ не встрѣчалась, и дабы народы свѣша, прельщенные блаженствомъ дней нашихъ, спекались ошвсюду подъ державу Монарха Россійскаго, какъ въ величїпный храмъ Бога благотворящаго.

Мужи, старцы и воины.

Свѣтовидъ! богъ ратоборцевъ! доселѣ содѣйствовалъ ты Рурику въ стремительномъ побѣенїи Галловъ (34), покорай и нынѣ Славяноросскому Владыкѣ градъ и царства.

Твоими лучами блискавшій мечъ Игоревъ приводилъ тьмы сопрошивныхъ въ шрепешъ; храбрый Святославъ, покрышій швоею адамантовою бронєю, ужасы и споны ошмещающею на сильныхъ Грековъ, дивно превозмогъ несмѣшное ихъ ополченїе (35).

Сколько было вѣковъ богашырскихъ! Скандинавскїе Королевичи къ намъ приходили научаться ратобор-

ствію (36). О солнце! вездѣ ты сопутствовало всегда
шоржественнымъ орламъ Россіи.

Но пусть текутъ вѣки невозвратно — сыны славы живы.
Они ликуютъ въ свѣпозарной *Валкѣ*.

Просимъ тебя, *Свѣтовидѣ*! да не поспигнутъ насъ
неминуемая *Норниры* (37) въ праздности; но даруй
намъ жребій опцевъ нашихъ.

Да встрѣшатъ насъ священныя *Валки* (38) посреди
побѣдъ, или шрудовъ гражданскихъ, опечеству поле-
зныхъ, и съ честію да проводятъ чрезъ *мостѣ боговѣ*
(39) въ превѣчный чертогъ Одиновъ.

Тамъ, вмѣстѣ съ прародителями нашими пьющими
пиво, веселѣмъ безконечнымъ духъ ободряющее, да
будемъ и мы причастны непрерывно радостному пи-
рованію ихъ.

Ю н о ш и.

Вѣчно - молодой *Свѣтовидѣ*, богъ сіянія и войны!
даруй намъ храбрость и преодоленіе во брани; даруй
намъ силу сошерпи дланію нашею съ лица земли вся-
кое зло, прошивное богамъ и вредное человечеству.

Да возблистають наши *щиты ожиданія* (40) до-
стопамятными изображеніями, и опечество да удосто-
ишь внести наши имена въ преславныя свои *лѣпо-
писи* (41).

Ж е н ы .

Цѣломудренная *Триглава!* ты, копорую чпяшь въ странахъ дальнихъ подъ именемъ *Иллиты* и могущественной *Луцны*, но копорую мы величаемъ наименованіемъ *Дидили* (42), благопоспѣшествующей чадорожденію, взываемъ къ тебѣ!

Даруй, чшобы поколѣніями Россіянъ наполнилося все имѣющее быти пространство вѣковъ.

Благословляй всегда дражайшія намъ узы *Полеля* (43).

Обогаши дома наши сынами мужественными, сугубящими славу ошечества; дщерами прелестными, плѣняющими любовью сердца Царей иноплеменныхъ (44).

Даруй, разящая звѣрей богиня! да каждая Россіянка приносишь на свѣшь или богатыря, заступника чловѣковъ; или красосу, цвѣшь добродѣтели.

Д ѣ в ы .

Просимъ тебя, непорочная богиня шшины и уединенія! исполни дни наши миромъ, щасптемъ и любовью родительскою.

Украшь нашу юность Цѣломудрѣемъ, кротостію и благонаравіемъ, сокровищами, возвышающими прелести нашего пола, превосходящими самую очаровательную красосу.

Но когда всецельный сынъ *Лиды* (45) устремилъ на насъ свои пламенные стрѣлы, то благоволи, богиня! милующая невинность, или навсегда отвратишь ихъ отъ дѣвической груди нашей; или чтобы сердцами нашими обладали рыцари, достойные славы.

Сохрани въ насъ во всю жизнь нашу почтенный образъ матерей нашихъ!

Муж и Старица.

Скромная богиня пишущая глубокомыслие! Великій Господомысль и несравненная въ женахъ *Прекраса* (46). уединясь въ тайнственики свои, посреди ночнаго безмолвья, бесѣдовали съ тобою о народномъ благосостояннѣ.

Примѣромъ своимъ они изстребили зло, чтили испинну и мудрость, устроили счастье подданныхъ и на благѣ общемъ основали славу.

Скипродержцы и Князи изъ краевъ далекихъ пришекали дивиться имъ и научаться отъ нихъ.

Обылось, богиня! чудесное свидѣннѣ, *Гостомыслу* тобою явленное о дочери его *Умилѣ* (47).

Уже пресвѣтлая багряница Славяноросскаго Царя покрыла полѣвѣша, подобно тому пророческому древу, которое возникнувъ изъ нѣдръ *Умилы* до облакъ, осѣнило богатолесивенными вѣшвями своими градъ великнй, и отъ плода его насыщаются люди земли.

Свершай, богиня, благость твою, свѣти Россу-

Славянину въ достохвальныхъ его подвигахъ, да вознесешся онъ превыше всѣхъ земнородныхъ.

Ликъ общій.

Свѣшила, прославляющія превыспреннюю твердь! исполняя не исповѣдимо дивное круговращеніе ваше въ безпредѣльномъ царствѣ небесъ, повелите днямъ и часамъ за вами послѣдующимъ, да къ намъ грядущь они сопровождаемы пѣснями радости, плесками шоржества, празднествами побѣдъ.

При наступленіи годовъ новыхъ, пошлите къ намъ заблаговременно веселую *Зилцерлу* (48), покрывающую холмы душистыми злаками, дабы косненіемъ своимъ не воспрепятствовала она бѣлокурой *Сѣвѣ* (49) обогатить драгоцѣнною жашвою нивы, заботами упитанныя.

Тебя же, богъ пастырей, скотопитатель *Велесѣ* (50), просимъ размножь и усучни среброрунныя стада наши.

Сильные боги! къ намъ обратите цѣлебныя воды ошвсюду; да спруяшся онѣ по долинамъ нашимъ, и здравоноснымъ сокомъ упитайте всѣ прозябенія.

А ты, великая *Триглава*, царица созвѣздій, покровительствующая мореплавателей! услышь гласы наши, къ тебѣ единой возсылаемые: управляй Славяно-Росскими конями *волнѣ* (51); проведи ихъ безбѣдно

чрезъ глубокопучинные океаны, *опоясующіе землю* (52); да соединяясь они съ нами *новый свѣтъ* (53).

Наши *кони* да сокрушаютъ на *полѣ разбойниковъ коней* сопротивныхъ, и обремененные чужеземными добычами, да возвращаются они въ необуреваемыя отечества присшанища.

Юноши и дѣвы.

Боги, хранители прародителей нашихъ! не различайте съ нами никогда прещасливаго и всевожделѣннаго *Колла* (54). Подъ мирнымъ его кровомъ да успокоятся отцы наши и брашья, со славою возвращившіеся съ полей ратныхъ.

Старцы и мужи.

О солнце и луна! украшеніе величѣннаго зданія міра! молимъ васъ: вѣдрите навсегда въ снранахъ и сердцахъ нашихъ добродѣтели нашихъ предковъ; благоговѣнное повиновеніе законамъ и любовь общую; ибо *теловѣкъ теловѣку дѣлаетъ радость* (55).

Любовь общая, сокровище дражайшее самыхъ *слезъ Фрей* (56); броня швердѣйшая адаманта; ею процвѣщаетъ слава и щастіе отечества; ею хранятся и распространяются царства; она блюдетъ порядокъ, пищу и свяшость гражданскихъ добродѣтелей (57).

Когда же должно ратоборствовать, то пусть

лучше устелешся костями сыновъ нашихъ поле брани, нежели придуть они къ намъ со стыдомъ; намъ оградѣ видѣшь ихъ мертвыми, нежели шоящимися во плѣнѣ; уничиженіе и позоръ ужаснѣ самой смерти (58).

Лучше жить хорошо, нежели долго. Когда теловѣкъ раскладываетъ огонь, смерть къ нему придетъ прежде, нежели онъ потухнетъ; но слава остается по смерти и не угасаетъ; она переживаетъ и самое время (59).

Ликъ воиновъ.

Они поющъ, ударяя сулицами въ щипы, въ знакъ шоржества и радости.

Одинъ — любитъ роды наши, Свѣтовидъ охраняетъ наши воинства, Перунъ предшешвуешь имъ, и Россамъ побѣдителямъ чуждъ позоръ плѣна: они отважно бьются мечами въ кровавой банѣ (60).

Цѣлыя црства, доселѣ страшныя, повинуются днесь законамъ Царя нашего, обладашеля полсвѣпа. Боги и вселенная свидѣтели въ шомъ, сколь преславны подвиги предковъ нашихъ, коихъ священный прахъ честно почіетъ въ нѣдрахъ ошечества. Славны дѣла предковъ и племень ихъ!

Въщаешь шо сама древность, како праошцы наши прославились побѣдивъ на Фракійскихъ поляхъ Императора Гордіана и како владычешвовали они въ Галліи и Иверии. *

Подобно древу опъ уларовъ сѣкиры возколебавшемуся, со всѣми его проспранными вѣшвѣями, потрясся Царьградъ, со всѣми градами Элады опъ мышцы мудраго Олега (61).

Не шако шренещешъ слабый опрокъ, увидя крушащагося предъ ними коня, роющаго конышами землю и наполняющаго всю окрестность грознымъ своимъ ржаніемъ, какъ уштрашился оружія Славянъ гордой Римлянинъ; *страхъ вселенныя* (62) ими былъ сокрушенъ.

Опды наши вспомошесивовали громкому Македоняину въ завоеваніи мѣра (63). Они опшверзли ему враша храма вѣчныя славы.

Когда громоносная буря востекаетъ на сводъ небесный, сыплешъ опадающія молвіи свои въ мрачныя дебри, искореняешъ древа и наполняешъ все ужасомъ: тогда звѣри хищныя жмушся въ глубокихъ своихъ вершепахъ, и самыя спрашныя чудовища дрожатъ: шако шоржественныя знамена Славянороссовъ привели въ страхъ *Персовъ* (64).

Какъ румяная заря ясными лучами своими истребляешъ мракъ, уничтожаетъ густыя шуманы и гонитъ ночныхъ пшицъ укрышся въ дремучій боръ; настаешъ красный день, и человекѣи веселяшся: шако прогналы мы *Чингиз-Хановы* орды скишашся по степямъ, и свергнувъ злодѣйское иго кровопійца *Батыя* (65), ликуемъ нынѣ въ красотѣ нашего благоденшья.

Подобно смущенному пушнику, зрящему себя подъ чернымъ кровомъ осѣнной облачной ночи, содрогающемуся, внемля свисѣть вѣшровъ и рыканіе лѣсныхъ вишателей, въздыхающему, и невѣдающему куда направить стопы свои: подобно ему смятенъ былъ неуспрашимый рыцарь Тевшоновъ (66), когда спѣснила его десница Россовъ.

Гдѣ ша кремнистая скала, кошорая доселѣ возносила къ небесамъ гордое чело свое надъ пучинами Понша? Она держала засипраняшь сѣяніе восходящаго солнца; гдѣ же она днесъ? Всесильный богъ грома, Перунъ сокрушилъ ее, и шокмо что ревъ волнъ ее поглотившихъ, раздаешся по ошдаленности: шако сбилось со шропшивымъ Гопшомъ (67), когда Славяноросскій богоподобный Вишязъ и Законодатель, олшарей достшойный, низложилъ его кичливость.

Подобно злобнымъ коршунамъ, шерзающимъ робкихъ врановъ, но мяшущимся и цѣпенѣющимъ, увидя орла окресить солнца парящаго, несмѣшныя ополченія Агарянь, обладашелей многихъ народовъ, мяшущся и бѣгутъ ошь сонма побѣдоносныхъ рашоборцевъ нашихъ (68).

А пагубоносная Ливва гдѣ? гдѣ сѣя древняя злокозненная грабишельница Россіи? . . . Россш свѣяли ее, какъ прахъ, съ лица земли (69).

Но шщешно мы шщимся ишчешть великія дѣла нашихъ опщевъ и согражданъ; ешшли бы мы умножили тысячью и шмами побѣды ихъ, шо и тогда не всю,

не всю бы еще измѣрили ихъ славу (70). Кто перечесть лучи солнечныя, кто припомнишь и всѣ знаменитыя подвиги племянъ Славянскихъ.

Да и въ семь новомъ вѣкѣ намъ же, Славянамъ, свыше опредѣлено было спасать Царей на западѣ, и рѣшишь судьбу престоловъ; никому, кромѣ Росса, боги не ввѣрили сноть многочестнаго подвига.

Между тѣмъ какъ ось востока до запада пламенѣла вселенная огнемъ брани, у насъ процвѣтало спокойствіе.

За предѣлами Россіи, сего царства мира, все объято было ужасами войны кровавой, и младенцы шрепешали на рукахъ матерей своихъ; — а мы вкушаемъ плоды благоденствія.

Между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ спучишь плугъ рашая о черепы согражданъ его, и земледѣлецъ собираешь хлѣбъ съ нивы кровію сродниковъ его ушученной, мы поржесвуемъ побѣды наши и въ покоѣ внемлемъ произшесствія мѣра.

Сугубо благодаримъ васъ, Властители судьбы! и молимъ: дополните, дополните вождѣльное число щедрость вашихъ! просимъ васъ: дабы сродное къ великимъ дѣламъ юношество наше процвѣтало всегда въ доблести; а подъ шлемомъ посѣдѣвшая спаросшь да насладится честію внуковъ своихъ!

Ю н о ш и.

Ошжените, боги, опть спраны нашей дерзновенныя
ополченія иноплеменныхъ на сушѣ и на моряхъ, по-
вергните подъ неколебимую пяту опцевъ нашихъ ужа-
сныхъ *Волотовъ* (71) и чудобразныхъ *Полжановъ* (72),
спрашилищъ оскорбляющихъ Природу.

Старцы и мужи.

А ты, грозное божество! люшый *Черно-богъ* (73)!
обрати бѣдствіе, гибель и всѣ напасти на главу шѣхъ
законенныхъ враговъ, кошорые шайно покусяшся на
насъ.

Да покроешь пепель грады ихъ; да порасшущъ
мхомъ ихъ жилища; спада быспроногихъ ланей да
опдыхающъ не робко шамъ, гдѣ свершались шумныя
ихъ пированія; ушроба звѣрей дубравныхъ да будешъ
гробницею лишеннымъ *тризны* (74) косшямъ ихъ;
всепожирающій жупель огненными языками своими да
полижешъ ихъ землю, и мимоидущій спранникъ да
не познаешъ мѣста обипалища ихъ.

Ликъ общій.

Но да украсяшся обилѣемъ веси наши; да возни-
кнущъ до звѣздъ златоглавыя грады Россовъ; славно-
престольныя столицы Царей нашихъ да превзойдушъ

лѣпошою своею дивный Бавилонъ, споврашныя Оивы (75), страшный свѣту Римъ, и всѣ возпѣшыя грады Ахейскіе. Благоденствіе да водворишся у насъ во вѣки.

Воины, старцы, мужи и юноши.

Чудесныя свѣшила, знаменующія величіе неба! благодаримъ васъ за подвиги побѣдоноснаго *Всеслава*, громкаго Князя и Воеводы силъ превосходной часши свѣша. Онъ былъ честію ошечества и дивомъ всего міра.

Вешкая лѣпопись вселенной вѣщаетъ, что шако древле нѣкій знаменимый во Грекахъ, Апридъ, вель Царей къ стѣнамъ Илліона; во дни же наши боги избрали *Всеслава*, избрали Росса предводишельствовашъ *Порфирородными Вытяжами*.

Ему поручили они раздавать скиптры Царямъ; ему ввѣрили судьбу міра, и великому духу его не было препонъ.

Страшныя горы, чудовищныя чада Гельвеціи, преклоняли предъ нимъ главы свои, громадами вѣчныхъ льдовъ увѣчанныя и превыше облаковъ блистающія.

Онъ премѣнялъ ужасныя спремнины въ удобо-проходимые доли; солѣшшвующіе свѣту водопады, щѣлыя скалы ишпоргающіе, уступали ему пушь; онъ

превозмогалъ непреодолимую Природу.

Вамъ шокмо единымъ, сильные боги! вамъ шокмо не шрудно шворить шоль разишельныя чудеса, какія шворилъ *Всеславъ*, приводившей въ недоумѣнїе весь родъ слабыхъ смертныхъ.

Нашъ Россъ, нашъ Князь славы возвышался какъ вѣковѣчный кедръ хребтовъ Гиперборейскихъ и вознесъ купно съ собою опечество свое на самый вышнїй шепенъ безсмертїя; Цари, на югозападѣ рожденные, къ нему въ родство вступали, къ нему, посреди мразовъ сѣвера съ огненною душою родившемуся.

Доколѣ швердъ существуешь, дошолѣ шпрана шрожденїя его почшется первою шпраною во всей подсолнечной.

Но когда наступяшъ новые вѣки, вѣки праправнуковъ нашихъ и дни еще шого дальнѣйше, шо и шогда, и шогда храбрые рыцари во сонмахъ своихъ будушъ разглагольствовашъ о великихъ дѣлахъ *Всеслава*.

Мудрые Полководцы, готовясь къ шпсупамъ и боямъ уклоняшя въ безмолвное уединенїе, на холмъ пустынный, и шамъ при дрожащемъ свѣшѣ луны погрузяшя о немъ въ размышленїи; или, при мерцаши полночной лампы, въ шашрѣ безшумномъ, мечшашъ будушъ о его побѣдахъ, и въ его безсмертномъ военнопдѣисшви почерпнушъ шримѣры дошохвальныхъ побѣдъ своего времени.

Наши правнуки, дѣды новыхъ потомковъ, не прешануть швердишь въ пѣсняхъ шоржешва его громкаго имени.

Онь негибляющихъ памянниковъ его посылающя лучи славы въ сердца ихъ позднѣйшихъ потомковъ, и возродитъ въ нихъ подобныхъ ему богатырей.

Иноплеменникъ съ благоговѣнїемъ скажешь о немъ сыну своему: *се богъ войны во образѣ Росси!*

Подъ освященною сѣдиною, коею лѣша и подвиги украшали неогнѣнную главу его, скрывалась неушомимая быспроша къ побѣдамъ; она была стремительнѣе полена орла младаго.

Яко швердое чело *Русея* (76) неколебимо посреди всеокрушающихъ бурь, шако да будешь онъ славень во всѣхъ вѣкахъ.

Юноши и дѣвы.

Склоните слухъ вашъ, божества предковъ, къ самымъ пламеннымъ мольбамъ нашимъ. Свершите, свершите усердное наше желанїе: дайте всѣ благи дражайшему намъ Царю; мы посвящаемъ ему всю жизнь свою.

Воины, старцы, мужи и жены.

Повергаемъ предъ тобою, о правящей временами *Свѣтovidъ!* сїай во всемъ велелѣнїи лучей швоихъ по-

среди яхонтоваго свода небесъ! услышь гласы наши и сверши наше всеобщее желаніе.

Утѣшай всегда сердце Царево; мы прилѣплены къ Нему всею душою; и веселіе Его — наше щастіе.

Въ сіе время приносяшся кони на жершву, яко даръ лучший и угодибшій Свѣшовиду; начинаюшся разныя гаданія, и главный Жрецъ созерцаваешъ внушрешняя жершвъ.

Л и к ъ о б щ и й.

О вседѣйствующій *Свѣтовидѣ*, и побѣждающая иракъ ночей *Триглава!* боги, чпимые подь различными именами у всѣхъ народовъ, и ны повелишель стихій, *Перунѣ!* и вы мочныя Силы, движущія громаду міра, и всѣ Духи добрые, населяющіе горній чертогъ *Одиновѣ!* внимлите гласы сердець нашихъ.

Призываемъ и васъ, благоносныя созвѣдїя, призываемъ днесь всѣхъ жителей неба, и молимъ низпослать преизящнѣйше дары ваши неизрѣченно возлюбленному Вѣндеславу (77), Великому Царю Славянороссовъ.

Преисполняйше всегда домъ его блаженствомъ и славою.

Тебѣ, *Свѣтовидѣ*, онъ подобенъ въ лѣпотѣ; онъ вожделѣнное солнце дней нашихъ; его сеспры *Прекрасы* да ошастливяють безсмертіе самаго *Одина* (78). Его милые бранья да украсяють доблестію всю нашу спра-

ву; его благолюбивая мащерь, да покровишельсшвуешъ всегда челоувѣчество; его нѣжную учасшницу жизни, въ лицѣ коея мы зримъ всѣ добродѣтели, чинишь не престанемъ нашею мащерью.

Украшайше, Боги, украшайше престоль его правосудіемъ, милосердіемъ и любовію.

Да лѣпше изъ очей его радосшь въ души его подданныхъ, и гласъ его да будешъ всегда гласомъ щасшїя челоувѣковъ.

Могущешвенная десница его да обладаешъ *поясомъ земли и кораблемъ плавающимъ на вѣкахъ* (79).

Онъ сынъ *Слассителя народовъ* (80); ему да покоряшся всѣ племена земныя. Сильные боги! распространише предѣлы царства его опъ востока и до запада, опъ сѣвера и до юга.

Да будешъ Держава его Держава всего свѣта, ибо единому Царю Россовъ, по добродѣтелямъ его, досшоншь бытъ Царемъ всей подсолнечной.

Главный Жрецъ.

Въ восторгъ обращаешся къ народу; слезы радосши кашишся по ланишамъ его; онъ возклицаешъ:

Ликуйше сыны славы, възграйше Россы! Небеса обѣщають намъ явишь сугубыя щедроты. Все благовѣсшвуешъ собышїе нашихъ желаній; великій Вѣнцеславъ

будешь обладашелемъ вселенныя. Се вѣютъ *Догоды* (81);
 древа помаваютьъ вершинами; рѣки плещуть во брега;
 не вой звѣрей, но пѣніе пернатыхъ раздаешся по ро-
 шамъ; птицы рѣютъ, играя въ воздухѣ; огонь *Знѣга*
 (82) ярко пылаетъ; пламенѣютъ дубы (83), и густой дымъ
 ихъ клубомъ вѣсится подь облака; *провѣщательные круги*
 (84) пали бѣлымъ лицомъ въ верхъ. Понесемъ же сіе радост-
 ное упованіе въ дома наши; да исполнишся вся страна
 на веселіемъ, и да възгראютъ младенцы на персяхъ
 матерей своихъ! . . . Слава Россіи пребудетъ во вѣки!

П Р И М Ъ Ч А Н І Е.

- (1) По окончаніи жашвы собирався весь народъ Руганскаго острова предъ капище *Свѣтовидъ* для великаго празднества, и приносился богу сему множеству скопа въ жершву, яко богу поданелю плодѡвъ.
- (2) *Свѣтовидъ*, или *Святovidъ*, богъ сіянїя и войны, верховное божество Славянъ, Вандаловъ, Богемровъ и Пафлагоянъ. Имя его означало *Святый свѣтъ*, всевидящїй, смотр. Ис. Росс. Тап. Ч. 1. гл. 2. стр: 14 и 15 и Опис. Древн. Славянс. Баснословїя. стр. 52. — *Триглава*, Славянская *Дїана*, получившая свое имя отъ приглаваго истукана своего. Она была чшима Болгарами и Вандалами а въ Кїевѣ имѣла капище на поляхъ, какъ Звѣроловица (*Дїана*); Славяне почитали ее и подъ именемъ *Зеваны*, коей молилися о щасливомъ звѣроловствїи. — Опис. Баснослов. стр. 16 и 44. Исп. Росс. Тап. въ той же главѣ и на той же стр. — Изъ сего явствуетъ, что Славяне подъ сими именами обожали солнце и луну, какъ Греки обожали сіи свѣтила небесъ подъ именемъ *Феба* и *Дїаны*, или *Киней*.
- (3) Бѣлозерское Княжество въ старину было славно; оно соснавляло лучшую область Новаграда и извѣстно было въ древности подъ именемъ Веси. Въ немъ жили сѣверные Славяне. А когда Синавъ основалъ на озерѣ свою столицу, коей остатки и поднесъ видны, тогда поселились шумъ Варяги и составили съ Славянами одинъ народъ, введя въ обычай ихъ поклоненїе *Одну*. Попомъ на Бѣль-озерѣ княжилъ Великій Князь Константинъ Всеволодовичъ, и былъ родоначальникъ Князей Бѣлозерскихъ, коихъ знаменитое ополченїе противъ *Мамал* способствовало Димитрїю Іоанновичу Донскому изложитъ сего злодѣя Россїи. — Сїе Княженїе претерпѣло великія бѣды отъ Литвы и Шведовъ; стѣны Кириловскаго монастыря свидѣтельствуютъ, что оный монастырь доселѣ былъ швердая крѣпость въ защищенїе отъ враговъ Россїянами построенная. — Преданїе, согласное съ лѣтописями Кириловскаго монастыря. — Знаменитый лѣтописатель Несторъ родился на брегахъ Бѣла озера.
- (4) Г. Волгинъ въ примѣчанїи своемъ на Историческое предсказанїе изъ жизни Рурика говорилъ, что у язычниковъ Руссовъ не было богамъ храмовъ, но обыкновенно жершвы ихъ приносился на горакъ и холмахъ. — Какой величественной образъ поклоненїя! Исторїя говорилъ, что Игорь при заключенїи съ Греками мирнаго шракташа, клялся предъ Перуномъ на Холмѣ.

- (5) У всѣхъ язычниковъ Сѣвера, а паче у Скандинавовъ и Славянъ, при шоржеспвахъ и жертвоприношеніяхъ зажигались дубы въ честь *Одну* и прочимъ богамъ, вмѣсто факеловъ и свѣчъ. У Варяговъ и Руссовъ зажигалась и благовонная *лихта*, дерево, имѣющее пріятнѣйшій кипариса запахъ и подобное кедру; только иглы его весьма мягки и душисты. оно растетъ въ сѣверной Россіи, около Олонца, Каргополя, Устюга и Архангельска. Сими деревьями нарочно обсаживаемы были священныя и жертвенныя мѣста на время празднествъ, и думатьъ должно, что дубы доспавались изъ южныхъ сторонъ; ибо сіе дерево не растетъ на сѣверѣ.
- (6) Варяговъ хоронили доселѣ съ воинскими доспѣхами, и на шѣла ихъ насыпали высокіе бугры, курганами зовомые, что также было у Шведовъ и у всѣхъ Готевъ, — Исп. Росс. Таш. Ч. 2 — Примѣч. н. 95. стр. 378 и 379. Жизнь Ольги — Ядро Росс. Исп. стр. 41. — О Славянахъ же говоритъ Неспоръ въ той же Исп. Ч. 2 стр. 8. — о народахъ), что ихъ шѣла сожигали, и собравъ коспи въ сосудъ, поспавляли на снопахъ при пущахъ; но первой обычай погребенія сдѣлался общимъ во всей Славянороссіи.
- (7) По числу 12 главныхъ боговъ.
- (8) У Древнихъ соблюдало было вездѣ (равно у Римлянъ и Грековъ) число двенадцать, въ честь числу боговъ; ибо и въ книгѣ Эдды, въ баснѣ VIII написано: „Боги числомъ двенадцать собирались каждой день подъ огромнымъ вязомъ, называемымъ *Идразилъ*, раздавая правосудіе смертнымъ. „И по сему числу избиралось и число священнослужителей, для приношенія жертвъ, и число судей въ судилищахъ, каковы были въ Даніи, Швеціи и Норвегіи подъ названіемъ *Сенапа*.”
- (9) *Марцана*, Славянская богиня жатвы. Во время празднества избиралась двѣ прекрасныя дѣвы, изъ коихъ одна представляла *Марцану*, а другая *Сѣву*.
- (10) *Сѣва* или *Сива*, богиня Славянъ Варяговъ; ее изображали съ длинными ниже колѣнъ волосами; она держала въ правой рукѣ яблоко, а въ лѣвой гроздь и почипалась какъ *Помона*, или *Церера*, богинею садовъ и хлѣбородія.
- (11) *Мустолъ* назывались пироги, изъ меду и муки сдѣланные, кои приносились въ жериву *Сѣттовиду* вмѣстѣ съ плодами.
- (12) *Усладъ* Кіевскій богъ пиршества и веселія. При шоржеспвахъ избирался всегда лучшій юноша и представлялъ бога веселія.
- (13) Еще и понынѣ ведется обыкновеніе у Бѣлозерцовъ приносить сосны и пиво для освященія. Славяне и Варяги долго не знали никакихъ другихъ напитоковъ, кромѣ пива и меду.
- (14) *Знакъ дыма*, было гаданіе по дыму. Руссы и Варяги по обычаю Скандинавовъ вознѣшали коспры изъ шѣлъ жертвенныхъ, зберегае-

ныхъ въ священномъ *Одиноволѣ* лѣсѣ для сожженія въ честь претпѣ-
му богу *Тору*; и естли высоко поднимался дымъ, шо было добрымъ
знакомъ. О дымѣ, см. *Mallet*, introduction de l'hist. ign. de Danemarck.
О богакъ, Ис. Росс. Там. Ч. I. гл. 2. стр. 17. — У Славянъ гаданіе
дымомъ производилоя еще и по *Зничу*, такъ называемому священ-
ному огню, которому сооружены были у нихъ храмы и приносили-
ся жершвы, также какъ у Римлянъ огню *Весты*. Къ сему *Зничу*
прибѣгали съ мольбами въ случаѣ болѣзней и вопрошала оракулъ.

(15) *Четыреобразный Свѣтовидъ*. Кумиръ его былъ преогромной величи-
ны, изъ крѣпкаго дерева, о четырехъ лицахъ, обращенныхъ къ че-
тыремъ сторонамъ міра, востоку, западу, сѣверу и югу, и каждое
лицо означало одно изъ четырехъ временъ года. *Свѣтовидъ* былъ
изображаемъ безъ бороды, съ завитыми кудрями, въ коронккой одеж-
дѣ, по обычаю Славянъ Ругенскихъ; въ лѣвой рукѣ имѣлъ лукъ,
а въ правой роугъ изъ мѣталла; на бедрѣ висѣлъ у него превеликой
мечъ въ серебряныхъ ножнахъ; въ сторонѣ висѣло сѣдло и узда
коня его, и были величины преогромной. Испускалъ сей нахо-
дился въ славномъ Ахронейскомъ храмѣ и завѣщаемъ былъ крас-
ными превеликолѣпными покрывалами.

(16) *Одинъ*, великое божество всего сѣвера (Мальетъ въ веденіи въ
Данскую Исторію описываетъ о немъ подробно). Сей богъ почи-
тался ужаснымъ грознымъ, сокрушителемъ и побѣдоносцемъ, прави-
телемъ вѣковъ, повелителемъ неба и земли, строителемъ неб. свѣ-
тъ, и сотворителемъ челоука, долженствующаго жить вѣчно. Онъ
существовалъ съ *Волотами*, или великанами своими еще прежде
міра. — Вопъ какъ разумѣли о *Одинѣ* всѣ жители Норда. Въ знакъ
набожности своей сѣверные народы посвящали ему четвертый день
недѣли, и называли оной *олензас* или день *Одина* да и нынѣ еще,
во свидѣтельство поклоненія ему, хранится у насъ оставшееся
онѣ Славянъ Варягоруссовъ начальное слово счисленія *одинъ* или
одинъ. Сочинитель Историческаго представленія изъ жизни Рурика
говоритъ устами Добрынича предсказавляя Рурику о судьбѣ преслу-
пнаго *Вадима* точно сими словами: „рикажи его судить по за-
„кону прародителя своего *Одина*; сей пришеде съ Дона проходиль
„часиъ Руссіи; его законъ естъ законъ Славянъ.„ и проч. — и Г.
Болшинъ сего не опровергаетъ.

(17) *Ахронейскій храмъ* былъ храмъ Свѣтовида воздвигнутый въ горо-
дѣ Ахронѣ на островѣ Ругенѣ, близъ Помераніи. Храмъ сей былъ
дивнаго величія и наполненъ богатými приношеніями. Оный
столь же былъ знаменитъ на сѣверѣ, какъ храмъ Ефесской на во-
стокѣ но *Вагдмаръ*, Данской Король, взявъ Ахронъ, разорилъ всѣ
храмы, и сей съ прочими.

(18) У древнихъ Россовъ и Славянъ шиломъ богатыря величали Ге-
роевъ, подвизавшея, рыцарей. Надлежитъ полагать, что это было

шло храброго мужа; какъ нынѣ у насъ шло Кавалера; ибо Владиміръ, сынъ Святослава, наименовалъ *Яна* Переяславца богатыремъ, а онца его ближнимъ своимъ Бояриномъ за побѣду, одержанную надъ Печенегами, и въ честь первому построилъ на рѣкѣ Трубежѣ городъ Переяславль.

- (19) Вселенной извѣстны вѣчнопамятныя побѣды Россійнѣ надъ Турками и Шведами, въ печеніе осмагонадесять столѣтій одержанныя; побѣды, родившія новыхъ Героевъ превзошедшихъ многихъ славою своею прежнихъ Героевъ Европы.
- (20) *Юсса* дочь бога *Одера* и богини *Фреи*, столь была прекрасна, что называли ее именемъ все то, что ни было лучшаго и драгоценнаго *Анна* вторагонадесять богиня: подъ ея присмотромъ были все итъ, коихъ богиня *Фригга* миловала и охраняла отъ злополучія.
- (21) Такъ назывался *Одинъ* у всѣхъ народовъ Сѣвера.
- (22) *Салдоггасловей Вальдеръ* былъ сынъ *Одина*, мудрой, краснорѣчивый и сіющій очами богъ Сѣвера.
- (23) *Бригг* также богъ Сѣвера; онъ былъ покровитель краснорѣчія и Спихонворства; тоже что у Грековъ *Аполлонъ*.
- (24) *Идуна* жена *Браса* богиня хранящая яблоки, которыхъ естли вкушати боги, когда почувствуютъ они себя преспарывающимися, то опять воспримутъ прежнюю молодость и бодрость свою.
- (25) Скандинавскіе пѣвцы *Скальды*, называли спихонворство *литіель* *Одина*. (см. Датскую Исторію).
- (26) Скальды были Скандинавскіе Спихонворцы и Пѣвцы, тоже что *Барды* у Каледонянъ. Датскіе и Шведскіе Короли никогда не выступали на войну безъ *Скальдовъ*. *Геральдъ* давалъ имъ на пиракъ первыя мѣста. Они не знали льсти, строго разсматривали дѣла Героевъ и предавали еѣ попомню токмо достойные хвалы подвиги. Одинъ Норвежской Король поставилъ многихъ изъ нихъ около себя въ день сраженія, и сказалъ имъ: вы не повѣсвуйте, что услышите, но что сами увидите собственными вашими глазами..
- (27) *Бардъ ереленъ нашихъ*. Подъ симъ шло Пѣвца вдохновеннаго кто не узнаетъ Гавріила Романовича Державина, коего гремкая лира раздаваться будетъ и въ самыхъ отдаленнѣйшихъ вѣкахъ? -- *Бардъ* на Цельскомъ языкѣ значить *пѣвецъ*. Барды воспѣвали славныя дѣла Героевъ. Они столь почитены были отъ народа, что ставъ на средину двухъ войскъ, могли остановить сраженіе, хотя бы оно и начато было. Барды почитались самымъ вдохновенными и были судьями поведенія гражданъ своихъ. *Тренморъ*, прадѣдъ славнаго *Оссіана*, Правитель Каледонянъ, низложилъ *Друидовъ*, умножилъ преимущества *Бардовъ*. Барды были тоже, что Скальды у Датчанъ и у всѣхъ Скандинавскихъ народовъ. Сдѣвъ названіа ихъ шломо различны.
- (28) Славяне производили имена свои отъ свойствъ духа и отъ славы. *Всславъ* значить имя мужа, одареннаго всеми совершенствами,

- составляющими великаго Героя, и обладающаго всею славою своего времени. Сіе торжественное, многоязыкииельное и во вѣки нтвердое имя по всѣмъ правамъ принадлежишь великому Побѣдоносцу, несравненному Князю Импалійскому, Графу Александру Васильевичу Суворову Римникскому, грозному Воеводѣ силъ Царя Русскаго.
- (29) *Перунъ*, Славенскій первоначальный богъ. Богъ грома и всѣхъ воздушныхъ дѣйствій. Онъ имѣлъ великолѣпное капище въ Кіевѣ и Новѣ - градѣ на высокихъ холмахъ. Голова у него была серебряная, уши и усы золотые, ноги желѣзные; въ рукахъ держалъ онъ *молніеносный шаръ*, рубинами и алломъ (карбункулемъ) украшенный, и священный огонь горѣлъ предъ нимъ неугасимо.
- (30) *Свѣтовидъ*, *спраны и грады охраняющій*. Сему богу посвященъ былъ бѣлый конь. Народъ вѣрилъ, что богъ вздитъ на немъ побѣждать сопосланныхъ, и обѣвжаеиъ грады и спраны Славянскія, отгоняя отъ нихъ всякое зло и вредъ.
- (31) *Страшный Ній*, подземный богъ Славянъ, поже что у Грековъ былъ *Плутонъ*.
- (32) *Свѣтовидъ всегда молодой* — какъ выше сказано въ примѣч. 15 — предзнаваемъ былъ безъ бороды и почитался молодымъ и пригожимъ. Никто шакъ хорошо не описалъ *Свѣтовидъ*, какъ Каалмакъ, древній Греческой пѣвецъ описалъ его въ гимнѣ своемъ *Аполлону* — и безъ намѣренія. Спаясь шокмо изобразить Греческаго *Зеба*, онъ изобразилъ Славянскаго *Свѣтовидъ* во всѣхъ его чертахъ; различа только въ томъ, что Греческой богъ обѣ одномъ, а Славянской о четьрехъ лицахъ. — Доказательство, что великіе умы вспрѣчаютъ въ изображеніяхъ истинны, и обипая въ разныхъ концахъ міра описываютъ ее одинаково какъ бы согласясь.
- (33) *Панацея*, благовоиное миро, которое кѣпало на землю съ золотыхъ волосъ *Аполлона*. Сіе взяно изъ Каалмака по поводу сходства свойствъ *Аполлона* съ *Свѣтовидомъ*. *Панацея* на Еллинскомъ языкѣ, естли сказашъ слово въ слово, значишь *всему лѣкарство*; но Греческой пѣвецъ говоришь о ней: „ Блаженна ша нива, которую шы упучишишь; на ней прозябнушь яснѣнія, плодами богашыя. „
- (34) Сочинитель Историц. представ. изъ жизни Рурька говоришь, что Рурькъ былъ подѣ самую столицю Галловъ, (Франдузовъ), завоевалъ многіе ихъ города.
- (35) Великій Князь Святославъ, воюя съ Греками, увидѣлъ чрезвычайное силъ ихъ превосходство, и рѣшилъ лучше умереть, нежели постыдно онступишь; но съ малымъ числомъ храбрыхъ Россіянъ онъ преодолѣлъ многочисленную силу и былъ невредимъ; что древніе опнесли къ чудесному защищенію *Свѣтовидъ*.
- (36) Исторія уверяеиъ, что Датскіе и Шведскіе Королевичи служили у Руссовъ и Славянъ въ воинствѣ. Смол. Исп. Рос. Там. главу о шорговѣ Руссовъ и Славянъ.
- (37) *Норнны*; у Сѣверныхъ народовъ были поже, что Парки у Грековъ

- Онъ назывался *Ураа*, *Вердига* и *Скудла*. Имена ихъ значащъ прошедшее, настоящее и будущее. Ихъ почитали пребывающими съ людьми неразлучно.
- (38) *Валки*, двѣмъ служащія *Одну*. Онѣ препровождали Героевъ на войнѣ убитыхъ въ *Валгалу*, *рай храбрыхъ*, иначе называемый *просвѣтлымъ чертогъ Одново*, гдѣ Герои вѣчно живутъ, и пьютъ медъ и меда изъ черпогъ непряшельскія. — Что баснословіе Сѣверныхъ народовъ было баснословіе Руссовъ, и что понятіе о будущей жизни было точно такое, какъ здѣсь изъяснено, но доказательство сему можно видѣть въ примѣчаніи Г. Болдина на Испорич. предсав. изъ жизни Рурика.
- (39) Скалды называющъ радугу *мостомъ боговъ*, *путемъ неба*, по коему Боги и Герои возходятъ онѣ земанъ въ черпогъ *Одново*, или *рай храбрыхъ*.
- (40) *Щитъ ожиданія* былъ у Датчанъ, Шведовъ, а попому и у Варяговъ (ибо обычан и Варяговъ былъ одинаковъ съ сими народами.) Молодой человекъ, вступи въ службу, на первой разѣ получалъ щитъ гладкой, называемой: *Щитъ ожиданія*, носилъ его такъ, до тѣхъ поръ, пока славными дѣлами своими не приобрѣшалъ позволенія начертать на немъ знаменитые знаки своей храбрости. Никто не смѣлъ вмѣнять щита украшеннаго знаками геройства, кромѣ воиновъ отличившихся заслугами.
- (41) У Славянъ-Руссовъ и Варягъ каждой юноша почитался воиномъ, и имѣлъ щитъ, мечъ, конь и всегда готовъ былъ къ войнѣ. См. примѣчаніе Г. Болдина на Испорич. предсавл. изъ жизни Рурика.
- (42) *Дидилія* поже, чпо у Еллинво *Илливія*, а у Римлянъ *Луцина*. У ивкожорныхъ Славянъ подъ именемъ *Дидилія* почиталася *Триглава*, и смѣ именемъ называли ее женщины молившіяся о благополучномъ чадорожденіи, а бездѣтныя просили о дѣтлхъ.
- (43) *Лелея*, Славянскій Гимней, богъ браковъ, слѣдующій за *Лелемъ*, сыномъ *Лады*, богомъ любви.
- (44) Одинъ Норвежской Король весьма изумился, что не смотря на его всеми воинскихъ подвиговъ презрѣла имъ Россійская дѣвица, и въ которую онъ былъ влюбленъ и хотѣлъ взять за себя. — Испорія говорищъ, что Россіянки была Геронни; что единый блескъ оружія превращалъ прекрасныя очи Сѣверныхъ красавицъ; что единая слава оружія довозьнисвала имъ собственную любовь; что единая любовь оружія могла соединившея съ естественною горячностію. — Черниговская Княжна *Церна*, въ которую былъ влюбленъ *Ватий*, ошвергда скипиръ и царство, онѣ него ей предложенныя, и рѣшилась лучше умерившия себя, нежели вступишия въ бракъ со врагомъ ея опечесива.
- (45) *Сынъ Лады*, какъ выше сказано, Славянской *Кулидо*, а *Лада*, Славянская *Вен ра*.
- (46) *Прекрасною* сперва именовалась мудрая *Ольга*. Сія Великая Геронни

и Царица удивляла всёхъ современныхъ ей Владыкъ благоразумнымъ своимъ народоправленіемъ и великими дѣлами. О *Гостомыслѣ* же говорилъ Историѣ, что онъ бѣ мужъ храбръ и мудръ, и что многіе Князи оубъ дальнихъ странъ приходилъ моремъ и землею послушати его мудрости, видѣти его судъ и просити его совѣтовъ. Все сіе можетъ равнообразно относиться къ ПЕТРУ I и ЕКАТЕРИНѢ II.

- (47) *Улига*, средняя дочь *Гостомысла* и мать *Гурика*. Отецъ ея вѣдѣвъ во снѣ, что изъ чрева ея выросло древо велико, плодотивно, и покрыло градъ всѣй, оубъ плодѣвъ же его насыщались люди всехъ земли. — *Иоакимъ Новогородскій*.
- (48) *Зилцерла*, Кіевская богиня весны. — *Флора*.
- (49) *Сва*. См. примѣч. 10.
- (50) *Велесъ*, Славянской богъ скотоводства; его почитали во вѣснѣхъ степени ко *Перуну*. Онъ имѣлъ божиню въ *Кіевѣ*.
- (51) *Колелъ волибъ* назывался у *Скандовъ* корабль.
- (52) *Полсолъ земли* и *полсолъ разбойниковъ* назывался у нихъ море.
- (53) *Новый свѣтъ*. Кому не извѣстны достойныя вѣной славы путешествія *Шелхова*? Онъ соединилъ Россію съ Сѣверною Америкою, многіа пмысли дикихъ образовалъ и покорилъ Державъ Россійскихъ Государей. — *Новый Колумбъ*! безсмертныи человекъ!
- (54) *Колела*, Кіевской богъ мира; враздѣство ему совершалось съ великимъ веселіемъ и играми 24 Декабря.
- (55) Точное изреченіе самаго *Одина*. Дан. Ист.
- (56) *Слезали Френ* Сканды называли золоно. Богини *Френ* разсѣвавшисъ съ супругомъ своимъ *Одеромъ*, каторой пошелъ странствовать въ дальныи краи; плакала о немъ неутишно и слезы ея превращались въ чистое золоно.
- (57) Кто изъ Россовъ не знаетъ о томъ, что здѣлали безсмертныи и памятникоевъ достойныи мужи, *Пожарской* и *Мининъ* будучи подвигнуны любовью общею и ревностію къ спасенію отечества?
- (58) Это истинная черта великаго духа Славянороссовъ, черта ихъ природы, доказанная нескѣпными побѣдами и завоеваніями. См. примѣчаніе Г. Болдина на Ист. предснав. изъ жиз. *Гурика* и Росс. Ист. Там. жизнь *Святослава* первого.
- (59) Подлинныи слова *Одина*. Данс. Ист.
- (60) *Кровавую баню* Сканды называли войну.
- * Въ 242 году Славяне извѣстныи въ то время подъ именемъ *Аланъ* побѣдили при *Филиполствѣ* во Фракіи на открытой банѣ Императора *Гордіана* воевавшего противу Персовъ. Въ пятомъ же вѣкѣ *Алане* вѣсплѣ съ единоплеменниками своими *Вандалами* воили въ *Галлію* (Францію) и *Иверію* (Гинніанію), гдѣ воли царя ихъ *Атакса* все покорствовало. — См. книгу о народахъ вздревле въ Россіи *Славянскихъ*.

- (61) Олегъ побѣдилъ Грековъ и въ знакъ побѣды своей повѣсилъ щитъ свой на вратахъ Константинополя. Ист. Росс. Тамъ Ч 2, листъ 20.
- (62) Августинъ писалъ къ оководу Лукуллу, чтобы онъ оппюдь не заводилъ войны съ непреодолимыми Сарматями — Подъ симъ названіемъ разумѣли Римляне всѣхъ Славянъ. — Алпшлу, которой писался *страхъ вселенныя*. Славянороссы, Сарматями именуемые, побѣди на голову на поляхъ Капалонискихъ. — Ядро Росс. Ист. снр 19.
- (63) Славяне помогали Александру Великому въ завоеваніи міра, и похвальную грамоту онъ него получилъ, которая находилась въ архивѣ Султана Турецкаго.
- (64) Сколько разъ Дербентъ и Бака были залогамъ Россійскаго торжества надъ Персами! Въ семъ древнѣмъ царствѣ Дарія во вѣки памянны будущи не однократныя побѣды Россійскаго воинства, и славный иракшанъ ПЕТРОМЪ I, съ Персією заключенный. См. Дѣян. ПЕТРА Великаго Частъ 8 снр 588 и 589. Да и во дни ЕКАТЕРИНЫ Премудрой, вождь силъ ея, Гр. Зубовъ великодушнѣмъ своимъ и храбростію воинства подтвердилъ Персамъ всегда поспоянкую славу Россовъ.
- (65) Царства Казанское, Аспраханское и Великая Пермь, были доселѣ подъ державою губнителя Россіи, *Батыя*, потомка *Чингизханова*, завоевавшего почти всю Азію. Съ оныя царства и еще многія страны Востока составляла одно обширное Ордынское Государство, котораго сполцею былъ городъ, такъ называемый *Ширъ Сарай*, т. е. *золотой дворецъ*, гдѣ жилъ *Батый*, и отъ чего имя Золотой Орды произошло. Развалины сего города и понинѣ видны на берегу рѣки *Ахтубы* въ 35 верстахъ отъ Царицына, — См. Казанскую Исторію о *Чингизханѣ* и *Батыѣ*.
- (66) *Рыцарь Тевтонозъ*, безсмертный Фридрихъ, Король Прусскій, потомокъ Кавалерозъ Тевтоническаго Ордена. До 1525 года Пруссія принадлежала симъ Кавалерамъ, и предокъ его *Албертъ*, младшій сынъ Бранденбургскаго Дому, былъ Великимъ Магистромъ того Ордена и проч. — Спашья изъ Географіи Аббата да - ла Круа. — И Фридрихъ испыталъ, сколь тяжка десница разгнѣваннаго Росса.
- (67) Гошеи предки Шведовъ. — Достопамятное бытіе Карла XII свидѣтельствованъ будеть во всѣхъ вѣкахъ величіе богоподобнаго ПЕТРА I, изворца Россіи и сокрушителя Швеціи.
- (68) Вселенная никогда не забудеть побѣды безсмертнымъ *Задунайскимъ* при Кагулѣ надъ Турками одержанной.
- (69) Гдѣ Польша, древняя губнительница Россіи? . . . а слава Великой ЕКАТЕРИНЫ, пребудеть долготѣннѣ самыхъ царствъ; съ нею поидеть въ вѣки и Гр. Суворовъ.
- (70) Действительно побѣды Россіянъ не смѣнны. Исторія соблюла

много доказательствъ, весьма достопамятныхъ на ураженіе завистливыхъ и лжехулищелей Россіи, что не только въ ПЕТРОВЪ и ПАВЛОВЪ вѣкъ, для нее столько славный, но и во время еще отдаленнѣйшей древности Славянороссы были побѣдители царствъ, и лучший народъ во всей подсолнечной, самый приверженнѣйшій ко благу отечеснва своего Великіе мужи, Князь Тохарской Князь Долгоруковъ! и ты великій Министръ, благошворители всего потомства, примъ рѣ Героевъ и Судей! Священные имена ваши разпалаяють сердца потомковъ сугубымъ жаромъ любви къ отечеснву. — Вы являетесь какъ солнца, при каждомъ помышленіи о славѣ отечеснва.

- (71) *Волоты* были у Славянъ ноже, что у Грековъ *Тиганты*, или *вельканы*.
- (72) *Иалканы*, Славянскіе *Кентавры*.
- (73) *Черно-Богъ*, или черной богъ, у Славянъ былъ богъ зла, какъ у Персовъ *Ариманъ*.
- (74) *Тризна*, торжественное помяновеніе по усопшихъ, отправляемое съ жертвоприношеніями. Князьямъ и Вельможамъ приносили на призвахъ павлинокъ въ жариву. — См. Исгор. Росс. — Жизнь *Ольги* и той же Исст. примѣч. — Ч. 2 стр 395.
- (75) Слава *Ольвъ* и дивное имѣ великолѣніе описаны подробно *Дюдоромъ* Сид. въ кн. I отдѣл. 2 стр 75
- (76) *Рифей*, или *Рифейскія горы*, названы по имени *Рифата*, внука *Москохова*, нынѣ называются горами *Уральскими*, а съ ними вмѣстѣ подъ однимъ названіемъ и горы *Гиперборейскія*. Сей поясъ горъ весьма славенъ въ Исторіяхъ *Иродота*, *Дюдора* и прочихъ древнихъ бышій *Писантелей*, гдѣ помѣщено много басней о народахъ, обитавшихъ за сими высокими горами, куда ни одинъ изъ древнихъ путешествователей не осмѣливался пушиться, конечно по причинѣ степеней и спужи. Полагають, будто на горахъ *Гиперборейскихъ* былъ храмъ *Аполлона*. *Дюдоръ* говоритъ, будто *Гиперборейцы* приносили въ Делосъ богатныя приношенія *Аполлону*, и что Греки починають сего бога пришедшимъ отъ *Гипербореевъ*.
- (77) *Вѣщеславъ*. Симъ изящнымъ и безсмертнымъ именемъ назывались у Славянъ Владыки мудрые, побѣдоносные. Въ наши времена сіе превосходное и много выразительное наименованіе совершенно принадлежитъ Государю обожаемому Россією: **АЛЕКСАНДРУ I.**
- (78) Въ книгѣ *Здды* упоминается, что *Одинъ*, бывъ въ Россіи, полюбилъ *Риду*, Царевну Русскую, и сочтавшись съ нею имѣлъ отъ нея сына *Вали*, ошмстившаго смерть *Вальдерову*.
- (79) *Поясъ земли*, какъ выше сказано, естъ море; а *кораблемъ*, плавающимъ на свѣкахъ. Скальды называютъ землю.
- (80) Священнымъ шитломъ *Спасителя народовъ* возвеличили Царя Славянъ народы спасенные Его рукою отъ жестокости *Французоевъ*. *Деколъ*

бѣже будеть солнце, дополъ вселенная не преспанеть чпшиъ въ
НАВАБЪ I Вадимшика Царей.

- (81) *Досод.* Славянской боги прѣшнаго вѣпра и ясной погоды, поже
нио и *Вифиръ*.
- (82) *Вивъ* См. примѣч. 14; знакъ дыма.
- (83) У сѣверныхъ язычниковъ во все время жертвоприношенія горѣли
дубы. См. примѣч. 5; о дубахъ и пихти.
- (84) *Провѣщательные круги.* У Славянъ было множество гаданій въ
употребленіи. Они гадали по дыму, по крику животиныхъ, по полету
птицъ, по спиритъ и пѣти рѣкъ, по движенію и яркости огня
и проч. но гаданіе кругами было самое главное. Круги сѣи имѣли
одну сторону бѣлую, а другую черную; когда круги, бывъ брошены
упадали бѣлою стороною вверхъ, тогда народъ радсвадся: ибо то
былъ наснанной знакъ. — Сверхъ того еще было особое гаданіе по
познупи между копыями коня *Сѣтоволок*. — Гаданія производимы
были во время жертвоприношенія. — См. Описаніе Славянс. Вѣсно-
словія, стр. 38. —

Опечатки въ книгѣ: *Картина Славянской древности.*

страница.	стр.	напечат.	читай.
10	18	вливаешся	возливаешся
12	15	градъ	грады
29	I	Примѣчаніе	Историческія примѣчанія.
—	—	Руганскаго	Руганскаго
32	8	превзошедшихъ мно- гихъ славю своею	превзошедшихъ славю своею многихъ
—	19	прежнихъ <i>Идуна</i> жена <i>Браса</i>	прежнихъ <i>Идуна</i> жена <i>Брага</i> .

СЛАВЯНСКІЯ ПЪСНИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Славянскія пѣсни суть слабое подражаніе прекраснымъ пѣснямъ Амазонокъ, Нѣмецкаго Автора *Вейсе*. — Сей Геній Германіи вдохнулъ мнѣ мысль обратиться къ достопамятнымъ вѣкамъ нашихъ предковъ, къ вѣкамъ богатырскимъ; я увидѣлъ, что въ пѣсняхъ Амазонокъ сіялъ, какъ солнце, духъ Славянъ; тошъ великій духъ, кошорый древле водилъ полками ихъ и перомъ *Бояна*. И такъ придерживаясь единственно онаго, вездѣ торжествовавшаго въ геройскія времена, духа сыновъ славы, я представляю попомкамъ побѣдоноснаго народа вмѣсто Амазонскихъ пѣсней пѣсни Славянскія, яко пѣсни ошечественныя. — Въ *Картинѣ Славянской Древности*, въ 37 примѣчаніи сказано мною, что Славянки, или Россіянки, были героини, — какъ по свидѣтельствуешъ и сама Исторія; — что единый блескъ оружія прельщаль прелестныя очи сѣверныхъ красавиць; что единая слава оружія довольшповала ихъ собственную любовь; что единая любовь оружія могла соединиться съ истинною горячностію. Слѣдовательно Амазонскія пѣсни, пѣсни Славянъ. Въ доказательство

тому, что народы сѣверные имѣли обычаи сопрягать любовь съ храбростію воинскою, служивъ достигшая до нашихъ дней пѣснь Геральда храбраго, Норвержскаго Князя, которой бывъ влюбленъ въ дочь Ярослава I го, въ прекрасную Елизавету не иначе получилъ ея руку, какъ по свершеніи многихъ славнѣйшихъ подвиговъ и вопь какъ Ирой жалуется въ пѣсни своей на суровость благородной красавицы.

Павелъ Лвовъ.

П Ъ С Н Ъ

Геральди Храбраго.

Корабли мои какъ обѣхали,
 Какъ обѣхали всю Сицилію;
 Возблисшали мы честью, славою.
 Темной мой корабль съ вози храбрыми
 Быстро волны сѣкъ по моей волѣ.
 Любовался я сей охотою,
 Сей охотою мореходною —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Я сраженье велъ въ моей юности
 Со народами со Дроингейскими;
 Войска были мхъ многолюднѣе:

Тутъ была битва, битва страшная;
Что ни страшная, кроволишная;
Я Царя повергъ на сыру землю —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Во ладѣ было насъ шестнадцать душъ:
Взбужевалася буря грозная,
Подняло валы море синее,
И нахлынуло ладью полную;
Мы потчасъ воду всею вылили,
И я чаялъ ужъ получить успѣхъ —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Шести подвиговъ мнѣ не счашъ учить;
Я сражаюсь храбро, рыцарски:
На борзомъ конѣ быстро бѣгаю;
Масшерски плавань — то мое дѣло;
На конькахъ лешъшь, мнѣ какъ пыль мешать;
Конѣ бросаю — кто проворнѣе?
Во гребцахъ грести — ни машросу шакъ! —
А всё не милъ я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Ты скажи, скажи, прелюбезная,
Молодая ты, красна дѣвица!
Въ день шомъ, какъ въ сранѣ во полуденной

Я сраженіе далѣ кровавое:
 Я не храбро ли нападаалъ въ бою,
 Не оставилъ ли славныхъ признаковъ
 Моихъ подвиговъ и моихъ побѣдъ? —
А всё не мило я Руской дѣвицѣ!..

* * *

Я съ младенчества въ первой свѣтѣ укрѣпъ,
 Во высокой ли во Норвегій.
 Ея жишелай нѣтъ искусство
 Напрягашъ легко луки крѣпкіе
 И бросаешъ изъ нихъ стрѣлы мешкія.
 Но я лучше счелъ управляшъ суда,
 Страхъ и ужасъ сей для людей простыхъ,
 Управляшъ суда между скалъ морскихъ.
 Гдѣ слѣдовъ нѣту человѣческихъ,
 Гдѣ полетѣ птицъ не былъ въ воздухѣ;
 Корабляки я тамъ моря переплылъ —
А всё не мило я Руской дѣвицѣ!..

СЛАВЯНСКІЯ ПѢСНИ.

I

Сбыславъ и Владислава.

Пѣснь пѣтая по разбитіи Аттилы на поляхъ Капалонитскихъ ().*

Владислава.

А! вошь ошь, вошь мой богашырѣ, покрытый пракомъ поля рашнаго, обогранный кровію полковъ *Аттилинныхъ*; съ лица его кашнися пошь градомъ! Никогда *Сбыславъ* не являлся мнѣ шоль прекрасенъ! никогда очи его не сіяли шоль живымъ, шоль яркимъ огнемъ!

Бѣги ко мнѣ! . . . я шрепещу ошь радости! Подаи мнѣ орленерый шлемъ швой; подаи мнѣ швой мечъ; съ него еще спруишся кровь! обними меня, переведи духъ, и въ моихъ объшпѣяхъ ошдохни ошь ужасовъ брани.

(*) Исторія увѣряетъ, что Славяне, подъ именемъ Сарматовъ и Роксоланъ болѣе въ древности извѣстные, побили на голову *Аттилу* на поляхъ Капалонитскихъ.

Успокойся на персяхъ моихъ! я опру пошь съ чела швоего, я смою кровь съ ланишь швоихъ!... Какъ румяна щека швоя!... *Сбыславъ!* ахъ! *Сбыславъ!* швоя *Владислава* никогда еще не пылала къ тебѣ шoliko пламенною любовью!

Ни даже шогда, когда ты, ополченный всею отважношю юношескихъ лѣшь швоихъ, пришелъ ко маѣ подѣ сѣнь многолѣпныхъ дубовъ, и заключивъ меня въ сильныя швои обѣщанія, унесъ далеко ошь родины моей! шогда еще я усмашривала въ очахъ швоихъ швое безсмершье; а нынѣ, нынѣ познаю совершенно, что оно швое богатое достоянше.

Вы же, пѣвцы времянь богатырскихъ, Скальды! возгремите на доброголасныхъ арфахъ вашихъ, въ священныхъ рощахъ молніедержавнаго *Перуна* (*), возгремите пѣснь побѣды, и возвѣсшите міру, что *Сбыславъ* безсмершье *Аттилы*.

Сбыславъ.

Почто ты завиваешь въ кудри власы мои? Или ты не зришь досточшимаго *Мегеслава*, пресшарѣлаго ошца моего, плавающего въ крови? онъ уснулъ навѣки,

(*) *Перунъ*. Богъ грома, темныхъ облаковъ и всѣхъ воздушныхъ дѣйствій; первый богъ Славянъ.

распростершишь по долинѣ рашной. О! естли бы не спасся бѣгствомъ *Аттила*, сей бить боговъ, млатъ вселенныя (*), коего пренецуютъ звѣзды, дрожитъ земля. . . . я размешалъ бы члены его по всему побоищу. Страшные *Гунны*, *Скиѣвы*, *Аварь*, *Аланы* и цѣлые народы, составляющіе ужасныя міру полки его, (**), не заградили бы *Аттилу* ошь руки моей.

В л а д и с л а в а.

Дозволь мнѣ, *Сбыславъ*, дозволь завишь кольцами твои курчавые власы; подъ эшишь свѣжимъ вѣнкомъ они будутъ мнѣ млате! *Астеславъ* ликуешь въ черпогѣ *Одина* (***) лучше за нимъ послѣдовашъ, нежели крушишь о немъ.

II

*Прощаніе Славянки съ любезнымъ ея,
при началѣ войны.*

Полно, юный воинъ! полно наслаждаешься любовію и покоемъ. Доселѣ шы шцился токмо нравишься мнѣ,

(*) Тако самъ о себѣ выдавалъ *Аттила*.

(**) Всѣ сїи народы составляли угрожающую всему свѣту опустошеніемъ силу *Аттилы*, когда пришелъ онъ изъ Скиѣи въ Галлію. — Въ книгѣ, *Картина Древности*, част. I глав. 2. стр. 54.

(***) Черпогъ *Одина*, пресвѣтлый рай сѣверныхъ героевъ.

и увѣрять меня, что любовь швоя безмѣрна.

Доселѣ шо ошъ хорошаго вина, шо ошъ пламенныхъ устѣ моихъ разгорячалось швое рьяное сердце; ны засыпалъ подѣ нѣжнымъ звукомъ цѣвницѣ, шы почи-валъ въ моихъ объятіяхъ.

Днесъ шы пробуждаешся ошъ грознаго звука бубновъ и шрубъ воинскихъ; прензящія пѣсни брани зовуть шебя къ богатырскимъ подвигамъ.

Гордое знамя уже распустилося и вѣется надѣ глазами воинства. Уже раздаются громы *Радегаста* (*); онъ подьземлетъ спрашное копье свое и вызываешъ шсебя сражаться.

Твой бодрый конь уже обсѣдланъ: онъ роешъ копытомъ землю, крупнитъ бурною головою своею, алчешъ бою; изъ ушей его валяшъ дымъ, изъ ноздрей его пышетъ огонь.

Онъ обѣняетъ позлащенныя броды блестящей узды и пошрясаешъ волнистою гривой; сребренныя удила хрустяшъ въ челюстяхъ его: уже ли шы не

(*) *Радегастъ*, идолъ Варяжской. Онъ держалъ на груди щитъ съ изображенною волозьею головою, въ лѣвой рукѣ копье, на шлемѣ имѣлъ пѣшуха съ распростертыми крылами. Сей богъ почитался защитникомъ городовъ, и былъ *Марсъ* Варяговъ; ему приносилась въ жертву пльвники. По окончаніи жертвоприношенія начинался жертвенный пиръ съ музыкою и плясаніемъ. *Радегастъ* былъ храбрый Князь Вандаловъ, и Аланъ, и братъ штого славнаго *Аларика* Князя Норманскаго, кошорой взялъ Гимъ.

слышишь, какъ порывисто ржеть онъ и призываетъ симъ себя?

А шамъ рашникъ, склонясь на щипъ свой, горитъ неперпѣнѣемъ. Супруга мать подносишь къ нему сына, чтобъ еще разъ облобызала онъ его; она рыдаетъ, не можешь вымолвить ни слова. Онъ беретъ младенца, прижимаетъ его къ опеческой груди своей, и по шамъ кладнокровно опсылаешъ ихъ обонкъ.

Что медлишь ты? . . . Опоясуй мечъ твой: онъ жаждетъ крови враговъ. Ахъ! когда излеченъ будетъ онъ изъ влугалища своего, то да нанесуся имъ вѣрные удары, да не падешъ онъ изъ руки твоей, доколѣ она будетъ имъ дѣйствовать! Опечесиво да поцпишь его, и да речешъ о немъ нѣкогда: *Силѣ метелѣ владѣлю Ватязь.*

На полѣ брани да шредешетъ сердце швое отъ возжеланія славы, шочно шакъ, какъ мое бѣшся отъ любви; это вѣрное шевѣ сердце!

Лобзаніями швоими ты осушаешъ источники слезъ, шекущія по огненнымъ щекамъ моимъ. Ахъ! ешъли бы я могла на побоищѣ осушитъ лобзаніями моими кровь и потъ, коими чело швое будетъ орошено!

Слава ожидаешъ шебя на сраженіи; она шребуешъ шебя отъ любви моей; о юный воинъ! слава моя совмѣшница; къ ней шокмо единой я шебя ревную.

Слунай, гради! ознаменуй швое мужество и не

сворачайся съ той стези, которая вѣдешь Выпязей къ
вѣчной славѣ.

III.

Радостная Пѣснь Славянки

При возвращеніи любезнаго ея по окончаніи войны.

Онъ идешь! . . . внимай прилѣжно, ухо мое! молодой
богатырь мой идешь. Восходишь солнце, и освѣщаешь
поле брани кровью увлажненное.

Уже раздаются шимпаны и трубы у вранъ башенъ
нашихъ: внемля сямъ звукамъ, сердце мое замираешь
отъ радости; моя грудь трепещеть.

Лѣсъ блистающихъ копей приближается въ огро-
мномъ строѣ, и знамя, пронзенное стрѣлами, тор-
жественно вѣтается надъ полками.

Уже я вижу длинные ряды всадниковъ приближаю-
щимися. Чей конь играетъ посреди ихъ? Не шопъ ли
это конь, на которомъ полетѣлъ мой любезный по
дорогѣ, лежащей къ славѣ?

Но вошь и самъ онъ! вошь мой любезный!
онъ шочно. Пламя взоровъ его пронзаетъ сквозь обла-
ко пыли; зеленая вѣтвь украшаетъ шлемъ его, и пошомъ
окроплено его лице.

Сокрой сияющей мечъ швой во влаталице, мечъ

только бѣдоносный спрошивнымъ! спрыгни съ бурнаго коня швоего, спрыгни прямо въ мои объятія!

О радости! о наслажденіе! . . . Прижми меня смѣле къ груди швоей: ошь восхищительныхъ лобзаній нашихъ да перельется душа моя въ твою душу.

Сколь прелестенъ мужественный, загорѣлый ошь солнца зракъ твой! ты не столь былъ пригожь тогда, какъ нѣжился въ прохладной тѣни рошѣ.

Небрежно размешанные волосы твои издають запахъ военныхъ огней; волосы твои спокрашъ прекраснѣе шеперь, нежели были они завшы къ кудри и умашены благовонными мазьми.

Ты опоясуешь меня злашою лентою! откуда эша лента? О всевождебное щастіе! . . . Ею украшено было знамя спрошивныхъ, тобою у нихъ ошьаное.

Опоясуя меня сею лентою, ты связуешь во мнѣ славу съ любовію. Какъ злашо ея свѣщися ошь солнца. . . шакъ душа моя горитъ тобою!

Твоя грудь раскрылась . . . посмотримъ . . . много ли на ней ранъ? . . . Ахъ! дай мнѣ видѣть ихъ, исчислишь, и покрывъ несмешными лобзаніями.

Ахъ! почему я не могла видѣть твою алую кровь, какъ текла она изъ ранъ? почему не могла я удержашъ ее, между тѣмъ какъ ты бы усвокоился на груди моей?

Любовь глубоко запечатлѣвается въ сердцѣ моемъ

сѣи знаки славы; они въ немъ останутся незаглади-
мы до самаго гроба.

 IV.

Пѣснь Славянки

Во время шума сраженія, вдали происходящаго.

Да, ужасная брань начинается. . . основаніе земли
колеблется; зарево рдѣешь на небѣ; громъ гремишь
и ошдаешь во глубинахъ преисподней.

Рыдающія жены и шерзающіяся матери объаты
страхомъ и ошчаяніемъ: онѣ шрепещушь, едва дышашь.

При каждомъ звукѣ, исходящемъ изъ пылающаго
огнемъ жерла смерти и достигающемъ на крылахъ вѣ-
шра до слуха ихъ, онѣ выпускають вопли скорби.

Прочь ошь меня, чувшвованіе несмысленной по-
лпы! прочь, постыдныя въздыханія! Здѣсь мужество
сражаешья; за нимъ славуешь торжество; поздравляю
тебя, млаый воинъ мой!

Но чню я испышую? . . . что за шрепешъ объе-
млешь всѣ мои члены? Я воспаряю; вихрь подьемлешь
меня превыше облаковъ!

Подъ стопами моими прештираютьсѣ мраки ночи,
шой ночи, которая въ пылу битвы и явную смерть
содѣлывашь невидимую . . .

Но я вижу два воинства, предстоящія одно другому въ страшномъ чинѣ: они измѣряютъ шагами своими обширную гробницу свою; обогранные кровію вѣнды будущъ добычею побѣды.

Разширь крыль твои, Слава! разсѣй шуманы, да узрю подвиги младаго вишязя моего, да узрю его рашкоборствующа.

Гдѣ онъ? . . . А! я усматриваю его шамъ въ первомъ ряду воиновъ. Они всѣ подобно ему рвущся преодолѣть смерть и доспичь побѣды.

Они составляютъ ужасную тучу, готовую родить бурю! Тако зряся облака, перунами преисполненныя, когда просягаются они по вершинамъ горъ и ниспускаются въ долины.

О юноша, воспламененный славою! буди непобѣдимъ. Ты сражаешься за опечесство, на тебя усипредлены мои очи!

Я вижу его одушевленна доблестивеннымъ жаромъ мужесства, и шолико шверлымъ, какъ непрѣмѣнна судьба. Смерть уже въ десницѣ его: горе тому, кто дерзнешь ему проивустави!

Кипящее неперпѣнѣемъ сердце его негодуешь, что не съ него началось сраженіе, между шѣмъ какъ по другую его страну текушь уже рѣки крови.

Сверпѣющій подѣ нимъ конь багришь броды

кровавою пѣною: хочешь пустишься, рвешься и шер-
заешь ногами землю.

Десять красть юный випязь мой надвигалъ на че-
ло шлемъ свой съ видомъ гнѣвнымъ и грознымъ; онъ
звѣявъ ропщешь на Воеводу своего, почто не велишь
ему ударить на врага.

Онъ обращаетъ къ нему взоры свои . . . Постой!
какіе пріятные раздались звуки! возбудишельная шру-
да затремѣла; объявляющая бивву дробь бубновъ уже
разсыпалась по воздуху.

Вражда и смерть бѣгутъ на крикъ брани: онѣ
вооружены окровавленными свѣточьми и обьяты гу-
шными парами смраданаго жупела.

Онѣ сообщаютъ ярость свою душѣ каждого. Сердца
бьются подъ лашами, и рашеборцы алчущъ шокмо
смерши.

Въ шѣни нахмуренныхъ бровей сверкають раска-
ленные ихъ очи; закусивъ отъ гнѣва трепещущія уста,
они являютъ люшность свою въ каждой чертѣ лица.

Наконецъ юный богашырь мой оправилъ шлемъ на
величавой главѣ своей; взволновались на немъ перья,
сшала блеснула, и храбрые сподвижники его повинуюш-
ся единому его манію.

Ряды смыкаются, кони зближаются, производя
зыкъ отъ брони. Свершилось! . . . онъ повелѣлъ, осла-
билъ броды, и самъ перьвой пустился какъ молнія.

Подобно богу войны, онъ предвидеть, послѣдуемъ будучи своими храбрыми. Врагъ пропившись ему; но внезапно мечъ вишняго моего пролагаетъ широкую дорогу.

Тако многоводный пошокъ, проливнымъ дождемъ усугубленный, стремился съ высоты горней, увлекаемая волнами своими сшада, древа и самые камни.

Горы, до небесъ возносящіяся, не сильны остано- вить быстроты его; онъ мшишь на влажномъ хребтѣ своемъ знаки великихъ опустошеній.

Какіе крики! какой шумъ! . . . левъ сплязуется съ тигромъ. А! теперь по винѣ ошцевъ вспоманушы въ сердцахъ сыновъ ихъ.

Спрашной гулъ грохочетъ по лѣсамъ, эхо воешь въ пещерахъ кремнистыхъ скаль; звѣненіе рашныхъ доспѣховъ и стукъ мечей наполняютъ воздухъ; мершвые и умирающіе покрываютъ землю.

Но что я зрю! цѣлые легіоны восптали на моего вишняго, окружили его, какъ будто онъ одинъ опасіе въсьхъ противобордевъ Ахъ! уже конь его обатренъ кровію.

Онъ бѣжитъ, бѣжитъ . . . Несчастная! что мнѣ предспавилось? . . . Прочъ позорное и ужасное видѣніе! я отшерацаю ошъ себя взоры мои, и болѣе не познаю тебя, вишняго мой!

Увы! что есптали онъ бѣжалъ! . . . Ему бѣжашъ? бѣжашъ моему любезному съ поля славы? бѣжашъ ему, копорый

всегда искалъ побѣды, или смерти? Нѣтъ . . .
скорѣе умру, нежели увижу его бѣгущимъ.

V.

*Пѣснь Славянки**При побѣдѣ непріятеля.*

Раздался звукъ могущественной трубы! Побѣда
наша! слава гремитъ; душа моя воспрянула! Гдѣ сопро-
тивные? . . . Они бѣгутъ.

Тщешно врагъ сокрываетъ блѣдное и отчаянное
лице свое во облакъ пыли; испуганный голубь не
избѣгнетъ быстрыхъ орлихъ зѣницъ.

Супостать бѣжишь! — но онъ гибнетъ, разимый
десницею богатыря моего, копорый, попирая умираю-
щихъ, устилаетъ землю шпунами.

Непріятель бѣжишь! — Тако бѣгутъ тучи отъ
сильнаго дуновенія разъяреннаго *Похвиста* (*); онъ раз-
сѣяны: ихъ нѣтъ ужъ болѣе, и солнце являетъ пре-
свѣтлый зракъ свой во всей лѣпотѣ лучей его.

(*) *Похвистъ*, Славянской Волѣ, котораго признавали богомъ непогодъ;
у Кіевлянъ почитался онъ богомъ воздуха, вѣтра и ненастья.
Онъ имѣлъ храмъ въ Кіевѣ и по другимъ Славянскимъ городамъ.

Младый витязь мой по подьемлется, по преклоняется на конь своемъ, безпрестанно поражая врагъ; мечь его тяжко погружается на черепь с противныхъ . . . Ахъ! спасайтесь, несчастные, отъ неушомимой мьшцы его.

Зрите — онъ сокрушаетъ самыхъ отважнѣйшихъ изъ васъ, и поножаетъ полки ваши въ морь крови . . . Вы возначаете бишу? . . . Сражайтесь! раздражайте его еще болѣе.

Туча смершей разверзла надъ главами вашими свои испребишительныя хлаби: никакое божество не спасетъ васъ, ни единый витязь вашъ съ моимъ витяземъ сравнится не можетъ!

Слоны ваши скользятъ по увлажненной кровью земаѣ; вы падаете, кони ваши вспомыкаются, свергаютъ весь съ себя, и смерть вездѣ преслѣдуетъ васъ.

О юнова! естли шебъ возможно хопя на часъ укротить одушевляющую шебя яроснь, такъ обрати всянь око швец и виждь, какой уласный прошекъ ты нушь!

Ахъ! какое обширное поприще пополено въ крови и усѣяно обезображенными трупами! Куда ни взглянешь, повсюду смерть совершила избыточную жашву . . .

По кто тамъ справдеитъ посреди издыкающихъ ратниковъ и поверженныхъ коней? чье слышно жалобное взыванье? увь! по умирающій воинъ напругаетъ силы свои, чшобъ восставъ еще.

Глава его разбита; слышимъ гласомъ призываетъ онъ израненаго друга своего: „сжался надо мною! восклицаетъ ему, и еслили собишвенныя спраданія не препяшсвуютъ тебѣ — умерши меня скорбе!„

О пригожій юноша! . . . можешь бышь рашоборець сей былъ споль же пригожъ, какъ и ты; о молодой, храброй богатырь! можешь бышь и онъ былъ храбрь, тебѣ подобно.

Сирасная любовница можешь бышь оплакиваетъ шеперь его опсушсвие, бродя по берегу тихо журчащаго ручья; а въ часы унылой ночной тишины соединяетъ она сшенанія свои съ жалобными пѣснями соловья . . .

Остановись, молодой витязь! поспой! полно собиращь добычи на преславномъ твоёмъ поприщѣ! широкія раны сражающихся воиновъ, обильнымъ иверженіемъ крови убѣждаютъ тебя бышь соспрадашельнымъ.

Попранный въ прахъ врагъ съ покорностію лобзаетъ побѣдоносный мечъ швей. Воззри на себя, о другъ сердца моего! ты самъ весь окропленъ кровію и попомъ.

Уже рашоборець ощущаетъ шяжестъ меча своего; усталой рукѣ его потребенъ опдыхъ: подгибающя колѣни запыхавшагося коня подъ грузнымъ всадникомъ.

Остановись! . . . Рашная музыка велишь тебѣ опступитъ! . . . храбрые клеверши твои скопляющя вокругъ тебя и предшоятъ тебѣ . . . Ахъ! шеперь шо соглядай ихъ . . .

Всѣхъ ли ты обозрѣлъ ихъ, юноша; всѣхъ ли ты изчислялъ? Число друзей твоихъ не полно; — шѣмъ менѣе богатырей.

Ты плачешь? . . . Плачь! шеките слезы изъ сердца благороднаго! сѣе чувствованіе челоуѣколюбія содѣлаываетъ тебя великимъ паче нежели побѣда.

Омой ихъ раны, омой ихъ слезами твоими! Мога ли бы я любить тебя, естли бы не вѣдала твоей великой души и сердца чувствительнаго?

Но оплачь также и сопрошвенника твоего; онъ умеръ богатырски. Тотъ, кто не оплакиваетъ побѣжденнаго, достоинъ умереть равною съ нимъ смертію.

Онъ спонешъ, просишь у тебя помощи: сибни облегчишь его спраданія! онъ благословишь побѣдителей своего: тогда ты воспоржешауешь вшорично.

А ты, Слава! греди въ трубу твою! изуми вселенную! Повѣдай ей, что сѣи великія дѣла сотворилъ испный Славянинъ, досточестный вишязь, и что вишязь сей — любезный мой!

VI.

Радостная Пѣснь Славянки

Послѣ одержанной побѣды.

Грядите, доблественные побѣдители! объявите міру гласомъ бранныхъ громовъ нашихъ, объявите, сколь достопамятенъ день сей, день нашей побѣды.

О день ужаса и страха! день, истребивший всю вражью силу! день, ознаменованный въ лѣтисчислѣхъ иноплеменинскою кровію избраннѣйшихъ вицязей ихъ!

Какое пространное поприще прошекла смерть се-го дна! полей въ крови погрязло столько, что зрѣніе человеческое едва объять можешь!

Полки наши окружены грудями труповъ, въ коняхъ еще держался воззвнны конья и шпрѣлы.

Здѣсь гордынею упоенное, самолюбивое, несмѣтное воинство являло вамъ презорство свое, шаго лѣсъ щеголь чернѣлъ вдали по морю; устрашенный смѣлъ народъ крушился и сползалъ на брегъ неподважно; кажется онъ испытуетъ уже всю ярость врага своего.

Но внезапно низпускается съ небесъ грозный *Перунъ*, несомый вихрами въ колесницѣхъ громовыхъ облаковъ; онъ размахиваетъ молніеблестящими крылами своими, сотрясаетъ съ нихъ ужасныя бури и соглядаетъ дѣйствія смертныхъ.

Въ единыхъ онъ зрѣтъ дерзновенную кичливость, въ другихъ робкое отчаяніе; онъ смѣется слабости человѣковъ; коняхъ надменное упованіе и буйный страхъ множенно исчезающъ отъ его единого дуновения.

Гдѣ ны, темный лѣсъ, гордо плавший по волнамъ пошла? Одна лишь доска, одна шкмо раздробленная щела, за кои хватается цѣпенѣющій плаващель, остались отъ всего павсего пышнаго саряда.

Но прочь, спрашныя видѣнія! Я алчу зрѣть славу побѣдителя, а не злощастіе побѣжденныхъ.

Тебя хочу я зрѣть, юный витязь мой! тебя возвышающагося на бодромъ конѣ, котораго многократно пренеслаъ тебя на вылетѣ сквозь шьму опасностей.

Я хочу созерцать твое богатырское изрядство: какъ ты мужественъ, подобно богу брани, и прекрасенъ, подобно сіяющему очами сыну *Одина* (*).

Твой мечъ сверкаешь подобно воздушному явленію; онъ, приводишь въ ужась при каждомъ обращеніи своемъ; твоя сила, какъ огонь небесъ, сокрушаешь цѣляя всѣхъ.

Двигнись, — спрашно ополченное воинство! распусти по вѣтрамъ знамена твои! приближся, да узрю: да почую каждаго изъ богатырей твоихъ!

Звучите, произвольныя шрубы! и вы, бубны, соедините дробный гулъ свой съ ихъ торжественнымъ и веселымъ гласомъ! вшорьше, вшорьше шприкратно радостныя восклицанія ликующихъ рашеборцевъ: побѣда! побѣда! побѣда!

О! какая пріятная теплота разлилась по груди моей! сердце мое вскипѣло радостно! я зрю повсюду торжество! наше торжество! я зрю Славу! . . . въ восшоргѣ своемъ она машешь крылами.

Огнь шесшвѣя полковъ подьемаеяся пылъ, какъ

(*) *Вальдеръ* былъ прекраснѣйшій изъ сыновъ *Одина*.

облако, и объземлешь колесницу ея; она шворитъ меня
участницею торжества, и садишь подлѣ себя на велико-
лѣпную колесницу свою.

Я вижу васъ всѣхъ, всѣхъ васъ, воеводы и богатыри,
Но что является очамъ моимъ горѣ? . . . Тамъ въ
свѣшломъ лазурѣ небесъ Боги славянъ ушѣшающся
торжествованіемъ побѣдителей, и низводятъ къ нимъ
взоры душу восхищающіе.

VI.

Пѣснь Славянки, коню ея любезнаго.

Пылкое швореніе, самими богами созданное! честь
рода своего! человекъ взираешь на тебя радостно, и
всѣ кони завидуютъ изрядству швоему.

Прекрасный конь! подобіе коней небесныхъ, запря-
женныхъ въ лучезарную *Свѣтвидозу* (*) колесницу, ошь
костей лъется свѣшь на землю!

Взглянувъ на тебя, юноша оспановляется любо-
вашся тробою; дивится тебѣ; какую положивъ тебѣ
цѣну, не вѣдаешь, и восклицаетъ съ восхищеніемъ:
о, если бы у меня былъ сей неоцѣненный конь, бы-

(*) *Свѣтвидъ*, Славянской Фобъ.

спрѣ вихрей прелецѣлъ бы я на немъ всю вселенную.,

Твои очи горящъ, какъ двѣ яркія звѣзды; а шелко-
спруисная грива швоя развѣвается, какъ прекрасные
власы прелесной *Сибы* (*):

Съ какою величавостію изгибается кольцомъ швоя
вѣя! Ты помаваешь главою: шако высокій кедръ горѣ
клонитъ доду и подъемлешь ввыспрь близкую къ обла-
камъ вершину свою.

Ты прядешь острыми ушми, какъ ластовица
трепещетъ крылами своими. Подобно двумъ огнеды-
шущимъ опшертшвіямъ, ноздри швоя издають дымъ и
огнь: онѣ пышатъ гнѣвомъ и бранію.

Оживленныя красною ноги швоя гнутся, какъ нѣжные
сшебли цвѣшковъ и согласно ударяють въ землю.

По сребрисшымъ ребрамъ швоимъ опливаются лучи
солнца; кшо не подумаешь, что вскормленъ шы и
восноенъ рукою самой *Идуны* (**)?

Но какою прензашною савошностію украшаешься
шы, когда зланыя повода заблещушь въ швердыхъ пер-
свахъ юнаго богатыря моего!

Ты ощущаешь все мужество храбраго всадника,
цвѣтущаго младосшю; ты крушишься подъ нимъ,

(*) *Сйба*, или *Сѣва*, богиня Славянъ Варяговъ; она имѣла длинныя, ниже
колѣнъ власы.

(**) *Идуна*, Сѣверная богиня, хранящая яблоки, дающія молодосшь и
бодросшь.

и розового пёною заспилаешь ясность звончатых ушей.

Ты ржешь, бьешь копытами, щипишься испортнуть броды из крепкой руки рыцаря, и какъ будто шѣмь ему напоминаешь, что онъ высился на хребтѣ швоемъ.

Урчишь шимпань! . . . конь усремаешь внимательное ухо; какъ онъ прислушивается ко звукамъ! Едва сверкнетъ мечъ юного вишья моего: онъ запрыгаетъ, заскачетъ, взовьется, расналенъ будучи яростию на брань.

Красивой кони! ты несешься впередъ, какъ стрѣла! ты не страшись того, что по одну сторону тебя стоишь ужасной лѣсъ коней, а по другую неизмеримыя пропасти!

Ты не взираешь ни на глубокіе овраги, чрезъ кои страхъ и смерть мещущъ убійственные взоры свои; ты призираешь шрѣлы и сулицы, грозяща сердцу швоему.

Тщешныя препоны! едва ощутишь ты послабленіе бродъ, какъ мгновенно пускаешься подобно луку солнечному; ты ошважно мчишься на язвы и на смерть.

Ты протекаешь горы и доли, какъ пернатое летишь чрезъ всѣ преграды и шѣмь онъ упоритъ, шѣмь паче ты яръ, смѣль и быстръ.

Ты въ бѣгѣ своемъ шакъ легокъ, что не примѣтно, спешелся ли мурава подь ногами швоими. . . . Гремятъ громаы войны! . . . какъ молнiя мелькаешь ты въ рядахъ ратныхъ.

Но широкая грудь швоя уже произена, изъ многихъ язвъ сшруишя по ней швоя алая кровь. . . . что до того? въ пылу рьяности швоей ты сего не примѣчаешь, а шокмо что снѣшишь принесть владыку своего къ побѣдѣ, и по томъ готовъ умереть съ пуцею бурливостiю.

Горе шому, кто направилъ на тебя злошворный ударъ! . . . горе спесивому челу его! ты умрешь, но шеплой мозгъ его прильнешъ къ свѣшлымъ подковамъ швоимъ

Ахъ! вѣшь, величавое шоржествующее живощее! ты не умрешь, хотя грудь швоя и ребра изсѣчены достохвальными ранами; ты не умрешь, но прибѣжишь ко мнѣ, прыгая отъ радости.

Я шебя буду лелѣишь, обвѣшу шебя моими бисерными ожерельями и алыми леншами; тогда я сама кормишь и поишь шебя буду.

Я здѣлаю шебѣ шисовыя (*) ясли на поченыхъ

(*) *Тисъ* розовое дерево, которое въ старину въ великой было чести у Славянъ; изъ него-то дѣлывали сiи шисовыя кровати; о коихъ упоминается въ нѣкоторыхъ Рускихъ пѣсняхъ.

кедровыхъ сполбахъ; и въ то время, когда вилы швомъ изнемогушь, я не покину тебя.

И еслили нѣкогда загорится вдали на лазоревой тверди какая новая звѣзда, по дамъ ей швое имя лебезный конь милаго друга моего!

VIII.

Чувствованіе Славянки по разбитіи Славянскаго воинства.

О ужась! какая жестокая печаль раздираешь мое сердце, рвешь его на части! оно обливаешь кровію. . . Ах! пусть его обливаешь ею; да выщепь она изъ него до послѣдней капли.

Да померкнешь свѣшь въ очахъ моихъ, чѣмъ не видашь мнѣ гроба славы и разбишыхъ легионовъ нашихъ!

Увы! какое зрѣлище позора и скорби! О воинство! съ какой ты низнало вышины? Какъ! развѣ поле рашное не могло бышь всеобщю для тебя гробницею?

Подобно увядшимъ лиснамъ, которые разносимы осеннимъ вѣтромъ, ты разсѣваешь студа и сюда; ты ищешь и — ахъ! . . . нигдѣ не обрѣтаешь знаменъ швоихъ!

Обрати главу швою, возведи очи швои на вышины,

шобою оснавленныя: зри жестокое божество брани, какъ оно украшено цвѣтномъ вражѣмъ (*):

Оно протягаетъ шощую вию свою, разпускаетъ предъ взоромъ твоимъ знамена твои, презорешвуешь шобою и поносишь себя крикомъ своимъ.

Раздаются его громкія пѣсни побѣды: оно обращаетъ на тебя тѣ самые удары, коими предъ симъ ты его поражао.

О драгоценное отечество мое! се, се чада твои! Судящія и ошчаянныя машери! грядите сюда; а вы, злополучныя рашоборцы! сокройтесь въ нѣдра ихъ, кои охраняли васъ ошъ язвъ непрѣшельскихъ, еще прежде, нежели вы узрѣли свѣтъ . . .

О мое отечество! ты ошвращаешь главу свою, ты зашворяешь очи; пребывая въ изумленіи ты въздыхаешь и плачешь!

Защитники твои не смѣютъ даже и взирать другъ на друга: они въ недоумѣніи, въ печали; они устремляютъ взоры свои на поля, кровію ихъ обогренныя: несчастныя! почему не вытекла она до послѣдней капли!

Помыслите о вашемъ униженіи. . . . ахъ! нѣтъ, мыслите лучше о славѣ вашей, и гнушайтесь симъ случаемъ, кошорый могъ низложить ее.

(*) Подъ словомъ *жестокое божество брани* разумѣть должно все непрѣшельское войско. Оно украшено цвѣтнмъ вражѣмъ, сіе значить цвѣтнѣ знамена и одежды полковъ непрѣшельскихъ.

А ты, юноша! . . . о веркъ золъ моихъ! я не могу уже любить себя! краснѣешь отъ стыда чело мое.

Гдѣ ты? увы! или ты предался бѣгству? Бѣги отъ меня, бѣги за самыя предѣлы міра! да послужишь ты отнынѣ навсегда предметомъ посмѣянія и поруганія врагамъ нашимъ.

Или ты спалъ уже ихъ плѣнникъ? . . . Обременяйте его тяжелыми оковами! . . . Но нѣтъ, нѣтъ, лучше на меня возложите ихъ, а опустите несчастнаго!

Я, я виновата, что полюбила того, которой могъ быть побѣжденъ, которой не умеръ, видя себя побѣжденнымъ.

Можетъ быть мщеніе, скорбь и ярость, принудя въ нѣкогда подыять мечъ имъ оброненный; можете быть . . .

Но ратникъ сей, на шимпанѣ сѣдящій, не его ли имя произнесъ? Честію украшенъ его зракъ.

Орошенный потомъ и кровію, онъ повѣствуетъ о сраженіи: любовданіе собираетъ окрестъ его многлюдный сонмъ, и каждый внимлетъ ему съ удивленіемъ.

Внемлютъ всѣ склоня главу; едва слышатъ переводить духъ: что съ тобою свершилось, ратоборець? Ах! онъ същуетъ, извѣщаетъ всѣ подробности, проносишь имя любезнаго моего, повѣствуетъ о немъ.

„Горе мнѣ! . . . ахъ! повѣрьте словамъ моимъ. —
 „Тако речешъ. — Ни единый витязь не отличался толь
 „знаменитыми подвигами; всегда бывъ жестокъ, онъ па-
 „риль, какъ орель, надъ главами нашими; десять крашъ
 „онъ нападалъ на насъ.,,

„Онъ прелешѣлъ рвы, защищающіе наши бранные
 „снаряды; онъ вознекъ на ушесисныя скалы; цѣлыя
 „ряды поираль онъ на бѣгу пашюю своею.,,

„Подъязыше мечи со всѣхъ сторонъ низпали на
 „него: доспѣшная кровь его прошекла; мечь его
 „сокрушился, конь его изнемогъ подъ нимъ; но бога-
 „тырь воспрянулъ грознѣе, разъяреннѣе, нежели былъ
 „Предъ симъ.,,

„Подобно несокрушимуому Рифею, возносящему
 „твердое чело свое ко звѣздамъ, онъ споялъ неподви-
 „жень посреди труповъ!.,

„Онъ поражалъ еще . . . какъ я, мгновенно прон-
 „зень бывъ мечемъ палъ, и едва могъ сюда довлечься. —
 „Не вѣдаю о судьбѣ его.,,

„Безъ сомнѣнїя онъ мертвъ уже!., . . . любезный
 мой убишь? . . . Гдѣ я? разверзись мрачный гробъ!
 приди ко мнѣ, о смерть! приди, скоси дни мои!

Какое облако опускается на мои глаза! . . . Не слы-
 ли эшо, сладкій покой гроба? . . . Свѣтъ капишся изъ
 очей моихъ . . . слухъ исчезаетъ . . . я умираю . . .

IX.

Славянка приходитъ въ чувство, и видитъ своего любезнаго.

Кто превозмощъ мой сладкій сонъ? кто мѣшаетъ мнѣ спокойно умереть? . . . Когда я не могу жить для себя мой любезной, пакъ на что мнѣ жизнь?

Ужели это сонъ? Ахъ! есмь ли бы я во веки могла мечтать о вишнѣ моей! . . . онъ предсталъ моему взору, сѣдая на огнепурпуровомъ облакѣ.

Но кто сей, мною зримый? Онъ склоняетъ блистательное лице свое къ моему лицу: уже ли это онъ? или я пренесена на небо? Уже ли сновидѣніе мое свершается на самомъ яву?

О восторгъ! о сладость! о изступленіе! уже ли это ты? . . . ахъ! я умираю! — Такъ точно, ты! . . . Какое благошворное божество разверзло врата гроба твоего? какая всемогущая сила разрѣшила печаль смерти, кою очи твои запечатали были?

Ужасный цѣпь смерти еще изображается на пригожихъ ланипахъ твоихъ: тако кринь, обремененные крупнымъ дождемъ, склоняются долу благовонные верхи свои!

Успокой на груди моей величественную главу твою! но свергни съ чела твоего эту повязку; она сокрываетъ отъ меня прелести твои!

Я хочу увѣнчать чело швое свѣжими цвѣтами, которые для себя я рвала . . . но, о Небо! какія раны подъ этою повязкою сокрыты!

Ахъ! позволь мнѣ видѣть ихъ и изчислить! — О знаки славы! почто я также какъ и онъ не могу гордиться вами? почто не мнѣ, а ему онѣ достались? О любезной мой! — прѣмля ихъ за себя, я бы ни мало ихъ не почувствовала.

И твоя броня! . . . вся обграна . . . сквозь запекшуюся на ней кровь едва можно видѣть насплощій цвѣтъ ея: тако въ часы лѣшняго утра окроплено бываетъ каплями росы румяное, наливное яблоко.

Но что я вижу! рука швая, кою мешалъ ты смерть и низвергалъ супостата въ преисподнюю, увя! рука швая раздроблена: Кто сокрушилъ твою полканскую силу? Рука швая виситъ неподвижна! . . .

Но ты улыбаешься! довольно, я оживаю. *Хорсѣ* (*) изливаетъ на тебя полный фѣаль здравія; ты будешь живъ и останешься на всегда достойнымъ сердца моего.

А раны швои? . . . *Радегастѣ* начерталъ ими на высокой груди швоей, какъ бы на щитѣ храма чести, швою славу и мое шоржество! . . .

Все это воинство не столь знаменито, какъ ты одинъ! . . . Спращись обратитъ къ нему взоры швои!

(*) *Хорсѣ*, Славянскій Эскулапій.

... спрашивъ! ты ощутишь всю лютость болѣзни ранъ твоихъ.

Чѣмъ ты дѣлаешь, сострадашительный браненосецъ? сожалѣние и благосердѣе твое влекутъ тебя созерцавать сихъ рашоборцевъ? ихъ жребій тебя смущаетъ? О Небо! какое малодушіе!

Но они кропятъ твою десницу слезами своими; они лобзаютъ ее съ восторгомъ, и ты плачешь съ ними вмѣстѣ? . . . Да, плачь, оплакивай горе отечества твоего! и не проливай никогда иныхъ слезъ.

„Они сражались, какъ богатыри — вѣщаешь ты, — какъ я самъ сражался: но ах! нѣкое божество, паче пагубное, нежели всѣ острые мечи ихъ, востало на нихъ.“

„Вихри и буря, губительнымъ велѣніемъ его воздвигнушыя, омрачили покровомъ ночи зрѣніе сихъ рашниковъ.“

„Въ то время, какъ мы осаждали, съ нагорныхъ вершинъ смерть на насъ устремилась въ видѣ огненномъ.“

„ . . . Не сила сопротивныхъ низложила нашу силу, но горы обрушились на насъ, и мы не могли устоять противъ нихъ.“

„Однако же мы не преставали бороться съ смертію; часно удерживали мы ея злошворную косу, и ей подобно, сами наносили удары.“

„Взгляни на сіи холмы, на сіи долины: они содѣла-
лись обширною гробницею вравствъ нашихъ . . . Но
судьба намъ измѣнила. . . .

„Не взирая на то, — послѣ всѣхъ сверхъ есте-
ственныхъ усилій, — воинство наше ошеступило по
величїю Введовъ своихъ, и отступая медленно, оно не
преснавало еще поражать сопротивныхъ.

„Многолѣшній кедръ ошъ напору бури клонитъ
долу кудрявую вершину свою; но пребывая несокру-
шимъ, ошъ величавѣе вознесетъ и расширитъ шве-
рдья вѣшви свои по хребтамъ горъ.

„Такъ возстанемъ и мы, хошя и попоранны нынѣ;
рождены будучи ко славѣ, мы распроспранимъ наши
побѣды ошъ сѣвера до юга, ошъ востока до запада.
Чело врага раздробитъ подъ ударами нашими, и кровь
его застынетъ на хладныхъ его кошихъ. . . .

„Въ самомъ огнѣ брани я палъ: мраки ночи обле-
гли меня кругомъ. Раскрывъ же слабое око мое, я уз-
рѣлъ себя подъ вѣшвями сихъ ивъ.

„Дванадесять браненосцевъ, подобно лвамъ сра-
жавшїеся окреслѣ меня, испоргли меня изъ сѣчи, и
попеченїемъ ихъ я воззванъ къ жизни.,

О шоржество! о слава! укажи мнѣ сихъ добле-
ственныхъ богатырей, да воздамъ имъ мое благодарен-
їе, да восхваляю ихъ въ пѣсняхъ.

О воинство рыцарей! не дерзаю взирать на шебя;

ибо не вѣдавъ истины, я предавалась недостойному сомнѣнiю, и двесь столюко негодую на себя, колико шебя чшю.

Поздравляю шебя, храброе воинство! въ самомъ паденiи швоемъ опчаянiе было шебѣ чуждо; шы мужескиенно прешерпѣло поражение.

А шы, Вишязь мой! повесгнись въ мои обязанности! да воспламенишься въ нихъ сердце швое прежнею храбростiю! — По шомъ восстань на врага, и карай его за одержанную имъ побѣду.

X.

Сѣтованiе Славянки о паденiи ея любезнаго.

Чшо я испытую? какое предчувствiе удручаетъ мою свѣсенную душу? . . . Ужась подземелье червнй щипъ свой, и покрываетъ меня спрашною его швѣно.

А мрачныя тучи, во чревѣ своемъ смерть носящiя, скопляются вокругъ меня; онѣ прорвутся . . . глубокое безмолвiе облежитъ меня, какъ будто все умерло! . . .

Но се! излучистыя молнiи вьются въ воздухѣ, гремишь громъ; разверзается лоно земли, престолъ безсмертныхъ разрушается! . . . (*)

Земля колеблется подъ стопами моими . . . Кшо палеъ изъ сильныхъ? Ахъ! шо палеъ Вишязь, палеъ мой возлюбленный! Такъ, шточно шакъ; я видѣла, какъ гро-

(*) *Скальды* называли небо престоломъ боговъ.

Новая смерть излещѣла изъ нѣдръ сей глубокой ночи.
 . . . вопли брани поражаютъ слухъ мой, стenaniе
 умирающихъ раздираетъ мое сердце.

Ахъ! онъ палъ . . . Горе мнѣ! воззвѣщенный сла-
 вою, другъ души моей поверженъ! побранъ побѣдоно-
 сецъ! шоржесшвуешь побѣжденный врагъ! . . .

Но какъ онъ палъ? со славою ли? шакъ ли, какъ
 побѣдшцель, какъ вишязь? съ мечемъ ли въ десницѣ?

Паденiе его досшочесшно: онъ умираетъ, не поки-
 давъ меча своего; вселенная да чинитъ его память! ошече-
 шво да возрыдаешь палъ нимъ! . . .

Я видѣла сопршвныхъ: они были не вредны
 подъ защитною высокога вѣла, между швмъ какъ ошвсюду
 гремѣли ихъ громы, изрыгающiе смерть съ пламенемъ.

Тщешный президъ! богашыръ мой, глава легионовъ,
 усшремился съ своими храбрыми, подобно *Перуну* (*)
 вержущему молнiи.

Онъ усшремился чрезъ ихъ окопы и валь; онъ
 погасилъ ихъ пламенные громы, шноплеменные восшро-
 шивлялись ему, сражались съ нимъ . . . нѣтъ! они бѣжали
 ошъ него, и кровь ихъ багрила ихъ слѣдъ.

Они бѣжали, онъ преслѣдовалъ ихъ; . . . постой!
 постой, мой Вишязь! куда несешь тебя яросшь швоя?

(*)Здѣсь говорится о Славянскомъ богѣ грома.

Услышь звыванія храбрыхъ рашоборцевъ твоихъ! Кровь твоя сирунися: пощади кровь свою!

Возри на себя! . . . твоя десница, твоя грудь . . . ты весь покрышь ранами! . . . — Онъ съ усмѣшкою взглянулъ на язвы, и не преспавалъ гнашь смященные полки враговъ.

Но воинство новое, воинство сопрошивныхъ окружило его со всѣхъ сторонъ! . . . Преисполненъ будучи благородною опважностію, онъ ввергнулся въ средину ихъ, и въ себѣ единомъ заключалъ цѣлое воинство.

Какимъ тѣвомъ одержимъ былъ богатырь мой! отъ меча его исчезали цѣлые ряды рашоборцевъ: тако опустошаетъ градъ поля, посякая злашше класы.

Враги уже плавали въ крови . . . но люшый Чернобогъ (*), богъ мести и зла, адскою свѣточью своею озарилъ ихъ очи, явилъ имъ позоръ и возжегъ ихъ сердца.

Оспервенѣнные, они бросились на рыцаря моего и мгновенно окружили его! онъ защищался, поражалъ; бодрый конь его не однажды присѣдалъ подъ нимъ; и кто къ нему ни приближался, всякой умиралъ отъ его меча . . .

О богатырь мой! еснѣли бы ты обратилъ взоръ твой позадь себя. . . . Ахъ! мое сердце замираетъ!

(*) Чернобогъ у Славянъ былъ тоже, что у Персовъ *Ариманъ*.

. . . жиловатая мышца возносишь на главу твою пагубное оружіе!

О ужасное зрѣлище! рука опускается, и съ единого маху поразила. Ахъ! горе тебѣ, горе мнѣ! . . . ударъ смертоносенъ . . . Горе и тебѣ, опеченство мое! . . .

Се онъ распростертъ по рашному полю! буйный врагъ дерзосно приближается къ нему; онъ алчешъ славы, бышь обогрѣну кровію богатыря моего.

Избоденный копьями и мечами конь его издыхаетъ по спирану его; онъ еще гордится честию умереть съ Вишяземъ, копорого неоднократно носилъ онъ на хребтѣ своемъ къ побѣдамъ. Любезный мой возлещишь на грудѣ мертвыхъ рашниковъ, мечемъ его скошенныхъ!

Тако палъ Вишязь мой! Великъ онъ былъ во браняхъ, великъ и по смерти. Доблественная душа его, разставшись съ тѣломъ, отлетѣла въ *лучезарный чертогъ Одна* (*). . . Гдѣ ны днесъ, легионъ юнаго браненосца моего? Ты, коего неушомимую храбросшь низложилъ существованіе! приди, ополчись гнѣвомъ и мщеніемъ!

Здѣсь лежишь бездыханенъ Воевода твой! доселѣ

(*) *Лучезарный чертогъ Одна*, или *Валгалл*, былъ рай храбрыхъ. Въ немъ - по сѣверные Герои полагали (по смерти) ликовать во всю вѣчность.

онъ былъ спрѣкъ сопрошивныхъ силъ, а днесъ онъ со-
дѣлаася предместомъ ихъ кощунства! онъ былъ своимъ
предводителемъ, своимъ оцемъ, своимъ другомъ,
божествомъ тебя хранящимъ.

Уже ли опечесву не достанутся его кости?
уже ли гробъ сокрушителей, враговъ, будешь гробомъ и
мужественнаго Вишязя сего?

Водрствуйте, храбрые ратоборцы! мечи ваши да
проложатъ дорогу къ пѣлу богашыря! Возвращи-те
мнѣ возлюбленнаго! я омою его раны рѣями слезъ
моихъ, и до конца моихъ дней не престану его оплаки-
вать.

ХІ.

Плать Славянки надъ тѣломъ ея любезнаго.

Текише, усладительныя слезы, текише! спѣспен-
ное сердце мое предаеися горести: она шокмо одна
осшалась мнѣ опъ вѣхъ вождельныхъ благъ . . .

Да, текише изъ очей моихъ обильно! пошопляйте
мою грудь! честь юности, краса вишязей . . . ничто
иное, какъ уже прахъ, и домъ его гробъ.

О зѣницы мои, слезами омраченныя! вы уже не
узрите его болѣе! вы не узрите уже прекраснаго и
грознаго лица его!

Привыкшее къ милымъ его разговорамъ ухо мое, не услышавъ уже голоса его, приводившаго доселѣ въ восторгъ душу мою!

Голосъ его споль былъ любезенъ, какъ пѣніе соловья, раздающееся по тихимъ зарямъ; . . . но онъ не ошзвенялся уже въ груди моей!

Мои пламенные уста не прильпаясь уже къ его устами; они не соберутъ уже на нихъ нѣжъ сладчайшихъ лобзаний, которыя были споль пріятны, какъ благоуханіе цвѣтшвъ, какъ утренняя, освѣжающая злаки роса, какъ сошны меда.

Одна, съ печалію моею буду я бродить по долинамъ; никогда уже нечаянная съ нимъ встрѣча меня не восхишитъ! я не обрѣшу уже его укрывающимся въ шѣни лѣсовъ! . . .

Но что я слышу? . . . какое надгробное пѣніе соединяется съ воплями моей горести? . . . Оно приближается . . . я слышу голоса рыданіемъ пресѣкаемме!

Я вижу сонмъ ратниковъ! это сподвижники Вншазя моего: они шествуютъ медленно, за ними слѣдуетъ множество храбрыхъ.

Загорѣвшія ланины ихъ опустились опъ печали, и крупныя слезы кашатся по густымъ брадамъ ихъ.

О воини! что несете вы подъ манишюю? . . . Вы не ошвѣсшвуете мнѣ . . . вы въздыхаете! . . . Ахъ! горе мнѣ! . . . это онъ, это юный другъ сердца моего!

Снимите, снимите сей покровъ, сокрывающій его

ошь очей моихъ! Я алачу зрѣть его: онъ мнѣ принадлежишь, мнѣ и отечеству. О юноша! еще ты сияешь красотою!

Ахъ, любезный Витязь! позволь мнѣ еще тебя облабызашь! Почто лобзаніе мое не можешь возвратишь тебѣ жизни? тебѣ, котораго единый взоръ одушевлялъ меня!

Други! сердце его не бьется уже; любовь и слава не производятъ въ немъ пріятнаго препешанія; взоръ его не страшенъ уже врагу; онъ не обращается уже ко мнѣ съ милою улыбкою!

Сія мощная десница уже не подымлетъ меча; она не обвивается уже вокругъ выи моей.

Все уже свершилось! сіи останки любезнаго моего прешворяшся скоро въ прахъ!... Но что! уже ли раины сіи не являютъ мнѣ, кто онъ былъ?

Дайте мнѣ взглядѣться на нихъ!... Въ нихъ я созерцаю торжество и славу. Сколь онѣ глубоки! уже не причиняютъ онѣ ему спраданія: но тебѣ, отечество, тебѣ онѣ чувствительны!

Онѣ поглощаютъ мои слезы!... Но тебѣ не угодно, чтобъ я рыдала надъ шобою; да и слава шо мнѣ запрещаетъ.

Она ошторгаетъ меня отъ гроба твоего! Душа моя возвышается, возвышается до твоего величія; любовь и горестъ слишкомъ унизили меня!

Я щастлива шѣмъ, что ты умеръ достохвално. Ахъ! почто я не есть то, что былъ онъ? почто не могу умереть ему подобно?

Ахъ! еслили бы душа моя, разсавшись съ тѣломъ, могла оживотворить тебя, дабы содѣлаться существомъ столько же великимъ, каковъ былъ ты!

Тогда бы смѣлою рукою я отпятила смерть твою; а за тебя, отечество мое! щастіемъ бы почла сразиться и умереть.

За щастіе бы вѣдила бышь оплакиваемою сомномъ шакихъ Вишазей, каковы суть сіи, шѣснащіяся окрестъ шруна моего любезнаго, рыдая надъ нимъ... Други! положише его во гробъ.

Соберите черепы непріятельскіе, составыше изъ нихъ памятникъ славы, и водрузите на верху онаго знамя, храбросію его пріобрѣшенное.

Вокругъ сего памятника я насажу кедровую чашу, и вшайнѣ шуда приду крушиться о немъ!

О драгое отечество! ты не престанешь кроплять слезами твоими чашу сію, дотолѣ, пока косни мои покосишься будущъ въ единомъ гробѣ съ моимъ любезнымъ!

XII.

Тѣснѣ лежали Славянѣ при погребеніи юнаго богатыря, убитаго на брани.

Ю н о ш и.

Здѣсь палъ юноша, предметъ любви нашей; но онъ палъ, какъ богатырь. Умирая, разилъ еще врага, и повергся на него какъ побѣдитель.

Д ѣ в ы.

Къ нему стремились шайныя желанія молодыхъ дѣвъ; ему завидовали юноши. Когда являлся онъ, нѣтъ на главѣ шлемъ, а въ десницѣ копіе: тогда смертные зрѣли въ немъ *Радегаста*. Когда же слагалъ съ себя броню, и когда русыя кудри его рассыпавшася по раменамъ: тогда въ немъ мнили видѣть пригожаго первенца изъ сыновъ *Одиновыхъ* (*)

Ликъ юношей и дѣвъ.

Поспѣшимъ воздать ему долгъ дружества; обсадимъ кедрами и дубомъ могилу его! восхвалимъ его въ пѣсняхъ нашихъ, воздвигнемъ олтари во славу ему, и прольемъ надъ нимъ священные слезы любви!

Юноши.

Сила мышцы его бѣдасивекна была тысящамъ сопротивныхъ: онъ пролилъ кровь свою, онъ умеръ за отечество!

Д ѣ в ы.

Гордый конь его, одушевленный рвностію юнаго Вишазя, величаво носилъ его на хребтѣ своемъ; мла-

(*) *Бальдеръ* былъ старшій сынъ *Одина*.

днй богатырь! шты пролилъ драгоцѣнную кровь свою
за насъ и за матерей нашихъ!

Ликъ юношей и дѣвъ.

Заслугами и доблестію сего любезнаго юноши
проникнушы сердца наши; воздвигнемъ же ему памятни-
ки и прославимъ дѣла его! да наречется онъ вовѣки
великимъ. Выпьемъ и лучшимъ зацѣпниковъ опечесива!

Ю н о ш и.

Ни глубокіе рвы, ни высокіе валы не устрашили
его; преисполненный отвагою, онъ прелетѣлъ ихъ! но
на самой срединѣ блистательнаго поприща славы —
храбрость его завлекла въ гибель!

Д ѣ в ѣ.

Хотя онъ и мертвъ уже, хотя лежитъ безгласенъ
и обгренъ кровію; но все еще столь милосивенъ, какъ
сынъ Фригги (*). Вѣчная слава достается ему въ на-
граду за смерть его, пошомство не пресманеть слово-
словити досточестные его подвиги.

Ликъ юношей и дѣвъ.

Нарвемъ свѣжихъ цвѣтновъ и лакозъ благовоныхъ,
и усыплемъ ими могилу его! насадимъ младыя древа
вокругъ, и скропимъ ихъ медомъ. Преклонимъ предъ
его прахомъ чело наше! безсмертное имя его вознесеть
посреди имянъ боговъ Славянскихъ.

(*) Премудрый, прекраснѣйшій, сладкорѣчивый и вслщественный Ва-
леръ былъ сынъ Одина и Фригги.

ПОГРѢШНОСТИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

страницъ, строкъ, напечатано.

читай.

4 бывъ влюбленъ въ дочь
Ярослава I го, въ прекрасную
Елизавешу

бывъ влюбленъ въ прекра-
сную Елизавешу, дочь
Ярослава I го,

7 5 *Аварь*

I

Аварь

8 14 головою своей,

II

головой своею,

III

10 II приближающимися
11 II нежелы были они
завишы въ кудри

приближающихся
нежелы когда были они
завишы къ кудри

V

примѣчанія
16 строкъ. 3 и по другимъ Славянскимъ
городамъ.

и въ другихъ Славян-
скихъ городахъ,

18 20 пошомъ

пошомъ

VI

21 14 да почту каждого
изъ богатырей

да воздамъ почтеніе каж-
дому изъ богатырей

VII

примѣчанія
25 строкъ. 2 власы

волосы

25 7 и 8 ны сего не примѣчаешъ

ны сего нечупшвуезиъ

33 2 вравовъ

IX

враговъ

57 12 носилъ онъ на хребтѣ

X

носилъ на хребтѣ

59 18 голоса

XI

гласы

Имена Особъ подписавшихся на книгу: *Храмъ Славы
Россійскихъ Ироевъ.*

число страниц.

Его Сіяшельство Графъ Николай Александровичъ Зубовъ	-	-	-	-	3
— — Графъ Алексѣй Андрѣевичъ Аракчеевъ.	-	-	-	-	1
— — Графъ Дмитрей Александровичъ Зубовъ.	-	-	-	-	1
— — Князь Павелъ Пешровичъ Щербашовъ.	-	-	-	-	1
— — Графъ Сергѣй Николаевичъ Салшыховъ.	-	-	-	-	1
Его Высокопревосходительство, Василей Михайло- вичъ Лобановъ.	-	-	-	-	1
Его Высокопреосвященство, Господинъ Митрополитъ Сесиренцевичъ.	-	-	-	-	1
Его Превосходительство, Александръ Васильевичъ Алябьевъ.	-	-	-	-	1
— — Никифоръ Ивановичъ Кайгородовъ.	-	-	-	-	1
Его Сіяшельство Графъ Пешръ Андрѣевичъ Толстой.	-	-	-	-	1
Его Превосходительство, Иванъ Ивановичъ Бахшииъ,	-	-	-	-	1
— — Пешръ Григорьевичъ Демидовъ.	-	-	-	-	1
— — Пешръ Сидоровичъ Апрельевъ.	-	-	-	-	1
— — Николай Игнашевичъ Калининъ.	-	-	-	-	1
— — Пешръ Пешровичъ Чекалевской.	-	-	-	-	1
— — Алексѣй Алексѣевичъ Жеребцовъ.	-	-	-	-	1
— — Владиміръ Юрьевичъ Соймановъ.	-	-	-	-	1
— — Василей Николаевичъ Гурьевъ.	-	-	-	-	1
Выборгской Военной Губернаторъ, Баронъ Казимиръ Ивановичъ Мейндорфтъ.	-	-	-	-	1
для Коммерческаго училища.	-	-	-	-	1
Его Высокопродіе, Сергей Павловичъ Ташицевъ.	-	-	-	-	1
— — Осипъ Сшепановичъ Шерпинской.	-	-	-	-	1
— — Алексѣй Алексѣевичъ Зайцовъ.	-	-	-	-	1
— — Пешръ Павловичъ Звонцовъ.	-	-	-	-	1

—	—	Дмитрей Александровичъ Хошняицево.	1
—	—	Петръ Степановичъ Малчановъ.	1
—	—	Петръ Федоровичъ Лешюхинъ.	1
—	—	Господинъ предводитель дворянства Ярослав-	
ской	Губерніи,	Кожинъ	1
—	—	Неизвѣстная особа	1
—	—	Неизвѣстная особа	1
—	—	Его Высокоблагородіе Гаврилъ Васильевичъ Медвѣдовъ	1
—	—	Асифій Родіоновичъ Безукинъ	1
—	—	Господинъ профессоръ Иванъ Филипо-	
вичъ	Тупылевъ.		1
—	—	Федоръ Ивановичъ Шубинъ.	1
—	—	Афанасей Никишичъ Тулубьевъ.	1
—	—	Сергей Васильевичъ Шкуринъ.	1
—	—	Господинъ Степановичъ Сербиновичъ.	1
—	—	Сергей Ильичъ Крыловъ.	1
—	—	Господинъ Лешюхинъ.	1
—	—	Иванъ Петровичъ Соколовъ.	1
—	—	Петръ Андреевичъ Ниловъ.	1
—	—	Господину Лешюхину.	1
—	—	Николай Михайловичъ Неклюдовъ.	1
—	—	Анна Ивановна Вакселера	1
—	—	Василей Тимофеевичъ Клеменшевъ	1
—	—	Петръ Григорьевичъ Базанинъ.	1
—	—	Семенъ Христофоровичъ Спавраковъ.	1
—	—	Василей Сергѣевичъ Подшиваловъ.	1
—	—	Николай Сергѣевичъ Суворовъ	1
—	—	Петръ Евдокимовичъ Демидовъ.	3
—	—	Павелъ Павловичъ Саверъ.	1
—	—	Петръ Федоровичъ Желтухинъ.	1
—	—	Александръ Михайловичъ Камынинъ.	1
—	—	Господинъ Рябчуговскій.	1
—	—	Алексѣй Ивановичъ Паншавинъ.	1
—	—	Александръ Михайловичъ Папинъ.	1
—	—	Господинъ Окуневъ.	1

Его Благородіе, Господинъ Выдринъ.	-	-	1
— — Егоръ Яковлевичъ Власовъ	-	-	1
— — Николай Степановичъ Кейкивъ.	-	-	1
— — Степанъ Косшырка	-	-	1
— — Дмитрій Щелкуновъ.	-	-	1
— — Адамъ Козловской.	-	-	1
— — Федоръ Вальшеръ.	-	-	1
— — Аншювъ Ходзинскій.	-	-	1
— — Степанъ Степановичъ Андѣевскій.	-	-	1
Сергей Михайловичъ Железниковъ.	-	-	1
Александръ Бирюлинъ.	-	-	1
С. Петербургской купецъ Федоръ Васильевичъ Кур-	-	-	1
башовъ.	-	-	1
С. Петербургской купецъ Егоръ Федоровичъ Ермс-	-	-	1
лаевъ.	-	-	1
Дерптской купецъ Алексѣй Григорьевичъ Захаровъ.	-	-	1

въ Суммѣ.

Ея превосходительству Прасковѣ Михайловнѣ Штеричевой	-	-	-	-	-	-	1
--	---	---	---	---	---	---	---

въ Астраханѣ.

Его Высокоблагородію Саввѣ Романовичу Копышовскому.	-	-	-	-	-	-	1
---	---	---	---	---	---	---	---

туда же

— — Никишѣ Львовичу Куклину	-	-	-	-	-	-	1
-----------------------------	---	---	---	---	---	---	---

въ Луцкѣ.

Его Благородію Господину капитану Хрущову.	-	-	-	-	-	-	1
--	---	---	---	---	---	---	---

Въ городъ Оболенъ.

Его Превосходительству Семену Григорьевичу Заплатину. - - - - - 1

Въ Стародубъ.

Его Благородію Степану Николаевичу Трудкому. - 1

Въ Фридрихсгамъ.

Войска Донскаго, казачьяго полка Есаулу и Каваллеру Павлу Власову. - - - - - 1

Въ Выборгъ.

Его Благородію Господину капитану Флакимонову. - 1

Въ Невелъ.

Его Высокоблагородію Терентію Федоровичу Ершову. - - - - - 1

Въ Кашинъ.

Его Высокоблагородію Николаю Ивановичу Кошкину. - - - - - 1

Въ Моршанскъ.

Его Высокоблагородію Алексію Ивановичу Каршиазову. - - - - - 1

Въ Оренбургъ.

Господину Шапошникову. - - - - - 1